Вера Перминова

Булавинские хроники

жизнь в удивительной деревне

ПИТЕР

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Эта книга – о реально существующей удивительной деревне. В ней всего несколько десятков домов, она стоит в идиллическом месте под сенью глухой тайги, вдали от шумных городов, на берегу сказочного озера и даже без всякой проезжей дороги.

Многие полагают, что такая деревня должна быть непременно депрессивным местом с вымирающим населением, о котором только и можно писать унылые рассказы «о былых временах».

Так вот, в нашей деревне – молодое активное население, жизнерадостное и упорное в работе. Впрочем, там и раньше народ был – ого-го! Рассказы «о былом» напоминают сказания о разбойниках и чудо-богатырях. А сегодня наша деревня стала самым быстро развивающимся поселением Н-ской области. Как и встарь, ее сотрясают нешуточные страсти, отношения между ее жителями весьма непростые, да и сами они – люди нетривиальные.

Эта книга – о по-прежнему великом русском народе, о наших современниках.

- Вера Перминова
  -
  - О том, как наша семья попала в Булавино
  - О том, какими были первый булавинский дом и булавинские соседи
  - О том, как упал потолок
  - О том, как сожгли печку
  - О том, как сожгли печку, – часть вторая. а также о почтовой связи и о быках
  - О том, как кобыла взбрыкнула и телега перевернулась
  - О том, как мы с Сережей чинили баню и как была найдена Котя
  - История об ужасном пожаре
  - Сказание о кладе
  - О том, как в деревню съезжались родственники, и о том, как появилась ферма. История о вице-губернаторе
  - История о цыгане и цыганке
  - О том, как Елисей заблудился в лесу
  - О том, как цыганка родила сына Веню
  - О том, как Зоя ездила жаловаться районному начальству
  - О доярках и пастухах, о строительной бригаде

- История о навозе и индюшке
- Об индюках, курах, утках и гусях, собаках, кошках, а также о лошадях
- Социально-экономический очерк жизни российской деревни в Н-ской губернии. История о двух таджиках
- О людях, которые живут в Булавино. История о человеческом упорстве
- О лесах и грибах
  - Прогулка на Долгие Полосы (Борки)
  - Прогулка на маленькое лесное озеро
  - Прогулка в Сивково
  - Прогулка на Рогдайку
  - Прогулка вдоль берега
  - Прогулка в Солнышкино и Арапиху

Вера Перминова
Булавинские хроники. Жизнь в удивительной деревне

Я поплыву на пароходе,
Потом поеду на подводе,
Потом еще на чем-то вроде,
Потом верхом, потом пешком,
Пойду по волоку с мешком —
И буду жить в своем народе!

Н. Рубцов

О том, как наша семья попала в Булавино

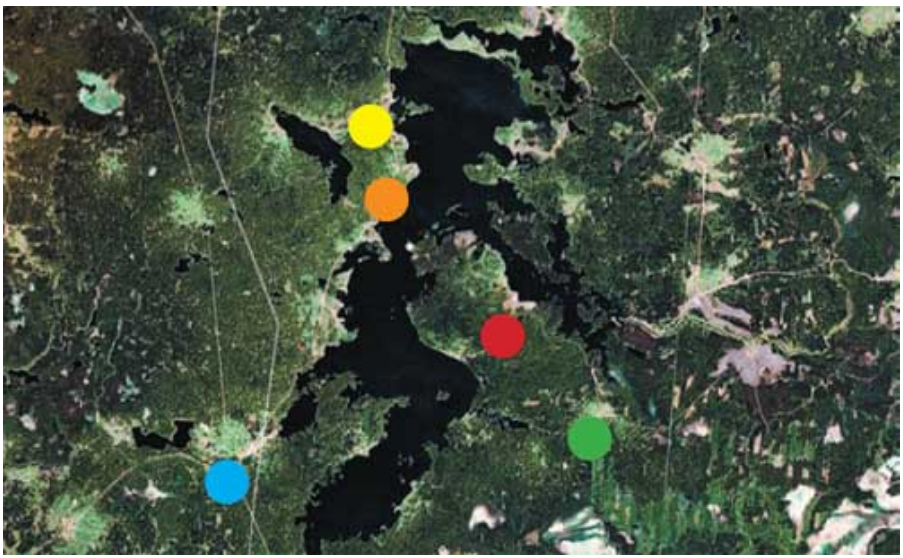
Впервые в Булавино мы попали в 1976 году. У этого события была своя предыстория.

Тем летом, в августе, мне исполнилось шестнадцать лет.

За пару лет до этого ленинградская Пулковская обсерватория, где тогда работал мой дядя Коля Шахтарян, искала место, чтобы проводить какие-то полевые эксперименты в малонаселенной местности. А один тамошний сотрудник был родом или, может, имел родственников на озере Волья в деревне Росинушка и предложил окрестности этой деревеньки в качестве такого полигона, чтобы совместить приятное с полезным – и поработать, и заодно провести лето в деревне своего детства.

Руководство обсерватории предложение приняло.

Таким образом в деревню Росинушка попал и мой дядя Коля. А вместе с ним – один из братьев Стругацких, известных писателей-фантастов (сейчас не помню, какой именно). Этот брат-Стругацкий был писателем-фантастом без отрыва от основной работы, а работал он как раз в той же Пулковской обсерватории. В результате деревня Росинушка на озере Волья неожиданно оказалась всенародно прославленной, потому что попала в один из романов братьев Стругацких «Жук в муравейнике» в качестве модного курорта Будущего.



Вот спутниковый снимок нашего района. Цветными кружочками помечены деревни, упомянутые в рассказе: красным – Булавино, синим – Росинушка, желтым – Задольское, зеленым – Криново, оранжевым – Подорожье. На снимке видно, что кругом озера и сплошные леса темно-зеленого цвета. А небольшие светлые пятна около деревень – это видимые со спутника остатки полей и покосов. Когда-то, еще до войны, почти все окрестное пространство занимали посевные поля. По рассказам старожилов, из Булавино было видно Криново, а через поля – другой берег озера. Криново расположено в низине, а Булавино – на горке. Это считалось очень крутым – жить в деревне, стоящей на горке. Булавинские девушки по этой причине якобы отказывались выходить замуж за криновских парней: мол, не хочу жить в яме. Теперь, конечно, Криново не видно – одни леса. Редкий случай почти полной победы природы над человеком.

Роман, кстати, неплохой, и мне всегда приятно натыкаться там на это описание.

Но это все было много лет спустя, а тем памятным летом там, в Росинушке, оказалась часть нашего большого семейства: дядя взял с собой в экспедицию в приятное место жену и детей – тетю Марину и девчонок, моих двоюродных сестер – Галинку и Дашку. Увидев, что место действительно отличное, тетя Марина пригласила приехать в Росинушку на лето свою сестру с семьей – мою маму с мужем и детьми.

Так мы все там и скопились – те, кто потом свяжет жизни своих семей с деревней Булавино на том же озере.

* * *

Почему на нашем горизонте появилось Булавино?

Росинушка считалась по тем временам и для тех мест крупной деревней. Она стояла хоть и не на заасфальтированной, но все-таки на проезжей дороге, и там были почта, магазин и автобусная остановка. Однако пустых продающихся домов в ней не было, и даже снять угол на лето для семьи из четырех человек оказалось не так-то просто. И до озера надо было идти целых двести метров (подумать только!).

Но сама местность, после подмосковных, плотно упакованных десятками и сотнями шестисоточных дачных участков с затоптанными и заплеванными лесами вокруг, показалась нам потрясающе чистой. Удивляли простор, бесчисленные цветы в

полях, названий которых мы не знали, да и видели-то большинство из них впервые. Чистейшая вода, чудовищное количество грибов и ягод, практически никого народу (не могут же москвичи всерьез считать крупным населенным пунктом деревню из сорока домов!).

Быстро родилась идея найти пустой дом (не в этой деревне, так в другой, только непременно на берегу озера) и купить. Мы даже ходили искать дом по соседним деревням. Помнится, допели до восхитительной деревушки Подлипки, состоявшей из трех-четырех домов. Возле одного из них на крыльце сидела старая бабка и смотрела на озеро. Мы ее спросили, не продаются ли в деревне дома.

Зеркальная гладь в ясную погоду.

Туман над озером.

– Точно не знаю, милые, может быть, и продает кто! Вон в других-то домах никто не живет… А я одна. В деревне у нас электричество отключено! Уже много лет!

– А что же вы не уезжаете? – спросили мы.

– Да вот, дети зовут, мол, чего тебе тут сидеть, но как же я отсюда уеду? Я вот сижу и смотрю целый день на озеро. А оно никогда не бывает одинаковым. Вы не поверите, но оно каждый день разное!

Я часто вспоминаю тот разговор. Вот уже много лет я живу у этого озера и могу подтвердить: действительно, оно всегда разное!

Однако дом в деревне без электричества мы покупать не стали и осенью вернулись в город.

В том же году, зимой, позвонила Марина и сказала, что выяснилось, будто один человек продает дом на озере Волья, в деревне Булавино, но только туда нет дороги. Проезжей дороги то есть. Надо или идти пешком шесть километров по тропкам через лес от соседней деревни Криново, куда пока еще ходит автобус, или плыть через озеро, если есть лодка. Потому что с противоположного берега озера проезжая дорога есть.

Ну и, разумеется, в деревне нет ни почты, ни магазина. Магазин и почта есть только в этом самом Криново. Но почтальонша иногда ходит, носит газеты и письма. Электричество есть, потому что в этой деревне целых пять семей живут

постоянно, и у трех из них даже есть коровы.

Марина предложила купить дом пополам с их семьей. Мы плохо себе представляли, как покупают деревенские дома, и спросили «по-городскому»: какая площадь?

Две комнаты, каждая 6 х 6 метров, сени и остатки хлева («двора», как это там называется). И еще сад – двадцать корней яблонь. Ну а точная площадь участка неизвестна – в тех благословенных местах заборов нет, все давно попадали, соседние дома далеко, и можно, как на заре времен, обвести вокруг рукой и сказать: «Вот это все мое!»

Выяснилось также, что законным способом купить дом невозможно. Почему-то советская власть этого не разрешала. Это был какой-то глюк из прошлых времен. Все боялись, как бы кто ненароком не разбогател. Деревенский дом с печкой считался пригодным для постоянного проживания, и, чтобы официально оформить его покупку, надо было выписываться из Москвы, чего, понятно, никто не хотел. Дачные домики на шести сотках запрещалось в те времена строить из хороших бревен и с нормальными печками, и поэтому их можно было иметь параллельно с городской квартирой, а вот деревенский дом никак нельзя.

Что это была за уму непостижимая чушь – до сих пор не понимаю. Я уверена, что если бы советская власть не сходила с ума и не жмотилась для своих граждан в таких вот мелочах, она и не развалилась бы с таким треском через двадцать лет. Даже стройматериалы нельзя было поехать и купить просто так, ну вот доски для ремонта например. Ишь ты, поехать и купить! А вдруг ты возьмешь да что-нибудь себе построишь, без спроса? И на этом разбогатеешь?

И это в стране, где половина населения жила в старых деревянных или кирпичных индивидуальных домиках, где было полно земли и остро не хватало квартир! Придурки какие-то. Вот и довели страну до ручки.

Первое, что люди бросились делать после перестройки, – строиться, как бешеные. Вся страна – сплошная новостройка. Чего другого не сделают, а домик себе отгрохают. Даже в этих Богом забытых местах едешь по разбитым проселочным дорогам – дома стоят через один новые. Я уж не говорю о коттеджном строительстве в Подмосковье или вблизи других крупных городов.

Ну ладно, это у меня отступление, относящееся к нынешней жизни.

А тогда мои родители приняли решение рискнуть, и дом был куплен за 1700 рублей, отданных под честное слово незнакомому

человеку (правда, при свидетелях). Как потом выяснилось, мы сильно переплатили. Хозяин хотел продать его за 700 рублей и пошел к соседу советоваться, как бы половчее это провернуть. Пообещал поставить за хороший совет бутылку. А сосед сказал: проси не 700, а проси 1700. Столько, конечно, не дадут, потому что дом твой весь гнилой. Но 700 свои получишь. Так он и поступил и, сам не свой от радости, получил все 1700 рублей, потому что мы были людьми неопытными и вообще даже не поинтересовались, гнилой дом или нет.

Закат над озером.

Спуск лодки в шторм.

Итак, зимой покупка состоялась, и летом мы отправились в Булавино.

Состав экспедиции был такой: папа, мама, я (шестнадцати лет), мой брат Вася (двенадцати лет) и мой двоюродный брат Леня, сын папиной сестры (шести лет). Ехали на перекладных. На автобусе до райцентра В., оттуда на местном автобусе до Криново. Оттуда пешком через лес шесть километров до неизвестной нам деревни Булавино, где в первом доме, у некой тети Нины, надлежало спросить ключи от «Нюркиного дома» и сообщить, что мы и есть новые хозяева. Отважные мы были люди, надо сказать! Даже без предварительной разведки поехали.

Вещей с собой тащили чертову прорву, потому как было неизвестно, есть ли в том доме хоть чашка, хоть ложка. Магазина рядом точно нет. Поэтому все волокли на себе. Куча рюкзаков и сумок, которые отец и мать тащили «челноком» по этой шестикилометровой лесной тропинке. Тяжеленный рюкзак у меня (кажется, килограммов двадцать, я чуть не сдохла, пока его тащила), сумка и четырехлитровый бидон с постным маслом у Васи (помню, что он устал и сильно ныл). И даже шестилетний Ленечка нес удочку (удочка ему сильно мешала и быстро надоела, и он тоже канючил).

Уж как мы тащились-тащились через этот лес, до сих пор помню.

В лесу была одна странная встреча. Вдруг из кустов нам навстречу выбежал здоровенный босой мужик. Остановился, поздоровался, сказал: «А, это вы Нюркин дом купили! Ну-ну! А я

тоже живу в Булавино, а сейчас бегу в Криново за водкой, пока магазин не закрылся». И с этими словами скрылся снова в лесу.

Вот вид на деревню Булавино со стороны Криновской дороги. Фото современное, и домов, которые видны вдали, тогда еще не было. Они загораживают старые домики, которые мы тогда увидели с этого места в первый раз. Но общее впечатление бескрайнего простора, густых лесов и манящего приюта впереди – то же, что и тогда.

Это был, как мы потом узнали, милейший дядя Никанор, деревенский пастух и вечный трудяга, единственный в то время относительно молодой мужик в Булавино (ему было лет сорок пять, я думаю). Но тогда нам показалось это очень удивительным – бегать через лес босиком за водкой.

Наконец деревья отступили, попели поля. Красота! Озеро уже видно, деревни все нет, да и сил уже тоже нет. Дети ноют, и нам кажется, что мы не шесть километров прошли, а все семьдесят шесть. И вот наконец – деревенская околица и небольшое стадо, вдали темнеет несколько домиков.

Тут мы и рухнули у деревенского забора (он назывался по-местному «изгорода»). Вещи побросали, дети упали сверху.

Мама уже налегке отправилась в деревню искать тетю Нину с ключами и «Нюркин дом», которому предстояло стать нашим

родовым гнездом.

О том, какими были первый булавинский дом и булавинские соседи

Дом был очень старый, может, построенный еще до Первой мировой войны (на чердаке было много снарядных ящиков 1914-го года с надписью «Шрапнель» через «ять»), а может быть, и вовсе постройки конца XIX века.

Самый старый дом в деревне. Вернее, такой была одна его комната – задняя, а вторую пристроили после войны, вытаскивая из окопов и собирая с пожарищ полуобгорелые бревна. Крыт был дом, как и многие дома в деревне, старой гнилой дранкой, которая текла во многих местах. Кое-где дранка была наспех прикрыта листами рубероида, которые ходили под ветром (дранка пружинила), и от этого в крыше год от года образовывались новые дыры.

Таким образом, крыша текла во многих местах, в частности на стыке бревен двух комнат, отчего все там прогнило и вскоре обвалился потолок.

Но об обвале потолка – отдельная легенда. Дом-то стоит до сих пор и не течет теперь, и еще, чай, лет тридцать простоит, если какой-нибудь новый хозяин не примет решение о капитальной перестройке.

«Двор» представлял собой наполовину рухнувший сарай впритык к дому, в котором располагался туалет с выгребной ямой. Бани не было. До берега озера метров сто, сильно под горку. У дома огромный, наверное, двухсотлетний дуб. Прямо за домом проходит задняя «изгорода» деревни и начинаются кусты и поля, поля и кусты. В первые годы нашего пребывания в Булавино в полях еще сеяли лен, потом пошел один овес, потом поля забросили совсем, и сейчас там молодая тайга: как я уже говорила, полная победа природы над человеком.

Вот оно, наше родовое гнездо – «коричневый дом». Фото тоже современное, поэтому, конечно, видно, что дом хорошо отремонтирован. Крыша шиферная и никакой дранки, обшивка вагонкой, окна – пластиковые стеклопакеты вместо гнилых рассыпающихся рам. Не было также мансарды на чердаке, ставень на окнах, не говоря уже о водопроводе, спутниковой антенне и новых полах и потолках, которые на снимке не видны.

Внутри дома было несколько кроватей, громадная русская печка, которую потом сожгли студенты (тоже отдельная история), какие-то тумбочки, несколько стульев и лавок, а также масса старого тряпья и разнообразного хлама, который пришлось несколько дней вытаскивать, сжигать, а то, что не горело, закапывать. Например, было старых касок на целый полк, несколько ящиков с ДДТ, бухты колючей проволоки и тому подобные странные предметы. Наверное, насобирали после войны на полях сражений, а выкинуть это богатство было жалко.

Все искали пулемет или тол, говорят, в таких домах часто находят, но в нашем их не оказалось.

Была масса каких-то странных орудий труда, которые мы не вполне могли опознать: детали от старых прялок и ткацких станков, деревянные штуки, похожие на весла, но не весла (оказалось, они нужны, чтобы белье в озере полоскать не нагибаясь), сделанная из дерева зазубренная стиральная доска (до сих пор храню). Удивительный и очень полезный инструмент,

который больше никогда не видела нигде, – «шкуродер»: заостренная металлическая скоба с двумя ручками, чтобы ошкуривать свежесрубленные бревна. Очень ценная штука, им в тысячу раз удобнее работать, чем топором, ножом или еще чем-то.

Первые дни мы занимались освобождением дома от хлама и обустройством. Например, в доме не было стола, и папа сколотил его из каких-то дощечек.

Дощечек, впрочем, тоже не было, и для этого пришлось разломать одну из перегородок в комнате. Учились топить русскую печку. Первые топки были неудачные – идет дым в комнату, и все тут. Уже решили было, что где-то наверху обвалился дымоход.

Пожаловались соседям, с которыми к тому времени уже познакомились. Соседи поохали, говорили, что да, мол, бывает, что дымоход обваливается, но вообще-то печка у Нюрки была хорошая и никогда не дымила.

Кстати, выяснилось, что Нюрка – это не женщина, а мужчина. Не тот, кто нам продал дом, а один из предыдущих хозяев, имевший в деревне репутацию жулика и вора. Впоследствии выяснилось, что репутация такая была им вполне заслужена. Через несколько лет, когда во время ремонта вскрывали полы, в сенях нашли уйму костей. Сначала испугались, что человечьи, но потом, глядь, – бараньи.

Сказали опять же соседям. И тут-то выяснилась вся Нюркина подноготная.

– Ах вот куда много лет пропадали в деревне бараны! – возопили соседи. – А мы-то думали, их волки таскали! Их Нюрка воровал, втихаря съедал, а кости в подпол бросал, чтобы не нашли!

Но это произошло значительно позже, а тогда все твердили, что печка у Нюрки была отличная. Наконец, на каком-то из деревенских сборищ, кажется, в очереди в криновском магазине, одна из бабок задала моему отцу ключевой вопрос:

– Милок, а ты вьюшку-то вытащил?

– Какую еще вьюшку?

– Ну все ясно!

Магазин чуть не развалился от громового хохота присутствовавших.

– Там над жерлом должна быть такая щель, и в ней круглая вьюшка металлическая, перекрывающая дымоход. Надо руку засунуть и вытащить. Ее снаружи не видно.

Так оно и оказалось. Мы, городские жители, конечно, об этой вьюшке понятия не имели и что там за щель над жерлом, и

внимания не обратили – мало ли щелей в старом деревенском доме! Наконец проблема с отоплением была решена.

История о москвичах, которые не нашли в печке вьюшку, необычайно распространилась по окрестностям. Через два года к моим родителям в гости должны были приехать их товарищи по работе – некто Володя с женой. Они ехали со стороны озера Селигер, высадились в Асташкове и стали расспрашивать, каким транспортом можно доехать до озера Волья (расстояние там километров сорок). Нашли попутчиков, выяснили, какой автобус им годится, и стали ждать на автобусной остановке. И вот попутчики-доброхоты заводят с ними обычный дорожный разговор:

– А куда вы на Волью конкретно едете?

– Да там деревня есть на другом берегу – Булавино.

– Ах да, как же, как же, Булавино мы знаем. И к кому же вы туда едете?

– Да там у нас друзья недавно дом купили.

– Ах, так это, наверное, бывший Нюркин дом?

– Да, кажется, они говорили, что именно Нюркин.

– Ах, так это ваши друзья и есть те самые москвичи, что вьюшку в печке не нашли?!..

Первый год после нашего приезда был невероятно дождливый: лило все время. Но мы были счастливы – столько грибов нам даже во снах никогда не снилось. И главное, идти за ними никуда не надо. Прямо за из-городой начинались кусты, просто зараженные малюсенькими подберезовиками и подосиновиками. Чтобы их собрать, приходилось ползать на карачках. Я помню, кроме огромной корзинки я приносила куртку, застегнутую на молнию, с завязанной горловиной, всю набитую только шляпками от молоденьких подосиновиков – шляпку больше пятикопеечной монеты не брала.

Познакомились мы и с местными жителями.

Постоянных жителей было пять семей. Во-первых, пастух Никанор Полозов с женой Ниной, которая была заметной фигурой в местном истеблишменте – бригадиром совхоза. Она была лет на десять старше Никанора, у нее были две дочери, жившие в другой деревне, в Покровье, где располагалась центральная усадьба совхоза, и зять, работавший на молоковозе. В нашей деревне Нина была главным персонажем. Она распоряжалась лошадьми, телегами (принадлежавшими совхозу), имела двух собственных коров с хорошими удоями (одну звали Венерка, как сейчас помню) и тем самым контролировала большую часть молока в деревне.

А молока в деревне обычно не хватало, и был большой вопрос

– даст тетя Нина тебе молока или откажет. Нам обычно давали. Приемная у Нины была в сенях и оформлена была напечатанными крупными буквами на белых листах лозунгами текущего момента типа: «Повысим урожайность овсов!» или «Все на борьбу за летние привесы бычков!».

Была она страшная матерщинница и весьма щеголяла этим искусством. Но при этом – человек в целом справедливый и не подлый. Никанор брал на откорм на булавинских полях на лето по сто-двести бычков, и они у него бродили за изгородой деревни в специально разгороженных в лесах выгонах. Основная функция Никанора была – поддерживать эти загоны в порядке, чинить, когда бычки их ломали.

Бычки на сказочных булавинских травах отлично прибавляли в весе, и Никанор хорошо зарабатывал, считался богатым человеком и ценным сотрудником. Правда, деньги, кроме как на водку, куда тратить, не знал.

Известна история, как он решил купить автомобиль. Автомобиль так запросто было тогда не купить. Их «выделяли» в некотором (маленьком) количестве на предприятия страны для поощрения лучших сотрудников, и их дележка всегда была весьма скандальным делом. Например, у моих родителей не было не только автомобиля, но и никакой надежды когда-нибудь его получить.

Так вот, на «наш» совхоз в какой-то год было выделено два «Запорожца». И Никанор возымел намерение получить один из них. Он явился в контору к директору и заявил о своих притязаниях. Его обсмеяли: «Куда тебе „Запорожец", у тебя и в деревню-то дороги проезжей нет, не смеши людей!» Никанор был краток. Он свернул свой пастуший кнут в кольцо, швырнул его на стол под нос директору и заявил: «Пасти не буду!» И вышел из комнаты, хлопнув дверью.

Директор, осознав весь ужас происшедшего, вскочил, бросился за ним следом, с уговорами и прибаутками вернул в контору, усадил как дорогого гостя, и к вечеру «Запорожец» был ему выдан.

Никанор немного на нем поездил и оставил в соседней деревне Криново, где была проезжая дорога. Зимой на санях переправил его в Булавино, где он и остался стоять навеки как наглядное доказательство удовлетворенного тщеславия Никанора. До сих пор еще можно разглядеть в бурьяне ржавый автомобильный остов.

Эту историю я тоже часто вспоминаю, особенно когда на работе сталкиваюсь с тем, что какое-то желание фактически незаменимого сотрудника руководство не хочет выполнить (в том

числе мое или моего мужа, который в ряде случаев довольно-таки незаменим). Каждый раз я думаю, что вот ведь рискуют люди попасть в положение того директора, которому бросили кнут на стол и сказали: «Пасти не буду!».

Иногда бывало, что мне приходилось такие сцены действительно наблюдать и впоследствии, но Никанор всегда будет для меня образцом решительности и лаконичности стиля.

При Никаноре и Нине жила их ближайшая соседка, в маленьком домике через дорогу; ее все называли Валюшка Тиркина. Валюшка была довольно пожилая, лет под шестьдесят. В первый год она еще работала в совхозе. Например, однажды мы встретили ее грустно сидящую в лесу на той самой дороге в Криново, по которой невозможно было проехать, у большущей грязевой лужи, что образовалась на месте разлившегося ручья. Бедная Тиркина сидела пригорюнившись и опиралась на топор.

Мы спросили, чего это она тут делает. Ответ был весьма неожиданным: руководство совхоза прислало ее сюда в лес одну (!!!), вооружив топором (!!!), чтобы она построила мост через разлившийся ручей. Это у них такое мероприятие по улучшению дорог.

Мы спросили, что же она думает делать? «А что тут сделаешь? Посижу часок, да и пойду домой», – ответила Валюшка.

А обычно Валюшка выполняла роль помощницы Нины как в бригаде, так и по личному хозяйству; своей скотины не держала и была всегда при Нине. Никанор в свою очередь помогал Валюшке за это при заготовке дров и в других мужских работах. В общем, такой вот симбиоз. Все считали Тиркину членом семьи Нины и Никанора.

В стоящем рядом рыженьком доме жила семья тети Нади и ее мужа Макара Ивановича. Тетя Надя еще работала в совхозе, а вот муж ее был уже на пенсии. Они тоже держали огород и скотину, имели живших в городе детей и чувствовали себя вполне независимо. С Ниной, ближайшей соседкой, отношения были весьма напряженными. Кажется, даже не разговаривали. Как они ухитрялись работать в одной совхозной бригаде, ума не приложу. Всегда была опасность, что если попросишь молока у тети Нади, то тетя Нина не даст, и наоборот. Впрочем, мы, как новенькие и «не знающие порядков», всегда как-то выкручивались. Например, моя мама придумала посылать за молоком шестилетнего Ленечку, которому деревенские дамы никогда не отказывали, – не вводить же, право, такого мальца в суть их деревенских раздоров!

Третья семья была весьма замечательной и именовалась «дед Прошка и Молодуха». Жили они в самом большом доме в

деревне, в центре; на лето приезжал к ним сын Гриша и несколько дочерей, одна из которых была замужем за азербайджанцем и всегда гостила у родителей вместе с мужем. Однако на зиму все возвращались в город, и старики оставались одни. Они уже были на пенсии и не работали.

Люди они были весьма знаменитые и прославленные в местных легендах. К легендам вернемся позже, они заслуживают специального изложения.

С Ниной и Надей они тоже были в ссоре и не разговаривали. Впрочем, дед Прошка уже почти не слезал с печи от старости и бурно прожитой жизни. Тем не менее, как говорят, однажды зимой тетя Надя с мужем нанесли им визит на санях (расстояние между домами метров пятьдесят), и поскольку засиделись допоздна и «возвращаться было поздно», то заночевали.

Но это было такое необычное событие, что его несколько лет обсуждала вся деревня, вот и я до сих пор помню.

Четвертой зимовавшей в деревне семьей были Пал Саныч (бывший бригадир) и его жена, совершенно сгорбленная баба Шура, имевшая в деревне репутацию знахарки, гадалки и вообще немного колдуньи. Во всяком случае, к ней ходили, когда болел зуб, и еще помнится, как-то раз кого-то на покосе укусила змея, так тоже к ней бегали.

Жили Пал Саныч с Шурой на отшибе от всех, на самом берегу озера, держали тогда еще корову, огород и пару баранов, ни с кем, кажется, не водились (и были на то причины). Оба пенсионеры, Пал Саныч постоянно ловил рыбу.

Нам надо было ходить к озеру мимо них, и мы всегда считали и их самих, и их дочерей Зину и Лиду очень милыми людьми. Про их бурное прошлое и непростые отношения с соседями мы тогда вообще не знали, да и сейчас знаем только всякие легенды. До сих пор это наши ближайшие соседи (теперь уже, к сожалению, только их дочка тетя Зина). А тогда они пускали нас мыться в своей бане: у нас своей тогда не было, только развалившийся фундамент у «изгороды».

Напротив Пал Саныча стоял странный дом, в котором жил относительно молодой мужик, вечно сидевший на крыльце и никогда ничего не делавший, и древняя старушка, вся сгорбленная, по имени баба Оля, которая целыми днями ходила в лес и на горбу притаскивала небольшие вязанки хвороста, чтобы, видимо, заготовить дрова на зиму. Много ли так можно было заготовить – неясно. Сын ей никогда не помогал.

Мы как-то спросили, почему она не попросит телегу с лошадью у Нины для этой работы. А она ответила, махнув рукой: «Э… Да разве она даст? Скажет: что, колеса ломать?» – и

потащила свою связку дальше.

Семью эту постигла страшная и трагическая судьба. Сын у нее, как выяснилось, был сумасшедший. Это уже все произошло при нас, и об этом я расскажу позже, в свое время.

Кроме этих зимовавших семей в Булавино жило довольно много «бывших местных», то есть таких, кто был отсюда родом и обычно проводил в деревне время с мая по ноябрь, но на зиму уезжал в города к родне. Например, были сестра Пал Саныча – Людмила Александровна, бывшая медсестра тетя Аня (совершенно круглая, бойкая старушка, самолично чинившая свою крышу и охотившаяся в лесу на тетеревов с трофейным наганом), странный человек по прозвищу «Прокурор», рассказ о котором впереди, семьи трех сестер, занимавшие поделенный на три отсека дом напротив деда Прошки и владевшие непревзойденными огородами. Жила сестра «Прокурора» Татьяна Прохоровна, некая Валентина Ивановна, долго снабжавшая нас овощами со своего огорода. Может, еще кто-то – я не всех помню.

Кроме того, были дачники – городские люди, купившие местные дома более или менее «на птичьих правах», вроде нас. Их число со временем возрастало.

Каждая семья по-своему интересна и заслуживает отдельной истории.

Я думаю, что будет разумнее рассказывать все местные байки по мере того, как их персонажи будут естественным образом появляться на сцене, а за основу взять рассказ о нашем собственном семействе: как оно укоренилось в деревне, разрослось и сейчас владеет ни много ни мало двенадцатью домами, гостиницей и фермой в благословенном Булавино.

Впрочем, и само Булавино необычайно разрослось. Сейчас там, кажется, около восьмидесяти домов – все время сбиваюсь со счета. Ходят слухи, что оно признано наиболее быстро развивающимся сельским поселением Н-ской области.

Отношения среди местного населения такие же страстно-непростые, как и в былые времена. Жизнь бурлит, и страсти кипят в этом идиллическом месте под сенью глухой тайги, на берегу сказочного озера, вдали от шумных городов и даже всякой проезжей дороги.

О том, как упал потолок

Потолок в доме упал на следующий год в начале лета, когда нас там не было, а жила семья тети Марины и дяди Коли (ведь дом был куплен на две семьи). Причиной падения было то, что многолетние протечки крыши приходились на угол, где сходились внешние стены дома и внутренняя бревенчатая стена, разделявшая две комнаты (так называемая изба-пятистенка).

Весь этот угол сгнил полностью. На верхние бревна стены в этом месте опирался тяжеленный потолок из толстых плах, который для теплоизоляции был сверху, с чердака, еще засыпан толстым слоем песка. В старину так всегда делали в деревнях теплоизоляцию потолка. Другие теплоизоляционные материалы, вроде современной стекловаты или «теплоизола», были недоступно дорогими, да и вообще, мне кажется, их не было в те времена, когда строился этот дом, – чуть ли не в XIX веке. Да и при советской власти, как известно, стройматериалы населению купить было нельзя.

И вот вся эта тяжесть много лет давила на сгнившие бревна, потихоньку прогибая их вниз. Много лет дом стоял необитаемым, а тут появились люди – начали ходить, хлопать дверями, топать, стучать молотками, попели всякие сотрясения и подвижки стен, и наконец конструкция не выдержала.

В сам момент падения в доме находилась моя двоюродная сестра Галинка, которой тогда было лет четырнадцать. Она сидела у окна и мирно читала книжку.

И вдруг увидела, что бревна потолка в клубах пыли начали одно за другим сползать по стене на пол.

Дальше версии расходятся. Сама Галинка утверждает, что успела достаточно спокойно выйти через дверь до того, как потолок рухнул целиком. Однако все остальные члены семьи твердо убеждены, что Галинка выскочила в окно вместе с книжкой. Это убеждение родилось, видимо, из рассказа ее матери Марины, которая была на улице вместе с дядей Колей, когда они услышали страшный грохот в доме. Они, конечно, вспомнили, что в доме осталась старшая дочь, и кинулись туда смотреть, что случилось. Как вышла Галинка через дверь, они, видимо, не заметили (или она все-таки не выходила, а действительно сиганула в окно). Во всяком случае, когда они распахнули дверь, их глазам предстала ужасная картина: рухнувшие в комнату потолочные бревна, пыль столбом и, о ужас, зацепившись за что-то в воздухе, качается один детский резиновый сапожок.

Бедная тетя Марина была уже готова умереть на месте от

ужаса, но тут снова открылась дверь, и с улицы вошла живая и здоровая Галя с книжкой в руках.

Вот в таких красках вся эта история была пересказана нашему семейству.

Отпуск как таковой для них, бедняг, на этом и закончился. Остаток времени был посвящен вытаскиванию на улицу упавших бревен, выгребанию песка и прочей дряни, нападавшей с чердака, что потребовало долгого и тяжелого труда.

Надо сказать, что местные жители повели себя очень своеобразно. Они все собрались вокруг дома с оханьем и причитаниями, проклинали бывшего хозяина дома за то, что он «продал людям такое гнилье да еще за такие деньги» (цена продажи, разумеется, всем была достоверно известна), а также приносили в кулечках яйца, хлеб и творог для материальной помощи пострадавшим.

Общественный вердикт был таков: дом починить невозможно, москвичи отсюда уедут и больше никогда не вернутся.

Потратив пару недель на эти уборочные работы, семейство Марины действительно собралось и уехало. Они позвонили моим родителям и сказали, что отказываются от своей половины дома после этого ужаса, что дом теперь весь наш, пусть мы что хотим, то с ним и делаем. Марина несколько раз повторила: «Не бойтесь, мы оставляем вам чистый дом, только в одной комнате теперь нет потолка». Видимо, грязища была знатная, и уборка произвела на нее очень сильное впечатление. А сами они решили поискать себе деревенский дом где-нибудь в другом месте.

Как мы увидим далее, ничего из этого не выпело, и они вернулись в Булавино снова, решив, что все-таки это и есть то самое место на земле, лучше которого найти невозможно.

Вопреки мрачным прогнозам деревенских жителей мои родители, когда наступило время их отпуска, решительно двинулись в Булавино. Мой отец вообще был во времена своей молодости мастер на все руки и человек не очень-то пугливый, так что отсутствие потолка в одной комнате его совершенно не испугало.

Приехав, мы действительно какого-то особого ужаса не обнаружили. Потолка в одной комнате действительно не было, изнутри была видна крыша. Но это обещало неприятности зимой, когда холодно и без потолка не натопишь, а летом ничего, жить вполне можно.

Бревна от упавшего потолка были аккуратно сложены на улице. Все чисто. Мы с мамой, неопытные в строительстве люди, вообще не поняли, в чем проблема. Ну упал потолок – взять да положить бревна обратно. Однако приходившие мужики из

местных обсуждали непростую строительную ситуацию с моим отцом, грустно качали головами и подтверждали первоначальное заключение, что «дело швах» и что никак не починить. Даже из соседних деревень приезжали «эксперты» (не ленились!) полюбоваться на наш развал, поскрести голову и подтвердить, что «дело полный швах».

Внутри «коричневого» дома. Виден угол, где были заменены верхние бревна.

А дело было в том, что верхние бревна стен, на которые опирался не только потолок, но и крыша, сгнили до состояния полной непригодности и, без сомнения, подлежали замене. Для этого надо было всю огромную крышу дома приподнять, «вывесить» на каких-то опорах, освободить верхние бревна, снять их оттуда (а они были огромные и тяжеленные), заменить новыми (местные говорили на своем наречии: «вздымнуть туда новый столоб»), потом осторожно опустить крышу и уже после класть новый потолок.

Все осложнялось тем, что ни одного нового бревна купить официально было нельзя, рубить в лесу (то есть воровать у государства) мой отец категорически отказывался. Из рабочей силы были мой отец, девочка шестнадцати лет (это я) и моя мама, которая должна была еще кормить-поить все наше семейство и в лучшем случае могла считаться половинкой «женского»

работника.

Нанимать помощников мой отец отказался категорически. Во-первых, больно сложная работа предстояла, не всякий бы взялся. Во-вторых, честно говоря, и нанять-то было некого: во всей деревне один был рабочий мужик – пастух Никанор со своим стадом. В-третьих, наем работников частным лицом считался чем-то неприличным при советской власти, не принято это было (хотя иногда и даже часто этим пренебрегали: например, моя мама всю жизнь держала няньку для детей, поскольку сама работала, но это считалось «барством» и на нее косились).

Короче, про наем помощников для ремонта дома даже думать не приходилось.

Так что задача, как я сейчас уже понимаю, была и вправду очень и очень непростой.

Вопрос добычи бревен был решен так. Пришлось разобрать остатки хлева и даже часть стены сеней, вставив туда верандные рамы и преобразовав половину сеней в веранду. При этом пришлось полностью изменить конструкцию этой части дома: бывший вход в торце сеней забили наглухо, устроив там кладовку, новый вход переместили туда, где раньше был выход в хлев и туалет, туалет в хлеву ликвидировали (там теперь было парадное крыльцо, какой туалет?!) и перенесли в отдельно стоящую будку в саду, как это обычно делают на дачах. Путем такой сложной и огромной перестройки было высвобождено несколько хороших крепких бревен, которые можно было пустить на замену гнилья.

Наступил этап подъема крыши и «вывешивания» ее на домкратах с опорой на вертикальные столбы, в качестве которых тоже использовалась часть высвободившихся бревен. Это был довольно опасный этап, потому что давление крыши было огромное, домкрат вместе с бревном могло «выпереть», и крыша бы упала. Хорошо, если бы еще никого не придавило. Я помню, как деревенские соседи, у которых уже, правда, скептицизма заметно поубавилось, приходили смотреть и все приговаривали: «Гляди, Николай, как бы не выперло тебе столоб!»

Однако Бог милостив, и все обошлось. Гнилые бревна сняли, заменили новыми. Я помню, как папа делал самую опасную операцию: засовывал кусок бревна в узкую щель под приподнятой на домкрате крышей и сам туда залез, иначе было никак не впихнуть это бревно. Он для страховки обвязал себя за пояс веревкой и велел мне держать конец. Если, мол, столб с домкратом начнет «выпирать», то надо, чтобы я его успела за веревку выдернуть из этой щели.

Вот уж не знаю, успела бы я или нет.

Но, так или иначе, все кончилось благополучно, бревна были поставлены, крыша без всяких помех опущена на место. Замененные бревна даже сейчас, спустя тридцать лет, выделяются своим светлым цветом на фоне более черной стены.

После этого оставались уже мелочи – положить на место старые плахи потолка, которые были не очень гнилыми, а совсем гнилые заменить на широкую и толстую доску, которую мы все-таки где-то нашли.

Таким образом, первый этап преобразования старого дома был завершен путем, так сказать, частичного изменения его архитектуры. Правда, оставалось еще множество проблем – крыша текла, как и раньше, и все могло начаться сначала. Там, где в сенях вынули бревна из стен, еще не были вставлены полностью верандные рамы; сами стены в комнате, в которой происходил ремонт, были настолько гнилые, что с ними тоже надо было что-то делать, например в самое гнилое место вставить два новых окна. Но это все было отложено на следующий год, поскольку отпуск подходил к концу.

В глазах деревенской публики мой отец был победителем и приобрел необычайный авторитет. Несмотря на первоначальную историю с вьюшкой, его стали считать не бестолковым москвичом, а очень даже крутым мужиком, способным на весьма серьезные свершения.

Но дело было в том, что к булавинскому дому уже приближалась новая угроза.

О том, как сожгли печку

В 1977 году я окончила школу, поступила в Московский университет на физфак и быстро прониклась там прелестями студенческой жизни. Я решила привезти новообретенных студенческих приятелей на Рогдай в булавинский дом на зимние каникулы, чтобы показать им экзотику дальней безлюдной деревни.

Предложение было принято с восторгом. Родители, как ни странно, тоже разрешили. И вот толпа человек в десять-двенадцать охламонов, жизни не знающих, опыта не имеющих и вообще полных балбесов, отправилась в путешествие.

Мы были загружены провизией, теплой одеждой, лыжами, поскольку добраться до дома можно было только перейдя замерзшее озеро на лыжах от ближайшей автобусной остановки в деревне Подорожье. Деревня эта находилась на противоположном берегу примерно в четырех километрах через лес от Криново; в целом от нашего дома до нее было порядка шести километров. За время житья в Булавино мы поняли уже, что водный путь через озеро самый короткий, и полностью осознали важность водных артерий для развития русской цивилизации в глухих лесах.

Наше явление было большим событием для занесенной сугробами до самых окон деревушки. Все местные повыскакивали на крыльцо, радостно приветствовали нас и предлагали молока (те, у кого были коровы, конечно). То ли еще будет: они и не подозревали, какое грандиозное развлечение было им уготовано по поводу нашего прибытия!

Мы забрались в дом, затопили печки, разобрали вещи. Быстро выяснилось, что плохо утепленный потолок (который положили на место только этим летом) в первой комнате практически не держит тепло, и там все время не больше пяти-шести градусов, несмотря на большую русскую печку.

Но мы вовсе не опечалились, потому что во второй комнате, где стояла печка-голландка, было вполне тепло. Как натопишь – так до двадцати пяти градусов, а к утру остывало до семнадцати-восемнадцати, что тоже вполне терпимо.

И мы решили в задней комнате устроить общую спальню, сдвинув кровати так, чтобы девочкам спать в одной куче, а мальчикам в другой, и было тепло. А готовить, мыть посуду и развлекаться решили в первой комнате – той, что с русской печкой.

Установили дежурство по стряпне и мытью посуды, стали ходить на лыжах по окрестным лесам, брать у бабок парное

молоко, а по вечерам петь под гитару и танцевать под магнитофон. В общем, началась вполне студенческо-походная жизнь. Все были очень довольны.

Поскольку в первой комнате со щелястым потолком жарко не становилось никак, русскую печку многие видели впервые, а топить ее всем очень нравилось и дров хватало (от старых хозяев остался запас), мы топили ее практически круглосуточно. Кроме того, было очень романтично сидеть перед ней, как перед камином, смотреть на огонь и играть на гитаре. Так мы и делали, совершенно никакой опасности не чуяли.

Но вот день на третий-четвертый стали замечать, что в комнате все время попахивает дымом, и дым этот становится все гуще и гуще. К вечеру уже даже глаза слезились, стало плохо видно. Откуда дым шел – неясно.

Сказочная, невероятная красота зимнего леса. Это чудо, которое в Москве даже трудно себе представить.

Сначала, понятно, валили на то, что «тяга плохая» (хотя два дня назад была хорошая). Но чем гуще становился дым, тем яснее мы начинали понимать, что дело, пожалуй, все-таки не в тяге.

Наконец, с задней стороны печки, у самого пола, провалилась часть доски, и оттуда высунулся рыжий язык пламени, похожий на лисий хвост. Тут уже окончательно стало ясно, что мы горим. Попытка плескать в дырку водой из ковшика со всей очевидностью ни к чему не привела. Тогда кто-то заглянул в подпол и увидел, что под печкой бушует совсем нешуточное пламя.

Нужно было срочно заливать. А как заливать в подполе под печкой? Куда воду-то лить? Ну, положим, сам огонь в печке быстро залили. Но это мало помогло.

Туда в жерло хоть сколько плескай – вниз не протекает. Попробовали из подпола – тоже не очень, потому что горят доски и бревна под самой печкой, плескать надо снизу вверх, большая часть воды пропадает даром.

Дело было в том, что в Булавино издавна печки строили из-за бедности без фундамента, чтобы не тратить кирпичи, прямо на дощатый пол клали слой глины потолще и на нем ставили печку. А чтобы пол не провалился под ее тяжестью, снизу подпирали в подполе деревянными чурбаками, поставленными стоймя. И вот когда мы сдуру топили эту печку, как камин, несколько суток подряд, весь этот нижний глиняный слой раскалился до такой степени, что в подполе загорелись сначала доски пола, а потом подпорные чурбаки. И залить их сверху было никак нельзя, потому что их защищала своей махиной раскаленная громада русской печки.

Стало ясно, что печку надо ломать, добираться до пламени сверху и заливать сверху вниз в подпол из комнаты, иначе сгорит весь дом.

Ну, тут я просто горжусь собой, потому что в довольно опасной ситуации ключевое решение приняла я, и решение правильное. Я самолично притащила из сеней лом, воткнула в угол печки и велела нашим парням выворачивать, потому что у самой сил не хватало.

В десять минут печка была вся разворочена, и открылось полыхающее подполье.

К этому моменту вокруг уже собралась вся деревня, потому что дым валил из нашего дома так, что не заметить было никак невозможно. Надо сказать, что бабки притащили с собой пустые ведра и стулья. Ведра они вручили нам. Правильно, у нас было много молодых девчонок и ребят, чтобы бегать к озеру за водой. А стулья они расставили амфитеатром на снегу, напротив входа, уселись и, нещадно поливая нас матом, принялись рассуждать: сгорит все-таки дом целиком или не сгорит? Большинство сходилось на мысли, что сгорит.

Нам было не до них, мы бегали до проруби на озере и обратно с этими ведрами, как очумелые. А это расстояние больше ста метров в горку. И снегу по пояс.

Именно тогда я поняла смысл такого приспособления, как русское коромысло. Ведь у других народов коромысла нет – воду носят просто в ведрах, в руках. Потому что им не приходится тащить два ведра с водой, идя по протоптанной узкой канаве между двух сугробов по пояс. А если приходится? Вот как ты будешь их тащить? Надо или руки развести в стороны, почти горизонтально, чтобы ведра не зацеплялись за снег, или одну руку с ведром держать впереди себя, а вторую сзади, чтобы уместиться в этой канаве вместе с ведрами. И то и другое жутко неудобно. Вот он, смысл коромысла: положил его на плечи и иди – ведра качаются по бокам тропинки высоко над поверхностью

снега.

Заодно предлагаю задуматься о физической силе тех красоток с коромыслом, которых часто изображают на «русских народных картинках». Идет себе этакой павой с улыбочкой, а между прочим, она двадцать килограммов воды тащит на плечах. Это если ведра алюминиевые, а если стародавние, деревянные а-ля бочонок, то и все тридцать килограммов.

В общем, много мне истин открылось о народной жизни, пока мы эту печку заливали. Залили все-таки. Глина, из которой она была сложена, раскаталась по полу толстым грязевым слоем, дом был полон дыма, пара и холода, потому что от нашей беготни тепло, разумеется, все улетучилось. Сил не было совсем – почти умерли все.

Бабки, получив полноценное наслаждение от этого спектакля, забрали свои ведра и стулья и ушли, так и не сойдясь в едином мнении, как это все произошло: были ли мы все пьяны в лежку (вроде непохоже) или просто круглые идиоты.

В этот момент Пал Саныч, светлая ему память, пришел и сказал, что истопил для нас баню. Мы, девчонки, оставили наших мальчишек топить вторую печку и заново согревать дом и попели в баню. Как же это было кстати!

Вечером явилась с визитом Нина с фонарем. Она проявила незаурядную проницательность, почти угадав причину пожара. Спросила, сколько мы часов топили печку без перерыва. И узнав, что несколько суток, схватилась за голову. Нам была прочитана

лекция о топке русских печек, обильно усыпанная матом, и мы ее с покорностью выслушали. А потом был отдан решительный приказ привести все по возможности в порядок после погрома.

«Мы твоих родителей, Верка, знатно уважаем, и ты не смей им дом говнить!» – было ее финальное слово.

Весь следующий день мы отскребали от пола глину и выносили наружу остатки разломанной печки. Я действительно не очень представляла себе, что скажу родителям, но была очень довольна, что мы вовремя смогли все потушить, и дом не сгорел. Вспоминая летние подвиги с ремонтом, я полагала, что починить печку – это, конечно, будет проблема, но как-нибудь справимся. Хотелось так же, как Марина, «оставить дом чистым». Этого в целом кое-как удалось добиться.

Сразу скажу, что по пути в Москву мои друзья поглядывали на меня с ужасом, представляя, что мне скажут родители. Я, конечно, тоже побаивалась. Но решила взять быка за рога, и когда они меня спросили (еще в прихожей, пока я раздевалась), как дела, ответила решительно: «Дела ничего себе, но только мы печку сожгли. Остальной дом не пострадал и все успели убрать», – добавила я.

Родители, надо заметить, выдержали удар с честью – не упали, не закричали. А только усомнились: «Ну да? Как это можно печку сжечь?» Тут я им все подробно объяснила: о печках без фундамента и о том, что будет, если их топить несколько суток подряд.

Короче говоря, меня не убили за этот «подвиг», и коллекция булавинских легенд обогатилась еще одной историей, которую рассказывали и пересказывали на берегах озера Волья еще долго-предолго. И меня в магазине узнавали как «ту самую, у которой студенты зимой печку сожгли». Так что и я тоже прославилась.

Студентам же вся эта история вообще скоро уже представлялась феерическим приключением. Нам все завидовали – и явно, и тайно. Мы продолжали ездить зимой «в деревню» вплоть до пятого курса, многие рвались попасть в нашу компанию, но таких замечательных событий больше ни разу не происходило.

О том, как сожгли печку, – часть вторая. а также о почтовой связи и о быках

Да нет, я не ошиблась, печку мы сжигали еще раз (второй) на следующий год и почти тем же составом участников.

За лето мои героические родители печку сумели восстановить, вернее, сделать заново. Старая печка была не из кирпичей, а из огромных самодельных кусков глины, смешанной с соломой.

Это из-за бедности в тех краях так строили. Нормальных обожженных кирпичей было не купить, вот и лепили такие самодельные «кирпичи», каждый в два-три раза больше обычного, и из них по-сырому строили. А обжиг, должно быть, проходил, когда уже печь начинали топить, – обжигалось как бы все вместе. Поэтому при разломе печки получилась не куча кирпичей, как можно было предположить, а большая гора полуобожженной-полусырой глины, которую мы еще зимой вынесли наружу. Для повторного использования эта глина не годилась, и вообще, такой способ изготовления печи очень трудоемкий и напоминает труд древних евреев, от которого они, как известно, сбежали в пустыню.

Надо было как-то достать кирпичи (напомню, что стройматериалы в те времена населению не продавали). Пришлось почти украсть, а куда деваться. В деревне была старая брошенная «водогрейка» – сарай с небольшой печкой, на которой грели воду для каких-то колхозных надобностей в старинные годы. Она уже лет тридцать как стояла заброшенная, крыша прохудилась, а кирпичная (!) печка стала разваливаться под осенними дождями.

Имущество было совхозное. И вот Нина, на правах единственного представителя власти в деревне, нам эту полуразрушенную печку отдала. Сказала: «Разбирайте, все равно пропадет».

Мы разобрали, и она даже выделила нам телегу с лошадью – перевезти кирпичи поближе к нашему дому.

Кирпичей было маловато, и печка вышла поменьше, чем прежняя, но все же это была настоящая русская печка. Мы обмазали ее, побелили, дети нарисовали на ней гуашью жар-птицу и разные узоры, и мы ее торжественно затопили.

Печка вышла хорошая, держала тепло два дня. Долго пекла я

в ней на больших противнях пироги с капустой и грибами. Незаменима она была для приготовления каши, наваристых щей, творога, сушения грибов – короче, для того, что именуется обычно русской кухней.

Последнее время мама печку редко топит – нет сил таскать дрова. Дров для нее действительно надо несколько больше, чем для голландки, скажем. Но я стараюсь, когда приезжаю, хотя бы один раз как следует протопить ее, потому как она отлично просушивает дом.

Следующей зимой мы в составе студенческой компании опять поехали в Булавино и были с интересом встречены местным населением: что мы еще отмочим?

Особенно внимательно булавинцы следили, естественно, за дымом, выходящим из нашего дома. И мы, конечно, не обманули их ожиданий.

Восстановленная моими родителями русская печка. Рисунки на печке – совместное творчество мое и других детей, живших тогда в Булавино.

На второй или третий день дым как будто пошел гуще, чем положено. Опять произошло ЧП с печкой, хотя на этот раз несколько другого рода. Под (дно топки) состоял из плотно уложенных кирпичей, но у одного был отколот уголок, и, видимо,

вниз завалилось несколько угольков, а мы и не заметили.

В этот раз мы были опытные: как только потянуло «не тем» дымком, тут же потушили печку, выгребли и выбросили все угли и стали смотреть, что там такое.

И я увидела эту щель в дне топки, из которой шла уже струйка дыма, – что-то тлело внизу. Тут же схватила гвоздодер и выворотила этот кирпич и пару соседних. Глядь, в самом деле завалились угольки и тлеют. Быстро вылили туда ведро воды. К приходу взволнованных соседей все уже было кончено.

Этой зимой русскую печку больше не топили. А летом еще раз вытащили подовые кирпичи, подсыпали утолщенный слой песка, глины для теплоизоляции, снова аккуратно уложили кирпичи, тщательно промазали все щели глиной, и больше проблем не было никогда.

Родители, конечно, беспокоились по поводу того, как у нас на этот раз пройдет «зимовка», и попросили из Булавино прислать им телеграмму, вернее, не из Булавино, а из более крупного села Задольское, что на другой стороне озера, где была почта, магазин и автобусная остановка. В принципе, там даже был телефон, только он обычно не работал. Поскольку это все происходило в сказочную эпоху до появления сотовой связи, то связываться с Москвой надо было так: перебраться через озеро (зимой на лыжах, а летом на лодке) и пытаться отправить телеграмму с почты в Задольском.

Телеграммы все-таки как-то доходили. Даже можно было и из Москвы послать в Булавино телеграмму тем же способом, только она обычно, попав на почту в Задольском, лежала до оказии, пока кто-нибудь из местных не собирался за чем-либо «на ту сторону, в Булавино». Если при этом он случайно встречал почтальоншу, и она вспоминала, что у нее для Булавино есть почта, то могли даже и передать эту почту. Но поскольку такое событие требовало совпадения множества случайностей, то обычно телеграмма из Москвы на почте в Задольском лежала подолгу, пока адресат сам как-нибудь не забредал туда (обычно в магазин) и ему не приходило в голову заглянуть на почту.

Так или иначе, мы телеграмму должны были послать и послали. Мы долго думали, что в ней написать так, чтобы снова не напугать родителей новым пожаром, с одной стороны, и не наврать, что якобы все благополучно, с другой. В конце концов была отправлена телеграмма с текстом: «ДОМ ЦЕЛ ЗПТ ЛЮДИ ЖИВЫ», что вполне соответствовало истине.

Телеграмма эта произвела в Москве сильное и неожиданное действие. Мои родители мирно спали или ложились спать вечером, часов в одиннадцать. Вдруг в дверь начали непрерывно

звонить и стучать так, что они здорово испугались. Наскоро одевшись, они открыли, увидели там взволнованного почтальона, который размахивал телеграммой со словами: «Не волнуйтесь, не волнуйтесь! Все в порядке, ДОМ ЦЕЛ, ЛЮДИ ЖИВЫ!!!» Видимо, на почте в Москве решили, что это телеграмма из района стихийного бедствия, и из самых лучших побуждений отправили нарочного поздним вечером отнести ее адресату, чтобы не держать ожидавшую ее семью в напряжении до утра. Надо сказать, что мы все очень высоко оценили этот благородный порыв московского почтового отделения.

Вообще, первые пару лет в Булавино летом существовала почтовая связь еще через ту деревню Криново, которая была на нашем берегу, в пяти километрах, – ту самую, от которой мы добирались пешком в первый раз. Там тоже была почта, которая потом закрылась. А тогда она еще работала, и даже существовала «почтальонка» Люся, которая два-три раза в неделю, надев резиновые сапоги, шла через лес в Булавино и несла почту и даже (представьте!) подписку на газеты и журналы. Она шла, невзирая на погодные условия и на обитавших около Булавино чудовищных быков.

О быках сейчас расскажу.

Быки были принадлежностью булавинского стада и теоретически управлялись пастухом Никанором. Но только теоретически, потому что на самом деле это были необыкновенно лютые быки, которых обязательно надо было резать на второй или максимум третий год их жизни. Если по какой-то причине их на третий год не забивали, они совершенно выходили из повиновения людям, зверели, поселялись в лесу и стремились забодать всякого, кто направлялся из Криново в Булавино.

Никанора они регулярно загоняли на сосну, и он сидел там по полдня, уговаривая быков (по его собственным рассказам): «Быконька-быконька, шел бы ты вон в ту сторону!», – на что непреклонный зверь только ревел и рыл землю копытом.

Наконец, Нина и Никанор принимали решение, что жить так уже невозможно и быка надо сдавать на мясо. Сдавать на мясо надлежало в центральной усадьбе, в пятнадцати километрах. Для этого его предстояло еще отловить и довести до места.

А это была целая история. Всем быкам еще в детстве вдевали в нос кольцо, иначе с ними вообще никак не управишься. Хитрость была в том, чтобы ухватить быка за это кольцо и привязать к телеге, тогда он делался послушным и шел за телегой покорно, не пытаясь вырваться. Однако пойди ухвати его за это кольцо!

Поступали обычно так. Загоняли стадо телок и быка в сарай

хитрым способом: надо было, чтобы бык вошел первым, за ним – телки, и приперли бы его своими телами к стенке сарая. Телок было много, до двухсот голов, можно было весь сарай набить ими прямо битком. Таким образом, бык оказывался прижатым и не мог в таком положении бодаться. После этого надо было по спинам стада проползти до быка, ухватить его за кольцо и привязать веревку.

Короче, это была целая военная операция, и выполняла ее обычно Нина. Во всяком случае, именно она ползла по спинам телок и хватала быка за кольцо. Никанор, видимо, боялся и под всякими предлогами от этой финальной стадии старался уклониться.

После этого быка привязывали к телеге, и Нина гордо конвоировала его в центральную усадьбу. А в Булавино между тем начинал подрастать следующий бычок.

Мы встретились с очередным быком вместе с почтальоншей Люсей, когда решили приехать в нашу деревню все той же студенческой компанией уже не зимой, а в июне, после сдачи летней сессии. Нас было человек десять, в том числе несколько довольно здоровенных ребят – не то чтобы одни девчонки. И ехали мы через Криново, потому что не было лодки, чтобы переправить нас через озеро со стороны Задольского.

Люсю мы увидели в Криново, она как раз собиралась с почтой в Булавино и очень обрадовалась, что у нее будет такая компания. Пока мы пели пять километров через лес, она всю дорогу рассказывала ужасные истории о быках и приговаривала: «Как хорошо, что я с вами, а то очень страшно одной ходить, там сейчас бык, ух какой!»

И всю дорогу наши мальчишки храбрились и говорили: «Да что нам бык, мы его сейчас! Да мы его одной левой!» Они выломали себе в лесу каждый по огромной дубине и воинственно ими потрясали, изображая, как они при случае расправятся с быком. Девчонки, надо сказать, выглядели как-то нервно и вдобавок ныли, что у них тяжелые рюкзаки. Наконец, показалась опушка леса, а за ней околица деревни, и вот – о ужас! – между нами и околицей стояло булавинское стадо, а перед стадом – бык со сверкающим кольцом в носу!

Бык, впрочем, был занят – мирно щипал травку. Однако ряды наши мгновенно перестроились. Вперед выдвинулась Люся с прутиком в руках. Она отважно двинулась на быка, помахивая прутиком и приговаривая: «Пошел-пошел!» За ней ступали совершенно притихшие мальчишки со своими дубинками. В арьергарде сбились в кучку девчонки с рюкзаками.

Бык не обращал на нас внимания: он завтракал. Нам удалось

миновать стадо и приблизиться почти вплотную к окружавшему деревню забору. В этот момент кто-то оглянулся и крикнул: «Догоняет!» До забора оставалось метров десять. Никогда я не видела, чтобы люди с огромными рюкзаками мчались так прытко!

Некоторые с разбегу перемахнули через почти двухметровый забор, не снимая рюкзаков. Некоторые ухитрились пролезть в чрезвычайно узкие щели между заборными слегами – и сами пролезли, и рюкзаки протащили, причем все это в мгновение ока. Короче, через пять секунд мы все были в безопасности по ту сторону забора.

Но наибольшее мужество во всей этой истории проявила почтальонша Люся.

Оказавшись в деревне, она вздохнула и произнесла: «Эх, а мне еще обратно идти!» – и отправилась разносить почту. Кстати, на одном из домов в Булавино в те времена висел настоящий почтовый ящик, откуда Люся даже вынимала иногда корреспонденцию, если ее предупредить, что ты написал письмо и туда его бросил.

Через два года Люся вышла на пенсию, и на этом деятельность почты в Криново завершилась.

О том, как кобыла взбрыкнула и телега перевернулась

На следующее лето после первого печного пожара моим родителям стало очевидно, что в Булавино надо отправлять большое количество стройматериалов для окончания ремонта гнилых стен, а также какую-то мебель и хозинвентарь.

Со стройматериалами тогда было плохо. Как я уже говорила не раз, их почему-то не продавали частным лицам. Однако кое-как удалось купить несколько оконных рам и стекло. Поэтому пришли к выводу, что наиболее сгнившие части стен заменим на оконные проемы, заодно в избе станет посветлее.

Купили несколько листов рубероида для ремонта протекающей крыши. Еще были куплены кухонный стол и кровати, из квартиры решили, как водится, отправить старый диван и какие-то шкафчики, кастрюльки. Короче, собрался целый грузовик.

Грузовик был нанят в трансагентстве чин чинарем и должен был довезти всю эту кучу барахла до Криново – крайней точки, куда доходила проезжая дорога. Как переправить груз дальше через болотистый лес, мы себе не очень представляли, но утешались мыслью, что как-то вещи все-таки в Булавино попадали раньше. Присутствовали же в домах у наших деревенских соседей кровати и столы! Значит, доставка в принципе возможна. Вероятно, надо будет искать трактор или телегу с лошадью.

Как бы то ни было, мой отец Соловьев Николай Николаевич отважно отправился в путь, утешая себя следующей мудростью: «Раз купили вещи и довезли до Криново, не выбросим же? Как-нибудь довезем все-таки».

Итак, двадцатого июня соответствующего года Соловьев Н. Н. уселся в трансагентский грузовик с вещами и уехал. Предполагалось, что грузовик идет до Криново один день, потом, скажем, еще один день на преодоление остатка пути через лес, еще один день – на раскладку привезенных вещей по местам уже в Булавино плюс один день на обратную дорогу. Итого четыре дня. Ну, еще запас на всякие непредвиденные ситуации – день. Итого через пять дней максимум он должен вернуться в Москву, успешно завершив операцию.

Связи с деревней, как мы помним, не было – ни телефонной, ни какой-либо другой.

Проходит неделя, другая – ни Николая Николаевича, ни

вестей о нем не поступает. Моя мама Елена Викторовна начала нервничать, хотя, вообще говоря, человек она не слабонервный. Но все-таки две недели – это уже слишком долго.

Позвонили в трансагентство и после некоторых мытарств выяснили, что грузовик вернулся обратно разгруженный, целый и невредимый еще две недели назад. Наконец, мама отправилась на почту и дала телеграмму с заранее оплаченным ответом (была такая форма услуги на почте в те времена) с таким текстом: *«Начальнику почтового отделения в деревне Криново. Соловьев Н. Н. с вещами для деревни Булавино выехал из Москвы на грузовике 20 июня сего года. Назад до сих пор не вернулся. Сообщите, что знаете, по такому-то адресу Соловьевой Е. В.»* Для ответа была выслана крупная сумма – 3 рубля, чтобы почтмейстер из Криново мог ответить подробно и обстоятельно, если что-нибудь знает.

Ответ прибыл на следующий день тоже телеграфом и был весьма обстоятельным: *«Соловьевой Е. В. Сообщаю что знаю. Соловьев Н. Н. с вещами прибыл 20 июня в деревню Криново. Вещи были разгружены с грузовика и погружены на подводу. Соловьев Н. Н. взялся сам управлять подводой. По дороге в Булавино в лесу кобыла взбрыкнула, телега перевернулась, вещи вывалились в грязь. Остатки вещей вторую неделю Соловьев Н. Н. возит на тракторе».*

Паника в нашей семье улеглась, и мы стали терпеливо ждать возвращения главы семейства. Он действительно вернулся еще через несколько дней, а история о брыкливой кобыле пополнила коллекцию местных легенд о москвичах-дачниках.

Так или иначе, цель была достигнута: вещи были переправлены, и в течение этого и следующего лета ремонт дома был вчерне завершен (вместе с восстановлением печки). И даже получилось совсем неплохо: огромные по местным понятиям городские окна, выходящие на озеро, в доме нормальная мебель, мягкий городской диван, печка функционирует, крыша почти не течет – одним словом, городской комфорт в деревенских условиях.

Однако проблемы с протеканием крыши окончательно удалось решить значительно позже, когда я окончила университет и вышла замуж за Сережу. Хотя отец и покрыл крышу новым рубероидом, привезенным с такими сложностями из Москвы, это было решением только временным. Основа крыши была драночная, эта дранка была хорошо видна снизу, с чердака. Было видно, что ее поддерживают уложенные на стропила круглые палки из леса, так называемые слеги, а вовсе не доски, из которых по строительным канонам полагается делать «палубу» крыши.

Ясно, что это было сделано из-за бедности и недоступности Булавино для проезда транспорта. Видимо, когда строили дом, то досок на «палубу» просто не было, и те давнишние умельцы использовали подручный материал, которого в лесу было навалом, вдобавок бесплатно.

И вот результат такой экономии: хотя несколько поколений хозяев дома (а дому, напомню, было около ста лет) покрывали крышу поверх дранки рубероидом, это не очень помогало. Рубероид прибивали к крыше через деревянные планки, пропуская длинные гвозди через всю многослойную кровлю и пытаясь вслепую попасть ими в круглые тонкие слеги, находившиеся в самом низу.

Во-первых, часто промахивались мимо слег, и получались лишние дырки в кровле от гвоздей. Во-вторых, даже если попадали, то это давало только кратковременный результат. На этих озерах часто дуют очень сильные ветры, прямо-таки ураганы. Они то прижимали многослойный «пирог» кровли к слегам, то давали ему отойти, расшатывая гвозди. Кровля работала как пружинный матрас. Через некоторое время гвозди выскакивали, и прижимающие рубероид планки отлетали. Вода продолжала затекать внутрь, дранка и слеги гнили. Текло на стены и потолок, прел и гнил таким образом весь дом.

Кардинально исправить ситуацию можно было лишь сменив полностью всю крышу: сбросить вниз всю кровлю, положить вместо прогнивших слег доски, на них какой-нибудь жесткий материал, например шифер или листовое железо (которые вдобавок, повторяю, было очень трудно купить).

На такую сложную операцию мы смогли решиться, только когда в семье появился второй сильный мужчина – Сережа.

Каким-то чудом удалось купить в нашем райцентре Д. шифер. Об этом тоже можно рассказать целую историю: покупка стройматериалов при советской власти граничила с эпическим подвигом. Одно то, что перевезти было не на чем, уже повергало в отчаяние. Вот он, шифер, допустим, уже куплен, а машину, чтобы довезти его хотя бы до берега озера, нанять официально невозможно. Даже если есть в Д. трансагентство, то на грузовик надо было записываться в очередь за месяц. А кто тогда знал, в какой именно день Господь ниспошлет нам покупку шифера?

Но, так или иначе, раздобыли где-то «левый» грузовик, довезли шифер до Задольского на противоположном берегу. Тогда уже у нас была лодка, и мы предпочитали, как все, возить грузы по воде, а не на кобыле через болото. Всего пара недель тяжелой физической работы (погрузить тяжеленные шиферные листы в лодку, переправить на четыре километра по воде,

разгрузить, втащить вверх по склону берега до дома – еще триста метров – все в несколько приемов, потому что в лодку много не влезает) – и вот мы уже счастливые обладатели доставленного в Булавино штабеля шиферных листов.

Еще одно лето ушло на разборку крыши, добычу досок для палубы и монтаж новой кровли.

С добычей досок связана еще одна душераздирающая эпопея. Их тоже купили в Д. и для перевозки наняли грузовик (естественно, «левый») с водителем-эстонцем, который в своей обычной жизни был занят на прокладке линий электропередачи через леса. Эстонец очень гордился своим грузовиком и твердил, что он может пройти через любое болото. В результате он нас спровоцировал на глупость – опять на попытку перевезти доски через Криновское болото (хотя, казалось бы, уже были научены жизнью). Но после прошлогодних мучений с шифером очень хотелось верить в то, что вот сейчас, на супервездеходном грузовике мы привезем доски прямо до дома и таскать на себе ничего не придется.

Сережа с моим дядей Робертом (который тогда уже тоже поселился в Булавино) и водителем-эстонцем рискнули опять поехать по Криновской дороге. Ну а дальше было как в истории с кобылой несколько лет назад: они исчезли в лесу и больше не появились до ночи. Мы ждали-ждали и легли спать – а что еще прикажете делать?

Примерно в час ночи в окно забарабанили – это был Сережа, пешком вышедший из леса. Он был мрачен и сосредоточен: «Давайте топоры, лопаты, толстую веревку, пять бутылок водки и хлеба. Кто еще может помогать копать, пусть одеваются быстро и идут со мной. Сапоги обязательно самые высокие надеть!» На вопросы, почему нельзя подождать до утра, он только отмахивался и злобно рычал.

Спасательная экспедиция была снаряжена и ушла в темный лес. Вернулись все на следующий день к обеду, без досок и без грузовика.

Выяснилось следующее. Эстонский грузовик в середине леса (примерно там, где в свое время бабке Тиркиной было велено построить мост) провалился в болото. Причем так неудачно, что ему «под брюхо» между задними и передними колесами попал огромный камень-валун (там в болотах они попадаются часто). В результате грузовик повис на этом камне, колеса беспомощно вращались в жидкой грязи, не доставая до дна, и вытащить его можно было только выкопав из болота целиком, вместе с валуном.

К счастью, в этом месте озеро близко подходит к лесной

дороге. Поэтому наши доски просто сбросили на землю и решили, что опять будем таскать их к берегу и перевозить на лодке до Булавино, но это потом. А сейчас было главное – спасти грузовик и нашего эстонца. Эстонец очень нервничал: вдруг эти русские заказчики бросят его одного в болоте и не помогут ему вытаскивать машину. Он все твердил, что этот рейс у него «левый», начальство ничего не знает и что в шесть утра он должен быть где-то у себя на базе. Поэтому все спасательные работы пришлось производить прямо ночью. К утру они этот грузовик все-таки вытащили. Потом сели на травку и выпили оставшуюся водку из горлышка, передавая друг другу бутылку. Было не очень понятно, как эстонец в таком виде поедет к себе на базу, но он сказал: «Ничего-ничего», сел в машину, развернулся и уехал в направлении Криново. Видимо, он смог выбраться на проезжую дорогу, потому что через пару дней мы прошли до самого Криново, опасаясь обнаружить его где-нибудь опять застрявшим, но, к счастью, никого не обнаружили.

Это, конечно, не самая большая лужа, но представление о наших лесных дорогах она тоже дает. Та лужа, в которой утонул грузовик, была раза в четыре больше и втрое глубже.

Доски еще неделю таскали через лес к берегу озера и потом связывали плотом и сплавляли по воде до Булавино, где

предстояла обратная операция: вытащить их из воды на сушу и поднять на крутой берег.

К концу лета ремонт крыши был завершен, и мы наконец избавились от протечек.

Впоследствии, после «перестройки», когда уже мы с Сережей стали хорошо зарабатывать в бизнесе и появилась возможность покупать и привозить стройматериалы нормальным путем, а вдобавок нанимать рабочих, в этот дом было вложено еще много денег и усилий. Был сделан второй «белый» пол (раньше был только «черный»), дом обшит вагонкой, перестроено крыльцо, маленькие прогнившие деревянные окна заменены на пластиковые стеклопакеты, сделан летний водопровод с автоматической подачей воды на кухню и в посудомоечную машину. На втором этаже оборудовали летнюю комнату, на первом – ванную комнату с биотуалетом и душевой кабиной, устроили летнюю кухню с большим навесом, выстроили отдельно стоящий сарай для инструментов. Не говоря уже о том, что было построено еще несколько домов для разных частей семьи.

Теперь в старом, «коричневом», доме живут мои родители и брат Вася. У нас с Сережей свой большой дом рядом, с нами живет младший сын Витюшка, пока маленький. Двое наших старших детей тоже снабжены собственными домами в непосредственной близости: для Аленки с мужем дом построен, для Мити купили дом, когда один из старожилов деревни, Арнольд Викторович, состарился и не смог больше ездить в труднодоступную деревню.

Кроме того, есть еще маленький зеленый домик, переделанный из бани, – для гостей. Но это разрастание деревни за счет нашего семейства впереди и относится к другой эпохе.

О том, как мы с Сережей чинили баню и как была найдена Котя

Баня в деревне – это отдельная песня. В первый раз мы попробовали сходить в черную баню еще в Росинушке и были совершенно потрясены. Это сейчас в городе развелось множество саун, бань по-русски и по-турецки, оформленных в «народном» деревянном стиле, в стиле европейском и в каком хочешь, и вещь эта, в принципе, вполне доступная.

При советской власти почему-то этого тоже обычным путем получить было в городе нельзя. Нет, конечно, общественные бани существовали – Донские, скажем, Сандуновские, может, еще какие-то. Но они были оформлены в стиле мерзкого кафельного советского «санузла» и, по убеждению моих родителей, все были рассадниками грибковых заболеваний, так что мы туда не ходили. А сауна считалась элитным «блатным» развлечением, и попасть туда можно было не всегда и только по знакомству.

Мои интеллигентные родители такого рода знакомств не заводили – брезговали, а потому в сауну тоже не ходили. Так что в баню мы попали в первый раз в деревне, причем в черную.

В Росинушке она стояла далеко от берега, на опушке леса, и полагалось выскакивать из нее голышом (на улице все равно никого, да еще и топили под вечер, когда стемнеет) и обливаться после парилки студеной водой. Нам это страшно понравилось, я помню, что громко визжала от холодной воды, и мама на меня шикала, чтобы на мой визг не сбежалось полдеревни.

Приехав в Булавино, где было озеро, мы поняли, что главный кайф в том, чтобы баня была на берегу и после парилки прыгать в озеро. А зимой мы с подружками-студентками прыгали в свежий пушистый снег. Снег таял от горячих тел, превращался в крохотные льдинки и колол нас, словно маленькими иголочками. Красотища была невероятная – голубое сияние зимнего лунного снега, клубящийся пар и голенькие розовые девчонки на снегу.

Мальчишки-студенты честно сидели в это время дома, а когда наступала их очередь париться, то, как говорят, рисковали даже прыгать в прорубь. В общем-то мой муж с друзьями до сих пор так делают, но я ни разу не решилась – мне кажется, я не смогу из этой проруби выбраться и там заледенею.

Короче говоря, посещение по субботам бани на берегу озера стало нашим любимейшим деревенским занятием, особенно учитывая огромные объемы грязной и тяжелой работы, которую приходилось выполнять много лет подряд.

Сначала у нас бани не было. Вернее, к дому прилагался фундамент разрушенной бани как раз таки на берегу (он даже был вписан в договор о покупке, что нам впоследствии очень пригодилось, когда стали уже после «перестройки» оформлять законную собственность на все участки и строения). Первые годы мы по уговору ходили в баню Пал Саныча. А потом из остатков разобранного хлева и рубероида отец соорудил на старом фундаменте новую баню.

Эта баня простояла лет пять. Но так как она была построена из остатков старого полугнилого хлева, то нет ничего удивительного, что она достаточно быстро сгнила – сначала рухнула задняя стенка, потом крыша съехала набок. И надо же было этому случиться, когда в деревне мы были одни – я, Сережа и наша дочка Аленка, которая только-только научилась ходить и еще нетвердо могла стоять на ножках. То есть это было летом 1985 года, через два года после нашей женитьбы. У родителей моих кончился отпуск, и они уехали в Москву, а мы с Сережей должны были остаться еще на две недели. И вот – на тебе, рухнула баня.

Сережа был тогда молодой муж, полный стремления доказать тестю и теще, что он тоже не лыком шит и все умеет делать не хуже старшего поколения. Поэтому он твердо заявил, что мы никак не можем уехать, не восстановив баню. Я была, во-первых, послушная жена, во-вторых, сама честолюбивая авантюристка не хуже его. И, конечно, согласилась, что для нас с ним починить гнилую баню за оставшиеся недели, имея на руках почти грудного ребенка и никаких стройматериалов, – раз плюнуть, и мы, конечно, это сделаем.

Для починки опять нужно было раздобыть несколько новых бревен, чтобы заменить непригодные в рухнувшей стене. Слава богу, у Сережи не было такого трепетного отношения к государственной собственности, как у моего отца. Срубить в лесу два-три дерева он за особый грех не считал. Однако проблема была в том, как срубить и как доставить на место строительства, ведь никакого транспорта для транспортировки бревен из леса у нас не имелось. С брыкливыми кобылами мы больше не хотели связываться, а трактора в деревне не было вообще.

В конце концов решили рубить сосны вдоль берега, которые стоят у самой воды, и можно их ронять прямо в воду, а дальше волочить за лодкой.

Лодка была, но не было лодочного мотора. Зато были весла и много молодой энергии. Бензопилы тоже не было, только обычная двуручная. И вот мы все втроем, включая маленькую Аленку, отправились на лесоповал.

Поскольку я должна была помогать пилить – тянуть за вторую ручку двуручной пилы, то надо было как-то обеспечить безопасность ребенка на это время. А ребенок только-только научился держать равновесие и ходить. Надо было сделать так, чтобы Аленка не свалилась в воду, пока мы пилим, не попала под пилу или падающее дерево.

Вопрос был решен чрезвычайно просто: бедную Аленку на недлинном «поводке» привязали к другому дереву на безопасном расстоянии. Конечно, я оставила ей какие-то игрушки, но они ей скоро надоели, она начала ныть и тянуться к маме. Поэтому как только очередное дерево начинало клониться, я бросала пилу и бежала утешать ребенка, предоставляя Сереже одному обрубать ветки и спихивать бревно в воду.

Таким методом было срублено три-четыре сосны и из них изготовлен плот, который прицепили к корме лодки и медленно-премедленно (на веслах!) поволокли к противоположному берегу, где стояла наша деревня.

Наш водный путь лежал мимо малюсенького (всего на пару березок) болотистого островка. И надо же было, чтобы именно в тот момент, когда мы плыли мимо, с островка раздалось отчаянное мяуканье! Видно, какие-то туристы потеряли или нарочно бросили здесь котенка. Котенок увидел или учуял людей и стал мяукать, поскольку это был его единственный шанс спастись. Аленка услышала мяуканье, начала кричать: «Там котя! Спасем котю!»

Делать нечего, и нам, с огромным плотом за кормой, пришлось сначала приставать к островку, потом шнырять по болоту, разыскивая котенка, потом снова отчаливать. Сережа управился со всем этим в одиночку, потому что у меня на руках был ребенок, я даже грести не могла – держала Аленку, чтобы она не выпала из лодки. Можно представить, как Сережа злился и ругался. Но Котю мы все-таки спасли.

Сосны на отвесном берегу – главное украшение озера и источник стройматериалов для аварийных случаев.

У этой кошки так и осталось имя Котя. Она прожила в нашей семье целых девятнадцать лет и к старости стала очень умной. Например, умела считать. Она знала, сколько человек живет в нашей квартире, и, если кого-то вечером не хватало, выходила в прихожую и сидела там, пока тот не появится.

Бревна были доставлены, баня поднята на домкратах (благо я все эти премудрости проходила при ремонте дома и знала, как и что делать хотя бы теоретически, а у Сережи была физическая сила). Так что за оставшиеся до возвращения в Москву дни все было действительно приведено в лучший вид, и мы отправились домой с законной гордостью, везя с собой еще и котенка в корзинке.

Этой баней мы пользовались еще, наверное, лет десять-двенадцать, после чего построили нынешнюю, более шикарную, с верандой, выходящей на озеро, отделением для мытья, парилкой и предбанником. И эту новую баню уже совсем недавно два раза подряд поджигали наши старшие дети со своими приятелями – ну в точности как я в свое время чуть не спалила родительский дом! Баню оба раза удалось потушить, только крышу перекрывали и меняли все внутри.

В конце концов мы пришли к выводу, что «нынешняя молодежь не умеет топить черные бани», и переделали баню на белую – поставили печку. С тех пор, тьфу-тьфу-тьфу, пожаров не было.

Две наши нынешние бани. Слева – та, с верандой, которая дважды горела у нашего старшего сына Мити и была переделана под «белую» топку. Справа – новая, только что построенная под традиционную «черную» топку, то есть без печной трубы. Дым при такой топке выходит прямо в парную. Перед тем как идти париться, надо проветривать. Мы такую баню любим больше.

Зато был пожар в такой же бане у нашего соседа и родственника Моркунова, причем прямо в тот момент, когда он там мылся со своим приятелем. Тоже, видимо, затлели доски от того, что печку слишком сильно топили. Почуяв дым, Моркунов сказал своему напарнику: «Толян, горим, кажется! Давай вылезем, зальем!» На что невозмутимый Толян ответил: «Да куда бежать-то? Вот домоемся и зальем!» Еле удалось уговорить его сдвинуться с места.

Так что такие деревенские строения горят не только у нас. Пожары – частое явление при деревенском качестве строительства.

История об ужасном пожаре

Но один пожар в нашей деревне был действительно ужасным. Он произошел, по-моему, на второй год нашей жизни в Булавино.

На самом берегу стоял маленький дом, в котором жила баба Оля со своим сорокалетним сыном. О бабе Оле и ее попытках заготовить дрова я рассказывала в самом начале. Нас всегда удивляло, что сын ей совершенно не помогал – всегда сидел на крыльце, глядя на проходящих очень неприятным, угрюмым взглядом, ни на какие «Здравствуйте!» и «Добрый день!» никогда не отвечал. Нам мама тогда даже велела ходить к озеру другой дорогой, а то сидит странный, мрачный тип, все время молчит, ничего не делает – черт его знает, о чем он думает!

И вот потом выяснилось, что этот человек действительно был сумасшедшим. Спятил он, как говорили, от длительного пьянства, а может, и с самого рождения был такой. Он несколько раз лежал в психушке, но каждый раз его признавали социально неопасным и выпускали.

Сумасшествие у него было особого рода. У него в доме висели часы с кукушкой, с которыми он разговаривал. И эти часы иногда отдавали ему команды. Он их очень слушался и даже сам иногда спрашивал, что делать. Люди говорят, что слышали, например, как он спрашивал у часов: «Хотите, я мать убью?», но часы ему такого не велели. А велели они ему другое.

Однажды, когда баба Оля уехала в город по каким-то своим делам, часы велели ему поджечь дом. Он принес керосин, разлил по полу и поджег. Сам остался в доме. Дом вспыхнул, как свечка. Когда деревенские сбежались, было уже ясно, что его не погасить. Никто и не пытался. Рядом стоял дом Пал Саныча, ветер дул в его сторону, нес искры, и все боялись, что займется крыша Пал Саныча. Она уже дымилась. Люди выстроились в цепочку до озера и бегом передавали друг другу ведра с водой, а Пал Саныч сидел на крыше и поливал из этих ведер, сколько успевал, свою кровлю. Люди съехались помогать со всего озера – туристы, рыбаки, жители соседних деревень. Горящий дом стоял на самом берегу и был виден за несколько километров. В результате дом Пал Саныча удалось отстоять, к вечеру ветер стих и стало легче.

Мои родители тоже, как и все, прибежали на пожар. Отец спросил: «Где баба Оля?» Отвечают: «В городе». – «А где ее сын?» – «Нету нигде. Наверное, в доме остался».

Ну, мой отец и полез в дом проверить – жар еще не был очень сильным. Вошел – там дым, и в дыму сидит этот тип. Отец ему: «Выходи, сгоришь!» А тот не ответил, убежал глубже в комнату.

Отец за ним, тот увернулся и выскочил на крыльцо. Отец тоже вышел. И тут вся толпа начала на него кричать: «Ты зачем, Николай, его вытащил? Пусть бы он сгорел, сумасшедший дурак! Теперь он еще и нас подожжет!» Правда, кидать его в огонь обратно не стали, дали отойти и сесть смирно поодаль.

Уже через несколько лет нам рассказали другую жуткую историю, из которой я поняла, что виновника-поджигателя вообще-то могли и затолкать обратно в горящий дом.

В этой истории тоже фигурировал пожар, произошедший много лет назад в деревне Яблоневке, расположенной на противоположном берегу.

Пожар случился летом, в страшную сушь, когда вся деревня была на покосе. Виновата была одна бабка, почему-то оставшаяся дома и вздумавшая ставить самовар. Что-то она там сделала не так, отчего вспыхнула солома, а от соломы огонь пошел на ее дом, и так как был сильный ветер, то пламя перекинулось и на другие дома. Сгорела вся деревня, потому что, пока люди бежали с сенокоса, разгорелось так, что тушить было без толку.

Так вот, ту бабку деревенские кинули в огонь. Во всяком случае, в этом их обвиняло поголовно все население округи, хотя следователь вынес вердикт: «Сама с горя прыгнула». Однако ртов людям, как известно, не заткнешь, и жуткая история до сих пор пересказывается на берегах озера именно в самом кошмарном варианте.

Но нашего сумасшедшего никто не тронул – он так и просидел в сторонке до вечера, пока догорал его дом.

Вечером вернулась баба Оля. Она вошла в деревню с другой стороны, и там ей кто-то сказал про случившееся несчастье. Я помню, как она шла с того края деревни и дико, по-звериному, выла в голос. Стояла гробовая тишина, все попрятались, и только она брела по пыльной дороге, и висел в воздухе этот чудовищный вой.

Потом я видела, как она сидела рядом со своим сумасшедшим сыном у пожарища и тихо плакала.

Поздно ночью приехала каким-то образом пробравшаяся через болота пожарная машина, видно, ее вызвал кто-то с другого берега озера, где была телефонная связь. Машина опустила в озеро длинную кишку и залила остатки дымящихся головешек.

На машине прибыли два милиционера. Они связали сумасшедшего, запихнули его куда-то в недра пожарной машины и увезли в город. Баба Оля оставалась в деревне еще несколько дней, продала свою полуразвалившуюся баньку за десять рублей, да еще моя мама дала ей сколько-то денег, да соседки дали на дорогу еды.

А потом она ушла куда-то по дороге на Криново, говорят, в какую-то деревню, где у нее была дальняя родня.

Через некоторое время приехал следователь, и все давали показания, что, мол, да, это был поджог, сильно пахло керосином. Сына бабы Оли судили, признали невменяемым и заперли опять в сумасшедший дом.

Конец этой истории стал нам известен через несколько лет, и был он еще более ужасным. Поджигатель сидел-сидел в психушке, а потом его снова выпустили. Он разыскал свою мать, которая к тому времени поселилась где-то в маленькой комнатке, куда ее пустили из милости. Мать его приняла и впустила к себе. В ту же ночь он ее и убил. Его опять схватили и запихнули в сумасшедший дом, на этот раз до конца жизни.

Сказание о кладе

Вообще, наша деревенская история изобилует всякими рассказами, передаваемыми из уст в уста, – такими красочными и причудливыми, что иной раз приходится относиться к ним скорее как к мифам или легендам.

Пример тому – сказание о кладе, закопанном в подполе одного из домов нашей деревни.

Начались эти события в 1905 году, в эпоху первой русской революции, когда в деревню с японского фронта вернулся уволенный в запас матрос Прошка. Война с японцами была, как известно, в народе крайне непопулярна, в войсках шла сильная противоправительственная агитация, революционные настроения носились в воздухе, и нашего деревенского Прошку это весьма и весьма затронуло.

Он прибыл домой, воодушевленный идеей о том, что помещики, капиталисты и попы – это враги трудового народа и что экспроприаторов следует экспроприировать. Из этого он сделал простейший и совершенно для него очевидный вывод: решил ограбить церковь, стоявшую на другом берегу в деревне Волье. Нашел троих дружков и успешно выполнил задуманное.

Много ли он в той церкви взял – неизвестно. Могла ли быть очень богатой в то время деревенская церковь? Вряд ли. Но кое-какая добыча, похоже, все-таки им досталась. Говорили про серебряный крест с синими камушками и еще про какое-то добро. Поделили мужики это добро и разошлись по своим деревням. Как гласит легенда, именно с этих неправедно нажитых денег и пошло богатство этого самого Прошки.

Прошка, прибыв в Булавино, отгрохал себе хороший дом (его дом и до сих пор самый большой в деревне, даже несмотря на то, что сейчас москвичи-дачники с хорошими заработками понастроили себе очень приличные коттеджи). Он женился, купил себе несколько коров и лошадей, остатки клада закопал в подполе дома и начал жить-поживать.

Мужик он был трудолюбивый, и благосостояние его росло и росло. К моменту коллективизации он уже был вполне полноценным кулаком: шесть лошадей, несколько батраков – словом, все как положено. Кроме того, все помнили, что под домом у него закопаны остатки клада. Конечно, на него донесли, и он был раскулачен. Донес на него наш милейший сосед Пал Саныч, которого за это сделали председателем колхоза.

Раскулачивание было проведено, как водится, на полную катушку. Дело было зимой. Из дома вынесли абсолютно все:

продовольствие, инструменты, посуду – вплоть до того, что оборвали с окон занавески. Рассчитывали, должно быть, что хозяева сдадутся и выдадут спрятанный клад.

Клад они не выдали. Прошку арестовали и отправили в страшный Соловецкий лагерь, а его жена с шестью детьми мал мала меньше остались без средств к существованию. Интересно, что, несмотря на явно негативное отношение к Прошке в деревне, семья не погибла. Они так и жили до весны от щедрот добрых людей – соседи кормили. А летом жена и старшие дети нанялись к кому-то работать, раздобыли провиант и так, ни шатко ни валко, продолжали выживать, пока хозяин отбывал срок в лагере. Срок ему дали большой, не знаю точно какой, но несколько лет.

Соловецкий лагерь был местом ужасным, и несколько лет в нем, по слухам, не мог протянуть даже очень сильный человек. Прошку же спасло одно обстоятельство – он умел плести лапти. Как только это выяснилось, он попал на особое положение. Его меньше гоняли на общие работы, а может, и совсем не гоняли, кормили лучше, чем рядового заключенного. Его главной задачей стало обеспечение всего лагеря лаптями. Он считался ценным специалистом. Конечно, спрос на лапти в лагере был огромный, все там в них ходили, не сапоги же на зэков тратить! В те времена сапоги были роскошью.

Так Прошка и отсидел весь срок, исправно снабжая лагерное население обувью. Так и остался жив. И вот наконец срок его кончился, и вернулся он в деревню.

Жена встретила его, конечно, с распростертыми объятиями – как же, она сберегла ему шестерых детей, не выдала, где спрятан клад, и имела все основания считать, что теперь-то их жизнь пойдет на лад.

Но ничуть не бывало. Прошка отколол такой фортель, что деревенские только рты пооткрывали. Он заявил, что старая жена ему надоела и что к ней он возвращаться не собирается, и немедленно женился на другой – как говорили в деревне, на Молодухе. Я ее знала уже глубокой старухой, согнутой в три погибели, но в деревне ее по-прежнему называли Молодухой – так и осталась за ней эта кличка.

И вот живет Прошка у Молодухи, а сам-то помнит, что в старом доме в подполе зарыт клад. И все думает, как бы ему этот клад достать.

Думал-думал и придумал. Пошел он к прежней жене и говорит ей: «Прости ты меня, дурака, пожил я с Молодухой и вижу – ты лучше. Не люба мне больше Молодуха, а люба мне только ты, моя хорошая. Давай дальше жить вместе». Жена обрадовалась, пустила его, накормила-напоила, в бане выпарила,

спать уложила. Вот она спит, а он не спит. Дождался глубокой ночи, встал тихонько, спустился в подпол, выкопал горшок с кладом и… ходу к своей Молодухе. Проснулась жена – глядь, в постели пусто, в подполе все разрыто.

И пошла с той поры лютая вражда между Прошкиной старой семьей и новой. Дети Прошкины от первой жены к тому времени выросли, да и от Молодухи уже дети попели. И ненавидели они друг друга так, что никогда у окна не садились, чтобы кто в окно не стрельнул, а в лес ходили только с топором за поясом на случай нечаянной встречи с супротивниками.

Когда мы появились в деревне, Прошка превратился уже в древнего деда Прошку, практически не слезавшего с печи, да и Молодуха, как я уже говорила, одряхлела и согнулась. Из первой Прошкиной семьи в деревне жил только сын по кличке (почему-то) Прокурор (имени его я не помню), а также дочь Татьяна Прохоровна, уже тоже весьма преклонного возраста. Этого Прокурора я сама несколько раз встречала в лесу и всегда видела у него топор за поясом, хотя он там, в лесу, вовсе не дрова рубил, а собирал грибы.

Из второй семьи живет до сих пор в деревне сын Гаврила со своими детьми, да иногда на лето приезжает его сестра.

С Прокурором история закончилась так. Он напился и ехал домой с соседнего берега. На дне его лодки плескалась вода. Он спьяну упал лицом в воду и там захлебнулся.

Надо сказать, что на озере люди удивительно внимательно следят за проплывающими лодками. Как только появляется лодка без сидящего в ней человека, ее сразу замечают. Так было и в этот раз. К лодке сразу же кто-то поплыл, ее вытащили на берег, вытащили и Прокурора из воды. Он был еще жив. Позвали мою сестру Дашу, которая умела делать искусственное дыхание, и она попыталась его откачать. Когда стало видно, что ее усилия напрасны, и он вот-вот умрет, решили позвать деда Прошку – все-таки отец.

Дед Прошка сначала не хотел идти, потом пошел. Увидел лежащего Прокурора, плюнул и сказал: «Собаке собачья смерть». Это все слышали, и Дашка тоже, так что точно не выдумка. Что уж там было в прошлом между этими двумя людьми на самом деле и насколько правдива деревенская легенда о закопанном кладе – этого мы никогда не узнаем.

Дед Прошка давно помер. Перед смертью пару лет совсем не слезал с печи и жил только благодаря преданному уходу Молодухи. Только перед самым концом собрался с силами, слез на пол, поклонился Молодухе в ноги и сказал: «Спасибо тебе, боярыня, что ходишь за мной, не бросаешь старого», – и опять

залез на печку.

Его старинный враг и доносчик Пал Саныч умер раньше него тяжелой смертью – от рака желудка, мучаясь страшными болями. В последнюю свою зиму он как-то собрался с силами, доковылял до дома деда Прошки (а идти было довольно далеко, в горку, да по глубокому нехоженому снегу) и, зайдя в комнату, встал на колени, бухнулся лбом об пол и сказал: «Прости меня Христа ради». А непреклонный дед Прошка с печи ответил: «Бог простит».

Через несколько лет умерла и Молодуха. В деревне по-прежнему верят в существование клада, и эти слухи поддерживаются тем, что сын деда Прошки Гаврила иной раз в пьяном виде начинает хвастаться, что, мол, денег у меня столько, что я всю деревню могу при желании купить.

Врет, наверное. Не ангелы живут в нашей деревне, ох, не ангелы.

О том, как в деревню съезжались родственники, и о том, как появилась ферма. История о вице-губернаторе

И вот мы жили и жили в нашей деревне, вернее, год за годом приезжали туда летом. Сначала с одним ребенком, потом с двумя, потом построили рядом с родительским маленький зеленый домик из переделанной бани и отселились туда, потом родился третий ребенок и появилась собака Капитан.

Кроме нас в деревне появилось множество наших родственников. Сначала вернулось семейство тети Марины Шахтарян, сбежавшее было после обвала потолка.

Вернее, они поначалу немало поездили по белу свету в поисках такого же прекрасного места, как Булавино. Даже присмотрели какую-то деревню и договорились там о покупке дома. В доме, кстати, не было электричества – были оборваны подводящие провода. Дядя Коля, уже на правах нового хозяина, подсоединил провода и отремонтировал проводку. После чего родители с двумя девчонками, моими двоюродными сестрами Дашей и Галинкой, отправились гулять по окрестностям.

И тут выяснилось, что деревня эта стоит на заливных лугах. А в густой траве, растущей на этих лугах, водится бесчисленное множество змей. Просто шагу нельзя шагнуть, чтобы не наступить на змею. Девчонки сначала подняли визг, а потом бунт. Они заявили, что от добра добра не ищут, что нечего ездить и искать неведомо чего, когда есть такое прекрасное и практически родное место, как Булавино, и, что уж совсем глупо, навеки поселиться в этом гадюшнике.

Решение было принято, и они вернулись в Булавино. Конечно, уже не в наш дом (хотя мои родители предлагали: дом к тому времени был уже порядком отремонтирован), а купили себе заброшенный дом на другом конце деревни. Он был в гораздо худшем состоянии, чем наш, но дядя Коля храбро принялся за ремонт. Мой отец помогал, и дом был довольно быстро приведен в жилое состояние: слегка выправлены стены, отремонтирована крыша, сделано новое крыльцо, переложена печка.

Домом до сих пор пользуются, хотя прошло уже больше тридцати лет. Правда, если заглянуть за рубероид, которым его обшили снаружи, чтобы меньше задувало в щели, то становится жутковато – такое там гнилье. Как только стены еще стоят!

Однако пока держатся, не падают.

Хозяева прекрасно понимали, что дом ненадежный, поэтому вскоре была начата постройка летнего дома рядом, чуть ближе к озеру. Дом предназначался для Даши. Он получился не таким основательным, как деревенские дома – без печки и не очень утепленным. Тем не менее никто и не предполагал жить там зимой. Когда Даша вышла замуж (об этой романтической истории речь еще впереди), то силами ее мужа Леши Моркунова был построен еще один сруб с крышей, который в настоящее время потихоньку достраивают взрослая дочь Галины со своим мужем.

Тетя Марина и дядя Коля давно переселились в Армению, где дяде Коле предложили прекрасную работу.

Да и вообще, будучи армянином, он давно хотел вернуться на родину.

Так что теперь старшее поколение в Булавино больше не ездит – далеко, тяжело, и переезд уже не по возрасту и здоровью. Однако старым домом активно пользуется семья Галины и особенно ее старшая дочь Нонна.

* * *

Итак, история о замужестве Даши, которая очень тесно связана с историей процветания нашей деревни. К моменту начала «перестройки» почти все старожилы в деревне умерли или уехали, оставался один вдовый, полуослепший Никанор, который пил по-черному, когда ему удавалось достать бутылку.

Совхозного стада не стало давно, частных коров тоже. За молоком приходилось ходить шесть километров через лес в соседнюю деревню Арапиха, где некая баба Маша держала чуть ли не последнюю в районе корову. В Задольском молока тоже не было давно. Поскольку у меня были маленькие дети, я ходила в Арапиху с двумя бидонами через лес в любую погоду. Лес там, надо сказать, настоящий, колдовской, тропинка еле заметна (трактора, которые раньше иногда пробивали там колею, исчезли одновременно с коровами). На тропинке сидели и провожали меня немигающим взглядом огромные филины. С еловых веток свисали лохмы седого мха, пахло смолой и земляникой. Так и ждешь, что деревья расступятся, и выедет тебе навстречу то ли былинный богатырь на чубаром коне, то ли появится Баба-Яга в ступе.

Все это очень романтично, но отмахивать каждый день по двенадцать километров с двумя тяжелыми бидонами, надо сказать, весьма утомительно. Поэтому мы были несказанно рады,

когда выяснилось, что в деревне поселился некий молодой бизнесмен из Москвы по имени Леша Моркунов, который намерен на полном серьезе создать в Булавино действующую молочную ферму. По-видимому, все дело в том, что он по образованию был биологом (биофак МГУ) и действительно очень любил животных. Ради них был готов бросить все свои городские занятия.

Конь Барон во всей красе.

И правда, в деревне появилась строительная бригада, пара тракторов, довольно быстро был сооружен скотный двор и прибыли коровы, бык и несколько лошадей, в том числе великолепный конь Барон размером почти со слона. Ферма начала функционировать, были наняты два-три наемных работника, и сам Леша Моркунов тоже полностью переселился в деревню, стал там зимовать. Правда, этого, видимо, не вынесла его жена – очень милый человек, но все-таки городской. Жизнь фермерши ее не устроила, последовал развод, и остался в Булавино жить неженатый, относительно молодой фермер Леша с биологическим образованием и любовью к домашним животным.

Это наше молочное стадо. Первый раз выходит на выпас ранней весной.

Этот великолепный разноцветный особняк – основная резиденция Даши и Леши Моркуновых.

Моркуновская гостиница. В ней есть номер «люкс» (с отдельным настоящим городским туалетом и душем), три номера «полулюкс» (туалет и душ у них один на все номера, но тоже настоящий городской). Есть еще пара маленьких дощатых домиков с «удобствами во дворе», и, кстати, на них спрос даже выше. Вообще, у гостиничного комплекса имеется уже свой круг постоянных клиентов, которые, чтобы не «пролететь», заказывают себе комнаты на лето зимой и даже иногда предыдущим летом.

И тут выяснилось, что моя двоюродная сестра Даша, несмотря на образование (Ленинградский политех) и «послеперестроечную» профессию (учитель английского языка), на самом деле тоже больше всего в жизни ценит лошадей, коров и всякую животину. Она все лето проводила, возясь с ними, объезжала новых лошадей (жеребята рождались каждый год), лечила коров, непрерывно их подкармливала, разговаривала только о них. Видимо, это и послужило началом сближения. Надо сказать, что Леше пришлось ухаживать очень долго – года три.

Даша стойко держалась. То ли ее пугало то, что обоим было сильно за тридцать, у обоих дети от первого брака, то ли пугал Лешин весьма непростой характер.

Так или иначе, через три года Легла победил, и они

поженились. На свадьбе мы, разумеется, присутствовали как ближайшая родня невесты и старые приятели жениха. Даша окончательно переселилась в Булавино.

После этого предприятие Моркуновых начало расти и развиваться еще в одном направлении. Они завели гостиницу для туристов в Булавино (построили очень большую зимнюю избу на несколько номеров с нормальным «городским» туалетом и дугшем) плюс несколько летних домиков, обзавелись постоянной клиентурой из числа любителей русской нетронутой природы, рыбаков, охотников и любителей конных прогулок. Даша завела целую школу верховой езды и успешно рулит гостиницей. Зарабатывают они очень неплохо: ферму свою дотируют доходами от гостиницы, а гостиничные постояльцы съедают все молочные продукты и оплачивают содержание коней. Так эти два бизнеса взаимно поддерживают друг друга.

Романтичный рекламный снимок: лесная красавица поит коня. Если честно, то снимок не натуральный, а постановочный: специально надели на девушку длинное платье и загнали лошадь в воду, чтобы вышло рекламное фото для сайта с описанием услуг моркуновской гостиницы.

Легла возглавляет местный клуб поисковиков, занимающихся раскопками в лесах «остатков войны». Это не «черные копатели» – клуб официально зарегистрирован, Леша имеет несколько губернаторских грамот за содействие розыску и захоронению солдат, числящихся с войны без вести пропавшими. Там ведь у нас проходили большие бои (Демянский котел), и в лесу можно найти все что угодно.

За год наши поисковики находят и хоронят до двухсот человек. Мой муж Сережа тоже член этого клуба, и у нас дома, в подвале, полно старых касок, каких-то железок ужасного вида, обнаруженных ими во время раскопок.

На раскопках. Пока просто копают там, где дал сигнал металлоискатель.

А это – печальная находка: незахороненные останки.

Нельзя сказать, чтобы бизнес Моркуновых всех поголовно устраивал в нашей деревне. Несколько раз находились личности, которые писали всякие жалобы и обращения в прокуратуру по поводу того, что, мол, трактора портят дороги, а от коров навоз стекает в озеро. Основной тезис противников был такой: «Здесь у нас теперь дачный поселок, а он тут со своими тракторами и коровами!» Всякие возражения насчет того, что должно же быть в деревне молоко, решительно отметались: «А мы молоко не пьем!» По-хорошему договориться никак не удавалось.

Но российский бизнес уже успел отрастить кое-какие когти и зубы, и голыми руками его не возьмешь. На каждую «телегу» пишется «противотелега», на каждый газ есть противогаз.

Конец наездам был положен, когда однажды вдали загудел могучий гудок, и – о чудо! – рассекая воду, к нашему Богом забытому берегу пристал небольшой пароходик, высадивший на берег настоящего вице-губернатора Н-ской области и его невиданную свиту: все районное начальство, включая прокурора

и начальника СЭС.

Это явилась комиссия, чтобы разобраться с потоком поступающих «телег» и «противотелег». Высокое начальство обошло всю деревню, лично осмотрело ферму и постановило, что нарушений санитарных условий нет. Насчет ремонта дорог порекомендовало обращаться в областные дорожные службы. А насчет «дачного поселка» (этот довод был упомянут во время развернувшейся дискуссии) начальство грозно возопило: «Забыть и не вспоминать! Это деревня с сельскохозяйственным производством. И точка! Прокуратуре больше жалоб на ферму не принимать!» На чем все и кончилось.

Так что ферма растет и процветает, если не считать мелких неприятностей с работниками, которые регулярно ударяются то в запой, то в поножовщину. Но это дело привычное, и без таких мелких неприятностей бизнеса не бывает.

Это карта-схема нашей деревни, нарисованная масляными красками на листе кровельного железа и прикрученная к забору посередине деревни. Авторы – моя дочь Алена и кто-то из ее приятелей. Карта вызвала большое восхищение вице-губернатора, который долго ее рассматривал и провозгласил, что у нас очень передовая деревня и хорошо бы во всех деревнях иметь такую карту.

* * *

Еще одна часть нашего обширного семейства переселилась в Булавино вскоре после возвращения Шахтарянов. Это семьи моего дяди Роберта, брата мамы, и тети Марины. Они, как водится, приехали в гости к моим родителям, огляделись вокруг и уже не смогли уехать.

Дядя Роберт отправился по деревне искать, какой тут дом можно купить. К сожалению, больше в деревне свободных домов на продажу не было. Но дядя Роберт нашел выход. У нашей ближайшей соседки тети Ани (Анны Ефимовны) было два дома: так называемый «новый» – повидавшая виды халупа, на крышу которой она самолично каждый год лазила заделывать течи, и так называемый «старый» – почти рухнувшее сооружение с провалившейся крышей, куда уже люди не заходили, боясь, что оно совсем завалится. В нем еще сохранились подслеповатые окошки – заглянув в них, можно было увидеть провалившийся до земли пол и стоящую среди обломков старую кровать, на которой росли настоящие грибы – бледные поганки. Тетя Аня все собиралась разобрать этот «старый дом» на дрова, но за дело было страшновато взяться, как бы на голову чего не упало.

Так вот, дядя Роберт уговорил Анну Ефимовну продать ему этот дом за 45 рублей. Она, конечно, не предполагала, что он собирается в нем жить, думала, что тоже на дрова. Однако Роберт принялся его ремонтировать.

Помню, что на первом этапе даже был призван на помощь мой муж Сережа (я тогда уже вышла замуж). Сережу попросили помочь снести веранду, вернее, то, что от нее осталось, потому что было очевидно, что эта бывшая веранда и есть самая опасная для жизни часть халупы. Сережа взял ломик, подошел к веранде и, ожидая, пока подойдет дядя Роберт, просто прислонился к ней плечом.

Веранда рухнула, подняв столб коричневатой трухи и пыли. Еще два дня ушло на ее разборку и перетаскивание в костер. Потом дядя Роберт и его жена тетя Жанна как-то смогли пробраться внутрь, вытащили гнилой пол и знаменитую кровать с грибами, выгребли мусор, прямо на землю положили какие-то доски, заткнули самые большие дыры на улицу кусками полиэтилена и рубероида, подперли кое-как стены и потолок и вселились туда.

Интересно, что Анна Ефимовна, увидев такое дело, потребовала доплаты за дом. «Оказывается, он еще очень хороший, – сказала она, – а я-то думала, что он годится только на дрова». Впрочем, она не была жадной и удовлетворилась дополнительными двадцатью рублями.

Они прожили в этом сооружении несколько лет, постоянно

намокая во время дождя и отчаянно замерзая в холодную погоду. При этом Роберт практически в одиночку строил рядом новый дом. К тому времени уже наступила «перестройка», и появилась возможность покупать кое-какие стройматериалы. В частности, на той знаменитой машине с эстонцем-водителем, которая застряла в лесу, кроме досок для нашей крыши, был привезен брус для дома дяди Роберта. Сначала дом задумывался как двухэтажный, и был возведен брусовый каркас двух этажей. Однако потом была совершена строительная оплошность. Заделывать стены и вставлять окна Роберт принялся, начиная со второго этажа, а не с первого. Заделывал он их очень качественно, укладывая брус на брус и скрепляя все монтажной пеной, покрыл домик крышей, так что получилась этакая прочная коробочка с окнами, стоящая на длинных тонких ногах – брусовом каркасе первого этажа. В этом и заключалась роковая ошибка. Дом в таком виде имел большую парусность, а основание было недостаточно устойчивым.

И вот однажды зимой, когда никого из нас в деревне не было, подул сильный западный ветер и его порывами домик был опрокинут. Вернее, подломились тонкие «ножки», и верхняя прочная часть спланировала на землю, оказавшись на несколько метров восточнее первоначального фундамента и обломав растущие рядом кусты. Но при этом не развалилась и даже практически не пострадала.

Обнаружили это мы с Сережей, приехав весной на майские праздники. Смотрим, а дом дяди Роберта стоит не на ножках, а на земле, при этом как-то странно – не на своем месте, а частично в кустах, частично на тропинке. Мы даже сразу не поняли, что произошло, как это он «спустился» на землю.

Дом дяди Роберта в его современном виде. Окна на фасаде завешены белой материей из-за невероятной жары, которая царила тем летом, когда делался снимок.

Сломанный каркас мы рассмотрели уже потом, когда подошли поближе.

Дядя Роберт мужественно вынес удар, когда мы ему сообщили, что «домик улетел».

Летом он как обычно приехал в отпуск, походил вокруг домика и принял единственно правильное решение: сделать дом одноэтажным, убрав обломки каркаса и передвинув прекрасно сохранившуюся верхнюю часть назад на фундамент.

Он собрал по всей деревне имевшиеся домкраты и принялся за дело. Домик приподнялся и стал медленно, по нескольку сантиметров в день, передвигаться к своему старому фундаменту. Кажется, за два года эта работа была закончена. Домик встал на фундамент прочно, как будто стоял там с самого начала. Дальше была пристроена еще одна комната-кухня, крыльцо, поставлена печка и, наконец, снесена старая Анькина развалюха.

Дядя Роберт и тетя Жанна отпраздновали новоселье и с тех пор с удовольствием живут в небольшом, но теплом и крепком жилище. Они развели прекрасный сад и огород и теперь наслаждаются на пенсии полным комфортом.

Спустя некоторое время после этой эпопеи был возведен еще один маленький дом из переделанной бани силами наемных строителей на второй части их участка. Предполагалось, что он

предназначен для их сына Артема, когда тот вырастет. Однако когда Артем действительно вырос, оказалось, что его амбиции распространяются гораздо дальше маленького дома из бывшей бани.

Как только Артем стал прилично зарабатывать, он нанял бригаду и отгрохал себе рядом с родительским просто роскошный, высокий двухэтажный дом из толстенных бревен, очень необычной архитектуры, напоминающей швейцарское шале. С некрутой крышей, балконом во весь фасад, выходящим на озеро, – короче, очень необычное для Булавино сооружение.

Дом, впрочем, получился теплым и красивым. Внутри есть камин, оборудован хороший санузел (правда, в летнем варианте – вода поступает из водонапорного бака, закрепленного на высоте снаружи дома, а туда ее накачивает мощный насос из озера). На зиму, разумеется, приходится это все сливать.

В прошлом году Артем с женой активно занялись благоустройством участка – сажают сад.

* * *

Надо сказать, что еще за пару лет до строительства Артемова нового дома мы с Сережей тоже построили себе отличный большой желтый дом прямо рядом – на месте Аниного так называемого «нового» дома, так что мы с Артемом теперь оказались ближайшими соседями.

История этого Желтого дома была такая.

Это наш с Сережей Желтый дом. Виноград, увивающий балкон, разрастается с каждым годом. С другой стороны дома, под окнами, растет молодой дубок. Это моя гордость.

Долгое время деревня пополнялась новоселами из числа родни со стороны моей мамы. Однако у моего отца тоже есть сестра – тетя Лена, мать того самого Лени Лукерцева, который еще шестилетним ребенком одним из первых вступил на булавинскую землю во время нашего самого первого приезда.

Он и потом несколько лет приезжал в Булавино с нами, будучи маленьким ребенком. Затем на какое-то время ездить перестал, но однажды, уже окончив институт, приехал к нам вместе с матерью. Конечно, они сразу захотели купить дом. Анна Ефимовна к тому времени состарилась и в деревню не приезжала, но как раз приехал ее внук с поручением продать кому-нибудь оставшийся дом и с доверенностью на продажу.

Леня немедленно этот дом и купил. Однако семья тети Лены ездила в Булавино недолго – года два. Они как-то не втянулись в деревенскую жизнь. Дом был старый, крыша текла, надо было как обычно все чинить и переделывать, а им этим заниматься не хотелось. Муж тети Лены (Ленин отчим) с удовольствием собирал грибы и ягоды, но ему было уже за семьдесят, и он после этого уставал, начинала болеть спина. Кроме того, он вдруг увлекся бальными танцами, и ему без этого жизнь стала не мила (очень он нетривиальный человек), а какие бальные танцы в Булавино?

Тетя Лена – историограф нашего семейства, любительница

составлять наше генеалогическое древо, разыскивать всяких дальних родственников и писать книги краеведческого и исторического содержания, в частности о наших предках (у нас в предках по русской линии было несколько довольно известных купеческих семейств). Попав в Булавино, она немедленно расспросила всех местных жителей об их воспоминаниях, даже посетила с этой целью соседние деревни. В результате родилась книжка по истории села Булавино Д-кого района Н-ской области.

После этого тетя Лена переключилась на другие свои интересы и приезжать в Булавино перестала. Стало ясно, что дом им не нужен.

А нам с Сережей и нашими детьми уже стало тесновато в маленьком Зелененьком домике. Родился Витя, третий ребенок, старшие выросли, им тоже нужно было отдельное помещение. Кроме того, завелись какие-то деньги, а в деревне при этом появилась довольно мощная строительная бригада под руководством Дашиного мужа Леши Моркунова.

Короче, мы выкупили у Лени дом и участок. Дом со всей очевидностью подлежал сносу, жить нам пока можно было в Зеленом домике и, если нужно, в старом мамином доме. Поэтому рядом со стареньким Аниным строением мы заказали Моркунову хороший дом из двух комнат, кухни и сеней, на высоком полуподвале, с утепленным вторым этажом, с камином и двумя печками. Что и было выполнено за три года.

А это мой сад. Этот цветник расположен прямо напротив

балкона Желтого дома. Конечно, в нем выжили только самые неприхотливые цветы – в основном ирисы, хосты, золотые шары и флоксы. Они не погибли даже в зарослях двухметровой крапивы, которая ежегодно вырастает до того, как начинается в конце июля мой отпуск, несмотря на то что на майские праздники я все стараюсь тщательно прополоть. Флоксы и золотые шары цветут как раз в июле-августе, когда у нас с Сережей отпуска, и тем самым очень украшают наш участок. А широкий хозяйственныйдвормеждудомоми цветником мы просто выкашиваем, что и видно на фотографии.

В результате появился большой Желтый дом, в котором мы сейчас и живем.

Старый домик некоторое время стоял рядом, и Моркунов попросил разрешения поселить в нем временно своих наемных работников – цыганскую семью с маленьким ребенком. Мы, конечно, разрешили, хотя очень ужасались, что дом такой плохой и там будет очень неудобно жить с малышом. Но оказалось, что цыгане – люди крепкие, ничего с ними не сделалось, и они прожили в этом домике пару лет и даже родили там еще одного ребенка. Вообще, эта цыганская семейка являла собой очень интересное явление и заслуживает отдельного рассказа.

Но чтобы закончить рассказ об экспансии нашего семейства на булавинскую территорию, я пока кратко скажу, что через некоторое время цыгане уволились от Моркунова и уехали (не забыв перед отъездом попытаться вскрыть наш дом и оставив около дома небольшую делянку конопли). После этого старенький дом был снесен, а на его месте мы построили летнюю кухню.

К этому времени выросла и вышла замуж наша дочь Алена. К ней стали приезжать шумные и многочисленные студенческие компании. А я уже достаточно состарилась, чтобы переносить толкотню и шум. Поэтому были предприняты усилия по выселению Аленки и всех ее приятелей-студентов в отдельное помещение. Благо позади старого маминого дома была чудесная горка на опушке леса с сосенками, никем не занятая. Мы подали прошение на аренду ее у государства (к этому времени уже появились какие-то более или менее стабильные правила землепользования). На этом участке моркуновской бригаде был заказан еще один дом. Дом был построен, как и предыдущий, года за три в общей сложности, и, хотя в нем еще масса недоделок (в том числе нет туалета), этой зимой Алена с мужем уже там жили в самые лютые холода, когда на улице мороз доходил до тридцати пяти градусов. И ничего, оказался одним из самых теплых наших домов – печка в дальней комнате, камин в ближней. Правда, второй этаж не топится, но для летнего приема оравы студентов он вполне подходит.

Потрясающий пейзаж открывается от Митькиного дома. К сожалению, никак не встанешь с фотоаппаратом так, чтобы в кадр влезли одновременно и дом, и пейзаж – деревья загораживают. У них там очень неплохой сад со сливами, крыжовником и даже с собственными дубом и рябиной (прямо как в песне).

Вот уже и старший наш сын Митя вырос и женился. Строить ему дом у нас уже не было сил, но тут выяснилось, что старый приятель моих родителей и старожил Булавино Арнольд Викторович продает свой дом, стоящий на великолепнейшем месте, на самом мысу, выдающемся в озеро, так что вид оттуда открывается феерический. Дом был куплен для Мити, и мы надеемся, что его семья будет также с удовольствием жить в нем.

Вот так и вышло, что почти половина деревни теперь населена нашей родней. Если считать с владениями Моркуновых (гостиницей, фермой и их собственным жильем), то получается двенадцать домов. Как и положено в приличной деревне, все находятся друг с другом в сложных родственно-свойственных связях. Приятно и то, что среди этих домов большая часть – новостройки, причем есть даже производственные предприятия (гостиница и ферма).

И значит, деревня вовсе не умирает. Несмотря на отсутствие дорог и государственной поддержки, она официально признана самой быстроразвивающейся деревней Н-й области.

«И растут наши избы крыльцом на восток,
И гремят флюгера на высоком ветру!»

История о цыгане и цыганке

Об истории цыганского семейства в нашей деревне я уже начинала рассказывать. Виновником их появления был Леша Моркунов, которому требовались работники на ферму, и он собирал всех желающих из О-й губернии, откуда сам был родом.

«Цыганская семья» оказалась как раз такой, готовой к коллективному переезду на новое место жительства. Слово «цыганская» я поставила в кавычки, потому что они, собственно, не все были цыганами и даже не совсем цыганами, как выяснилось. Слово «семья» тоже надо брать в кавычки, потому что мы далеко не сразу и не до конца разобрались в их сложных внутренних отношениях, хотя они жили все вместе и вели себя как родственники.

«Семья» состояла из пяти человек. Главным, по-видимому, был цыган по имени Рома Чернигов, лет, по-видимому, двадцати пяти. В этой фразе все «по-видимому». Он был, вероятно, не совсем цыган и, вероятно, не совсем являлся главным. И лет ему, наверное, было не совсем двадцать пять. О том, кто был главным в этой удивительной компании, речь пойдет дальше, а о национальной принадлежности Ромы Моркунов застенчиво высказался так: «Ну и что же, что не совсем русский! Я паспорта у них проверил – вроде люди как люди. В армии служили, работали вроде где-то. Надо же кого-то нанять…»

Как видно, Леша испытывал некоторое смущение, что привез к нам в деревню таких странных людей. Причину его смущения полностью мы поняли несколько позже.

Сам Рома говорил, что он полуцыган-полурусский. У него была жена по имени Надежда, вполне русская (по ее словам), но соблюдавшая все цыганские обычаи: она не носила брюки, а только цыганские юбки, терпеливо переносила мужнины побои. Впрочем, надо сказать, он лупил ее обычно за дело, а именно за полную неспособность вести домашнее хозяйство. Она, бедняга, даже не могла правильно распределить деньги в магазине при покупке еды и могла, например, на всю семейную зарплату накупить только чипсов и йогуртов. Совсем мозгов не было у человека – может быть, впрочем, они были раньше, но атрофировались из-за побоев.

Как выяснилось позднее, эта Надежда в своем соблюдении цыганских обычаев способна была и на более решительные поступки. Оказывается, наш милейший Рома перед приездом в Булавино кого-то зарезал там у себя на О-щине. Как и положено цыганской жене, Надежда взяла вину на себя. Она заявила, что

погибший пытался ее изнасиловать – вот и пришлось зарезать. Кроме того, она была в тот момент беременна. Короче, ее судить судили, но в тюрьму не посадили. Вероятно, дали условный срок. Всю эту историю, скорее всего, Моркунов знал с самого начала, чем и объяснялось его смущение по поводу их появления в Булавино, но мы узнали об этом значительно позже.

У Надежды и Ромы была трехлетняя дочка, которую они привезли с собой. Она была совершенно необузданная и невероятно энергичная, просто бешеная, не понимала никаких запретов и отлично материлась по-русски и по-цыгански. Несмотря на свой возраст, была способна в кратчайший срок устроить очень серьезные разрушения в любом хозяйстве. Мы с этим столкнулись, когда «цыганка» Надежда через год собралась рожать еще одного ребенка, и на время, пока она была в роддоме, девочку отдали пожить к Даше. Девочка прожила у нее три-четыре дня, но впечатления оставила о себе необычайно сильные. Даша теперь называет ее не иначе как ребенок-монстр.

Четвертым членом семьи была некая Зоя, женщина лет сорока-сорока пяти, с сильной инвалидностью. Что у нее там была за болезнь, я точно не знаю, но она практически не могла ходить, и ее приходилось на мало-мальские расстояния носить или возить на тачке. По дому, впрочем, она как-то передвигалась самостоятельно. Цыгане иногда называли ее «мать», и некоторое время все думали, что она мать Ромы, но потом оказалось, что это вовсе не так. Интересно, что именно этот, казалось бы, совершенно беспомощный и зависимый от других член семьи и был ее центром и, скорее всего, фактически ее главой.

Дело в том, что она была умная, значительно умнее всех остальных, и, по-видимому, принимала все основные решения в группе. Во всяком случае, и решение о приезде в Булавино, и решение о последующем отъезде, как нам теперь кажется, были приняты ею, причем в обоих случаях цыган Рома вынужден был согласиться с этим решением, хотя, должно быть, был не совсем готов к этому.

Фигурировал в этой группе еще странный придурковатый малый по имени Елисей, моложе Ромы, весь какой-то кособокий и криворукий, который, однако, работал на всю катушку, если не больше других. Он был самым бесправным членом семьи, заикался и вообще двух слов связать не мог. Рома, когда бывал им недоволен, лупил его как Сидорову козу, говорят, что даже железным прутом (во всяком случае, Елисей кому-то жаловался на это и показывал страшные синяки).

Каково же было наше удивление, когда впоследствии выяснилось, что Елисей был мужем этой самой Зои! Вот уж не

знаешь, что и думать об этих удивительных цыганских порядках.

Когда они появились в деревне, то Моркунов, как я уже говорила, попросил разрешения поселить их в старом полуразвалившемся Анькином домике, около которого мы достраивали свой Желтый дом. Поэтому они оказались нашими ближайшими соседями, и мы иногда были вынуждены довольно близко наблюдать их жизнь. Я сразу поняла, что с ближайшими соседями, да еще цыганами, лучше всего «дружить» как можно крепче во избежание неприятностей, и «дружила» изо всех сил, пока они не уехали. Нельзя сказать, что эта дружба была совсем уж неискренней. Я очень жалела бедную бестолковую Надежду и, как могла, старалась облегчить ее жизнь. Например, я регулярно предлагала ее мужу Роме разные «шабашки» для подработки – например, что-нибудь покрасить в строящемся доме, навозить песка, натаскать камней и все такое прочее. Правда, обычно выяснялось, что все эти работы выполняла именно Надежда, а деньги забирал Рома. Но, в конце концов, это их личное дело, а мое дело – дать семье возможность заработать дополнительные деньги. Платила я по несколько более высоким ставкам, чем Моркунов, у нас даже было несколько стычек по поводу того, что я разлагаю его работников большими зарплатами. Я всегда отбивалась аргументами, что, мол, у меня разовые задания, а не постоянное рабочее место, за разовые задания всегда платят больше.

Кроме того, я дарила Надежде игрушки и детскую одежду для ребенка, да и часть своих вещей для нее самой отдала. Один раз мне пришлось ее здорово выручить, когда пришел Энергонадзор с инспекцией и выяснилось, что у цыган в домике подкручен электрический счетчик. Ромы-цыгана не было дома в тот момент, и бедной тупой Надежде пришлось выкручиваться самой. Она, конечно, ничего объяснить не смогла. Энергонадзор объявил свое решение – отключить им электричество, и уже полез на столб, чтобы обрезать провода. Надежда заметалась с воплями: «Меня нельзя отключать, у меня ребенок! Муж убьет!»

Я услышала эти вопли и прибежала ее спасать. Сказала Энергонадзору, что готова ответить за непорядок в этом доме. Энергонадзор страшно обрадовался, потому что ему стало ясно, что вместо малоприятного залезания на столб и перекусывания проводов появилась возможность взять с кого-то штраф, а попросту взятку. Я заплатила без споров, сколько спросили (кажется, две тысячи рублей; квитанцию мне, конечно, не дали). Энергонадзор удалился, Надежда слезно благодарила.

Вечером явился сам Рома и сказал, что благодарит за спасение его семейства и готов отработать мне этот штраф. Я

оценила величие его цыганской души, так как их дом формально принадлежал мне, и небыло никаких доказательств, что счетчик подкрутил именно он. Рома вполне мог заявить, что «так и было, когда я вселился», и оставить штраф на мне.

По моим понятиям, так и должен был поступить всякий цыган. Однако он этого не сделал. Я, помнится, попросила его в качестве отработки штрафа покосить часть моего участка, что он и делал в течение двух дней без проблем по вечерам. Кстати, сумма штрафа в две тысячи рублей по тем временам составляла почти половину его месячной зарплаты, так что я действительно их выручила из большой неприятности.

Цыгане прожили у нас года два. Рома работал трактористом, Надежда – дояркой, Елисей – пастухом, скотником и вообще разнорабочим, Зоя сидела дома и читала взятые у меня напрокат книги. Она одна из всей семьи умела читать и читала в огромных количествах (три-четыре толстые книги одолевала за неделю). Предпочитала детективы и «про любовь». На первые же семейные заработки для нее был куплен маленький телевизор.

За время пребывания в нашей деревне с нашими цыганами все время случались всякие интересные истории – они были прямо-таки источником всевозможных событий. О некоторых из них я расскажу.

О том, как Елисей заблудился в лесу

Это произошло почти сразу после их появления в деревне. Елисей был назначен пастухом. Выпас скота обычно у нас происходит следующим образом: коров выгоняют за околицу в перелесок, и они там свободно бродят. Пастух, конечно, должен за ними следить, но сплошь да рядом он спит в тенечке или собирает грибы, короче, отвлекается на посторонние дела. Когда наступает время гнать коров на дойку, он их собирает, и тут выясняется, что одна корова потерялась.

Так было и в тот раз. Искать пропавшую корову, разумеется, должен был тот же пастух.

Елисей пошел в лес искать корову и пропал. Его не было и на следующий день. Деревня слегка забеспокоилась, были предприняты некоторые усилия по поискам (корова, кстати, сама вернулась в тот же день). Поиски осуществлялись так: Моркунов на лошади объехал ближайшие перелески и отправил Рому тоже в лес «покричать».

А леса, надо сказать, у нас дикие и глухие. Можно взглянуть еще раз на спутниковый снимок, который был приведен в начале книги, и сопоставить зеленую площадь лесов с бледными пятнышками «проплешин» вблизи деревень и редких дорог. Зеленая чаща представляет собой череду песчаных сопок, поросших соснами, с заболоченными низинами, где по пояс малина и частый ольшаник. Тропинки кое-где есть, но только опытный глаз может кое-как отличить тропинку от нетропинки, и то, если ты уже стоишь на этой самой тропинке, смотришь вдоль нее и твердо знаешь, что чуть-чуть примятая трава – это тропинка и есть.

Человек на лесной тропинке. Эту лесную тропинку можно считать «хорошо заметной». Большинство других заметны гораздо хуже.

Если, скажем, ты пересекаешь тропинку поперек, выбирая путь по лесу наугад, то девяносто девять процентов вероятности, что ты ее просто не заметишь – сделаешь очередной шаг через эту чуть-чуть примятую траву, и даже в голову не придет, что она чем-то отличается от травы и кустов вокруг. Так что заблудиться очень легко, особенно для нового человека, который плохо ориентируется и не сможет сообразить, где должно быть озеро, как примерно расположены деревни, где наибольший шанс выйти не на еле заметную тропку, а на широкую наезженную трактором дорогу.

Например, на дорогу из Булавино в Криново, по которой все-таки пару раз за сезон трактор проходит. Кроме того, можно ориентироваться на шум моторов, который может доноситься с озера и указывает на то, что вот-вот ты выйдешь к воде. А уж по берегу-то грех не добраться, куда тебе нужно, – все деревни в основном стоят на озере.

Но все равно люди в лесах иногда пропадают, даже местные. Например, лет пятнадцать-двадцать назад в Криново была одна бабка, которая была любительницей ходить по грибы-ягоды. Ходила всегда только одна и никогда никому не открывала, где ее любимые потайные места в лесу, – от жадности и глупости. Кончилось это все плохо. Бабка пошла как-то в лес и совсем

пропала. Так и не нашли. В принципе, с ней могло что угодно случиться – подвернула ногу в буреломе, и все. Даже если это было не очень далеко от деревни, пожилая женщина с поврежденной ногой из такого леса выбраться шансов не имеет. Ее искали недели две, привлекали даже солдат из местной воинской части для прочесывания леса. Но в этих краях, чтобы лес как следует прочесать, требуется пара дивизий, и то, наверное, не хватит. Кроме того, она могла попасть в болото и утонуть.

Все эти истории после пропажи Елисея жители деревни вспомнили и, покричав в ближайших лесах пару дней, стали решать, что же делать? Надо сказать, что наиболее равнодушным к судьбе Елисея был Рома, который вообще выдвинул предположение, что Елисею тут не понравилось и он удрал по дороге в Криново и отправился на старое место жительства.

Все поудивлялись немного, но кто их, цыган, знает? Может, для них обычное дело так поступать. В милицию решили, в конце концов, не сообщать, а ждать, что будет. Все-таки это не старая бабка, а молодой парень – если заблудился, то рано или поздно куда-нибудь да выйдет, а если совсем сбежал, то где теперь его найдешь?

Непролазная чаща. Потерять направление в таком лесу совсем нетрудно и очень неприятно.

Елисей появился со стороны Криново через восемь дней. Он сильно оголодал, потому что семь дней кружил по лесам и питался только черникой-земляникой да траву жевал. Ночевал под деревьями, на мху, где посуше. Благо дождей не было. На восьмой день он вышел к людям – в соседнюю деревню Криново. Там ему дали хлеба, поставили на дорогу, ведущую в Булавино, и сказали: «Иди прямо, не сворачивая, попадешь к своим». Он очень боялся и не хотел опять идти через лес, но провожать его никто не вызвался, только приговаривали: «Иди, не боись». Наконец он расхрабрился и пошел, хотя весь дрожал и всю дорогу плакал.

Рома встретил его не особенно приветливо, надавал по шее «за беспокойство», но разрешил денек отоспаться, после чего горе-пастух был снова отправлен к коровам.

О том, как цыганка родила сына Веню

Цыганка Надежда быстро снова забеременела. Это поводом для отлынивания от работы не считалось, да и она сама была замечательно крепкая женщина. Я видела просто невообразимые для городского человека сцены. Например, у нас была самая длинная в деревне деревянная лестница – метров шесть, наверное, если не все восемь. Она использовалась всей деревней для ремонта крыш.

Тяжести лестница была неимоверной. Это понятно, если учесть, что она состояла из двух длиннющих продольных деревянных шестов (даже, скорее, бревен) диаметром в толстом нижнем конце не менее пятнадцати сантиметров, а в тонком верхнем – не менее десяти, плюс еще штук двадцать перекладин-ступенек соответствующей толщины.

Таскали ее по деревне всегда не меньше, чем два мужика, а то и три, если далеко нести. Я эту лестницу, например, самостоятельно могла только передвинуть на метр-другой. Так вот, однажды Рома прислал Надежду с ребенком попросить у меня эту лестницу – что-то там на крыше прибить. Надежда была уже на седьмом месяце, если не на восьмом. Я, конечно, сказала, что сейчас попрошу брата и еще кого-нибудь помочь донести. И каково же было мое удивление, когда она сказала: «Не надо, не надо», одной рукой положила лестницу себе на плечо, другой подхватила с земли свою четырехлетнюю дочку (!!!) и преспокойно пошла своей дорогой!

В больницу на медицинский осмотр в райцентр в Д. она ходила редко, но иногда все-таки ходила – за сорок километров, по жаре, всегда пешком через лес! Рома возить отказывался: «Я занят, да и нечего, ей надо – пусть идет сама, а то пусть не ходит». Когда она выбиралась на шоссе, ее иногда подбрасывали попутки, и то не всегда.

При этом цыган был очень не прочь получить нового ребенка – мальчика, конечно. Насчет второй девочки он и думать не хотел и только говорил: «Пусть попробует еще раз девчонку родить, так взгрею, что своих не узнает!» Но самая главная опасность подстерегала бедную дуру Надежду впереди. Когда она уже должна была родить, Рома соблаговолил довезти ее до больницы в Д. и лично присутствовал при беседе с врачом.

И вот, на вопрос врача, которые по счету роды, Надежда берет и в присутствии мужа отвечает: «Шестые». Вот это да! Налицо

один ребенок – девочка. Второй должен вот-вот родиться. А где еще четыре?! Надежда осталась в больнице, а разъяренный Рома явился домой, весь исполненный самых черных подозрений. То, что он у нее не первый муж, он, разумеется, знал или догадывался. Но где дети?

Рома в ярости заявил, что ненавидит женщин, которые бросают своих детей, и если выяснится, что Надежда их бросила, то он ее убьет совсем или как минимум выгонит навсегда. Слава богу, все кончилось хорошо – родился мальчик, и Надежда смогла доказать мужу, что остальные четыре ребенка остались «где-то там, у ее матери».

Кстати, Надежду почему-то не оставили в больнице Д. Почему? Из-за неясной национальности? И повезли за сорок километров в В., там тоже не приняли, отправили в Н., и в конце концов, кажется, она родила прямо в машине скорой помощи, не доехав до Н. Странная история.

Надежда с новорожденным сыном у нашей калитки.

Так или иначе, Рома забирал их с сыном уже из Н. Мальчика привезли в Булавино, назвали Веней. Все очень радовались, потому что это был первый новорожденный чуть ли не за последние сто лет у нас в деревне.

Все дарили Надежде, по обычаю, подарки, я тоже подарила деньги и красивый кувшин. Хотя зачем цыганке кувшин? Ну, в крайнем случае, надеюсь, продаст. Надежда надела очень красивое синее бархатное длинное платье, помыла волосы (оказалось, что она блондинка). Короче, вся деревня гуляла и веселилась.

О том, как Зоя ездила жаловаться районному начальству

Некоторое время цыгане, видимо, намеревались обосноваться в нашей деревне окончательно. Во всяком случае, они совершали разные действия, которые окружающие истолковывали именно так. Например, Рома подал заявление на получение участка земли в нашей деревне. Участок был получен, и Моркунов даже стал строить на нем в счет его заработков отдельный дом для них (было ясно, что наша развалюха долго не продержится, в ней текла не переставая крыша, было холодно зимой, да и я не готова была вечно терпеть их на своем дачном участке).

Дом был практически готов, вопрос стоял об устройстве печки или иного нагревателя и о прорезании окон. Однако тут цыганские планы начали как-то меняться. Источником перемен явилась Зоя. Они сообщили, что «Зое тут надоело, и она хочет уехать». Казалось бы, неподвижный человек, не выходит из дому, какая ей разница, где жить: здесь или в каком-то другом месте? Нет, Зое надоело, и она хочет уехать.

Рома с Надеждой, похоже, уезжать не хотели или сначала не очень хотели. Однако после серии скандалов Зоя потребовала, чтобы ее отнесли и посадили Моркунову на крыльцо, что и было выполнено Елисеем. А Моркунову она заявила, что требует, чтобы ее немедленно перевезли на ту сторону озера, на автобусную остановку. Она, мол, едет в Д. Зачем ей в Д., она не объясняла, а только шипела и ругалась. В конце концов Моркунов плюнул и отвез их с Елисеем, предупредив, что забирать обратно не намерен. Рома с Надеждой пока остались в Булавино.

Дальнейшие события развернулись в Д., и мы о них узнали от потрясенного Моркунова, которому позвонило районное начальство на следующий день.

Зоя действительно добралась до Д. и отправилась прямиком в администрацию района. В кабинете главы района вдруг распахнулась дверь, и под вопли ополоумевшей секретарши в кабинет БОСИКОМ (!) заковыляла Зоя! Главу района чуть не хватил удар. Зоя уселась и сообщила, что ее и ее семью уже два года держит в рабстве в отдаленной деревне некто Моркунов, не поит-не кормит, заставляет работать день и ночь, денег не платит. «Вот видите, даже обуви не дает!» – тут она показала на свои босые ноги. Уехать тоже не разрешает. Говорила ли она, что их еще заковывают в цепи, я не помню, но, наверное, об этом можно было сделать выводы. Ей, бедной Зое, чудом удалось

вырваться, и она просит районное начальство принять меры к негодяю-рабовладельцу.

Глава района заметался, стал призывать помощников, ответственных за социальные вопросы на селе, и прочий чиновничий народ. Некоторое время царила сумятица, потом Зое пообещали, что «с вопросом разберутся», и она удалилась на своих скрюченных ногах. После ее ухода глава района обнаружил, что у него со стола пропал мобильный телефон.

После звонка из районной администрации Моркунов схватил Рому как живого свидетеля и тоже помчался в Д. Зои и Елисея уже и след простыл, но Рому и Моркунова, разумеется, сразу же повели к главе района, который потребовал объяснений. Надо сказать, что Рома добросовестно подтвердил все, что говорил его наниматель: про то, что работали они втроем, а Зоя никогда не работала, и никто ее не заставлял, что деньги платили и даже оформили ему участок и почти построили дом. Что у Зои, конечно же, есть нормальная обувь, и не одна пара (к этому вопросу глава района возвращался несколько раз), и что никто их не держит насильно, а просто они сами не хотят уезжать.

В завершение Рома для достоверности плюнул и сказал: «Ну ее к черту, эту Зою, видеть ее больше не хочу!»

Глава администрации вроде бы поверил. Пропавший мобильный телефон тоже придавал достоверности всем этим объяснениям. Короче, их отпустили с миром.

Однако вскорости стало ясно, что долго в Булавино цыгане не задержатся. Рома с Надеждой сначала говорили, что да, мол, они остаются еще на год, но как-то уже неуверенно, а осенью заявили, что хотят уехать. Должно быть, они как-то связались с Зоей и Елисеем, потому что уже знали, где они находятся и что с ними, и, вероятно, собирались с ними вновь объединиться.

Свой участок и сруб Рома продал мне за сто тысяч рублей (специально приезжал ко мне в Москву), что было вполне близко к рыночной цене. Мне он, собственно, был не нужен, но, во-первых, я была уверена, что практически построенный дом для рабочих охотно выкупит Моркунов через некоторое время; во-вторых, я собиралась строить дом для Аленки и планировала поменять участок и сруб цыгана на строительство дома для Аленки. В-третьих, я, честно говоря, была рада, что избавляюсь от этого соседства и цыгане уедут. А в-четвертых, я не хотела, чтобы эта странная семья уезжала из Булавино нищими и озлобленными. Еще со злости подпалят мне самой дом или все окна разобьют.

И вообще, мне всегда было жалко Надежду.

Поэтому я заставила цыгана написать доверенность на

продажу участка и сруба на имя адвоката из Д., с которым я была уже знакома. Он также написал расписку о получении денег, и в присутствии двух свидетелей я отсчитала ему сто тысяч. Выяснилось, что бедняга почти не умел писать. Он спрашивал меня, как пишется буква «ю», некоторые буквы писал вверх ногами. Текст, разумеется, я ему диктовала сама. Когда надо было переписать паспортные данные из его паспорта, он не мог найти, где номер, а где серия.

Ближайший дом на фото – это тот, что построил из оцилиндрованного бревна один из клиентов Моркунова. Сзади – дом для рабочих, построенный из бывшего Роминого сруба.

Так или иначе, цыгане уехали из Булавино довольными, по цыганским понятиям богатыми людьми. Надеюсь, что они живы-здоровы до сих пор; я о них больше не слышала.

«Цыганский домик» мы тут же снесли, через некоторое время состоялся обмен с Моркуновым: цыганская недвижимость пошла в уплату за строительство Аленкиного дома.

Моркунов достроил до конца сруб на бывшем Ромином участке и стал пользоваться им для поселения новых своих рабочих. Часть участка он продал одному из своих клиентов-туристов, и тот построил на нем отличный дом из оцилиндрованного бревна.

Однако эти странные люди возились-возились с домом, очень хорошо его сделали, но жить в нем не стали, а решили эмигрировать в Новую Зеландию.

Так ни разу и не приезжали в отпуск, хотя весной они на один-два дня появляются, но в доме не живут, а живут у Моркунова в гостинице. Теперь они предлагают Моркунову купить этот дом обратно для своих «гостиничных» целей, но пока не сошлись с ним в цене.

О доярках и пастухах, о строительной бригаде

Вообще, из-за того, что моркуновской ферме постоянно требуются рабочие, в нашей деревне перебывало очень много удивительных и в своем роде замечательных людей. Как правило, те, кто нанимаются на ферму, относятся к категории «перекати-поле» – это особый сорт людей, который, как видно, в нашей стране не переведется никогда – без имущества, без семьи (хорошо, если при документах), с чрезвычайно легкомысленным отношением к своему будущему и с неудержимым стремлением время от времени менять место работы и жизни. Они работают по два-три года, иногда по пять-шесть лет, а потом вдруг ссорятся со своими нанимателями (хотя до этого вроде бы мирно уживались) и в одночасье исчезают. Причем уезжают совершенно в никуда, не имея ни жилья, ни другого места работы, ни каких-то особенных накоплений, которые бы позволили пережить тяжелый период и начать все сначала на новом месте. Будет день – будет пища. Птицы небесные ни сеют, ни жнут, а Господь их питает. Бог не выдаст, свинья не съест. Где наша не пропадала. Список пословиц, иллюстрирующих эту психологию, бесконечен.

Они и появляются в нашей деревне очень часто таким же удивительным образом – «из ниоткуда и без ничего».

Например, вот два запомнившихся мне удивительных случая.

Первый произошел несколько лет назад, и я уже не помню, как звали главного героя. Однажды из лесу вышел парень в клетчатой рубашке (дело было летом), зашел на ферму и спросил, нет ли работы? Работа летом всегда есть, тем более тогда в деревне был самый пик строительства домов и людей не хватало. Парню предложили поработать на стройке, но сказали, что жилья, вообще говоря, предоставить не могут, особенно на зиму (у Моркунова есть общежитие для рабочих в бревенчатом доме, но там больше трех-четырех человек никак зимовать не могут, и в тот момент уже все это жилье было распределено). Он к этому отнесся с философским равнодушием и спросил: «А в недостроенной бане пока можно ночевать?» Даша сказала, что да, можно, и поинтересовалась:

– А где твои вещи?

– А у меня нет вещей, – был ответ.

– Как, совсем?

– Совсем. Вот только то, что на мне.

Даша уже немного привыкла к фатализму своих сотрудников,

но все-таки это было слишком.

– Что, и телогрейки какой-нибудь нет, и шапки, и плаща? И даже сапог?

– Нет, совсем ничего, – говорит. – Ну, когда будет холодно – дадите чего-нибудь.

– А как же ты будешь в бане спать – там ведь нет ни кровати, ни даже лавок?

– А ничего, я на полу посплю, я привычный.

Действительно, он остался работать. Даша вечером из любопытства заглянула в недостроенную баню. Фаталист спал на голом полу в той же самой клетчатой рубашке, подложив под голову кулак. Он доработал до осени и исчез так же внезапно, как появился.

Потом еще работал один парень, пришедший к нам из монастыря. Он довольно долго до этого жил в Иском монастыре то ли послушником, то ли вольнонаемным и делал там всякую работу. По его словам, там было очень хорошо, и что заставило его покинуть монастырь – неясно. Видимо, это просто такая категория бродяг – людей, которые решительно не могут долго жить на одном месте. Наше общество прямо-таки генерирует из себя этих необычных индивидуумов, и они перемещаются по стране, работая то тут, то там пару лет, не накапливая никакого имущества и никаких привязанностей, которые заставили бы их осесть, и потом, влекомые таинственным инстинктом, внезапно снимаются с места и двигаются дальше.

Не исключено, что огромную территорию нашей страны русский народ освоил и кое-как заселил в том числе благодаря таким «перелетным птицам». Например, этот наш «монах» был родом из Алтайского края, у него там жила мама, и он даже иногда ей звонил. Он шел оттуда в Н-скую губернию фактически пешком в течение многих лет, нанимаясь на работу то в одном городе, то в другом, и нигде подолгу не задерживаясь. У нас он поработал, кажется, полгода, а потом исчез.

Еще один случай был совсем недавно, когда в деревне был нужен тракторист на постоянную работу. Моркунов активно искал людей, и об этом было известно по всей округе. И вот однажды ему с того берега сообщили, что появился кандидат в трактористы и сидит на берегу, его ждет. Моркунов отправился на переговоры. Видит, действительно на берегу сидит мужик средних лет с велосипедом. Начинается беседа.

– Ты откуда?

– Из Ставропольского края.

– Как зовут?

– Андрей.

– А ты на тракторе-то работал раньше?

– А как же, я тракторист с десятилетним стажем. Работал там-то и там-то на таких-то и таких-то тракторах, косилках и тому подобном (был перечислен ряд сельскохозяйственных агрегатов).

– А чего же ты уехал из своего Ставропольского края?

– А я с женой поссорился, надоела она мне, сел на велосипед и уехал. Ехал, ехал, доехал досюда. Здесь мне места понравились, и я стал спрашивать, не ищут ли где-нибудь тракториста.

– И что, ты готов здесь поселиться?

– А почему нет, если по-честному платить будешь.

Моркунов перевез путешественника на наш берег и дал ему на пробу починить старый трактор. Глядь – починил. Дал еще какое-то задание. Вроде справляется.

И остался тракторист Андрюха в нашей деревне почти на год. Однако через полгода стал что-то нервничать и «приступил» к Моркунову с заявлением, что не может жить без женщины и хочет жениться. Что уже нашел «очень хорошую бабу» сорока лет по смс-службе знакомств, и баба эта согласна работать дояркой. И что надо за ней ехать и забирать ее сюда. Доярка была нужна, и Моркунов согласился.

Поехали – действительно, в какой-то деревне на дороге их ждала женщина с сумкой. Это и оказалась невеста тракториста и потенциальная доярка. Привезли ее в Булавино. Некоторое время они действительно пожили вместе, но потом тракторист сообщил, что она ему надоела и не варит суп и что он уже нашел новую жену в Н. – тоже по смс-переписке. И уехал. А доярка пока осталась и работает.

Вообще, доярки у нас побывали самые разные и удивительные. Одна была по имени Майя, бывшая зэчка, но очень чистоплотная. Она появилась сразу же после исчезновения «цыган» и до блеска отчистила весьма загаженную ими молочную кухню. Работала довольно долго и хороню, и все были довольны, пока не выяснилось, что она страдает очень распространенным недостатком – алкоголизмом. В какой-то момент она сорвалась и две недели лежала «в отключке», неподвижная, как бревно.

Моркуновская ферма – большой хлев для скота, на переднем плане – треугольная «молочная кухня», сзади с синей крышей – сарай для сена.

Коровы ревели недоенные, все сбились с ног, пытаясь одновременно привести доярку в чувство и хоть как-то подоить несчастное стадо, но все напрасно. Пришлось уволить. Методы обнаружения новых доярок самые разные – от объявления в местной прессе до поиска через знакомых в родной для Моркунова О-ской губернии.

Надо учесть, что в Н-ской области очень плохо с работой, почти все колхозы-совхозы развалились. Но при этом найти хорошую доярку очень трудно. После Майи была одна несчастная женщина, появившаяся по объявлению, по имени Вера. Она отличалась какой-то уж совсем невозможной тупостью. Она не понимала, что ей говорят, даже на уровне «поставь сюда лопату». Прочитать надпись на бидоне «утро» или «вечер» (в один бидон полагается наливать молоко с утренней дойки, а в другой – с вечерней) она не могла, говорила: «Буквы какие-то непонятные». Другие работники фермы от нее просто выли, никогда невозможно было понять: она хоть слово осознала из того, что ты ей сказал, или нет? В конце концов по настоятельному требованию всей деревни Моркунов отвез ее туда, откуда взял, – к винному магазину в городе В. Она отнеслась к этому с тупым равнодушием. Там ее с ухмылками встретили старые знакомые-алкоголики: «Что, Верка, тебя опять выгнали?» Она, не отвечая, пошла и села рядом с ними. Вероятно, бедная Вера была слабоумной жертвой какого-нибудь алкогольного зачатия.

Наша деревенская гордость – два трактора. Есть еще даже почти починенный экскаватор.

После серии не прошедших испытаний алкоголичек Моркунов однажды нашел нечто невероятное – непьющую доярку, вдобавок молодую! Она была с торжеством привезена в Булавино и помещена в изолированную комнату в общежитии. Но недолгой была радость. Оказалось, что в этой женщине крылась еще большая опасность, чем в несчастных алкоголичках. Она была, как выражаются в деревне, «здорова по мужикам», и это оказалось в тысячу раз хуже. Она, по-видимому, заигрывала со всем мужским населением фермы и ловко стравливала их между собой. Надо полагать, ей это доставляло удовольствие.

В нашей мирной деревне началось нечто невиданное. Сначала кровавые драки, потом и вовсе поножовщина. Один из пастухов, совершенно милейший в обычной жизни человек по имени Гриша, выломал дверь в ее комнату и перебил ей руку дубинкой, хотел и вовсе убить, но она как-то вывернулась, сбежала и два дня пряталась от озверевшего Гриши на чердаке. Потом Григория отлупил его родной брат Степан, мужик двухметрового роста и весом в сто тридцать килограммов, – так, что Гриша еле жив остался и ударился в запой.

Короче, девушку пришлось погрузить на лодку, перевести на тот берег и сказать: иди, мол, с Богом на все четыре стороны!

После нее была некая Лена, жившая семейной парой с этим

самым Гришей, почти непьющая, достаточно толковая, но вороватая. Она смогла организовать систематическое хищение с фермы половины молочной продукции (творога, сметаны и масла) и продажу его из-под полы нашим деревенским бабкам. Бабки отлично знали, что покупают ворованное, – после увольнения и отъезда Лены и Григория они с удовольствием пришли к Даше и настучали на ее бывших работников: «А ты знаешь, они нам все время говорили – не берите творог у Даши, берите у нас за полцены!» При этом бабки почему-то совсем не считали себя виноватыми в скупке краденого. Кроме того, удивительно, что они все как одна сочли свой донос на бывших сообщников совершенно нормальным и даже благородным делом.

Интересно, что все наши деревенские работники фермы всегда готовы взяться за любую подработку («халтуру», как они ее называют), но практически никогда ее не выполняют.

Они всегда с удовольствием соглашаются, например, поколоть дрова или прополоть сад, оговаривают цену, говорят, что да, деньги очень нужны, но за последние пятнадцать лет не было ни одного случая, чтобы они выполнили свое обещание, если им ежедневно не напоминать. Особенно безнадежно с ними договариваться о какой-то работе на время своего отсутствия в деревне – стопроцентная вероятность, что ничего сделано не будет. Во-первых, они, как правило, совершенно не могут работать не из-под палки. Просто забывают, как будто бы не хватает «оперативной памяти». Или откладывают со дня на день – сегодня жарко, завтра дождливо, послезавтра неохота, а там и вовсе зима наступила. Так и говорят: «Я хотела прополоть, а потом подумала: все равно снова вырастет или скоро зима наступит – чего там еще полоть!»

Кроме того, у них совсем другое чувство времени, чем у горожан. Они решительно отказываются понимать, почему такую-то работу надо сделать именно к пятнадцатому числу или, скажем, к шести вечера. При этом, вероятно, из деликатности, они никогда не возражают, если слышат такое глупое условие. А может быть, просто пропускают его мимо ушей. Почему, собственно, к пятнадцатому? Что за спешка? А если к двадцать пятому – что, кто-нибудь умрет? Или, скажем, к пятнадцатому числу будущего месяца? А если вообще на следующий год сделаем – ну не сложилось в этом году: то одно, то другое…

Кроме того, однократная беседа, даже со всеми деталями, с согласованием цены за работу и сроков, вероятно, часто не считается заключенной сделкой, которая к чему-то обязывает. Подсознательно они хотят иметь неоднократные обсуждения предстоящей работы с заказчиком, желательно многолетние.

Только тогда намерение заказчика признается серьезным. «Он меня давно уже просит сделать то-то и то-то, наверное, действительно придется делать». А скоропалительные договоренности – «Давай, мол, до моего приезда скоси эту лужайку, я приеду – заплачу» – всерьез не принимаются, даже если вам отвечают: «Да, хорошо». В лучшем случае, если вы имеете дело с очень надежным и обязательным человеком, через некоторое время у вас зазвонит телефон: «Так что, лужайку и правда косить, что ли, надо?» – «Ну ясное дело надо, мы же договорились, я уже завтра приехать собирался!» – «Ну, смотри, тогда я и правда косить буду!» Это исполнитель получает подтверждение заказа, а вдруг вы просто так языком болтали, когда размещали заказ?

Я думаю, что это явление тесно связано с другим очень распространенным в России явлением, а именно «маниловщиной». Видимо, очень многие потенциальные заказчики во все времена страдали и страдают этой самой маниловщиной, то есть ведут разговоры о предполагаемых переделках и усовершенствовании в своем хозяйстве, вовсе не имея реального намерения их выполнять. А когда дело доходит до практической реализации, оказывается, что или денег нет, или заказчик передумал, или вообще шутил, а не говорил серьезно («да я просто так сказал, а ты и вправду…»). Наверное, выясняется, что у многих заказчиков такая же короткая «оперативная память», как и у исполнителей, и они просто забывают о прошлогодних своих планах с легкостью необыкновенной.

Поэтому многовековая практика приучила российский люд, что действительно серьезное задание должно быть обсуждено и повторено многократно. Плюс обычная лень, свойственная всем нам, грешным. На выходе мы и получаем соответствующий психологический эффект. Явление это настолько повсеместно, что существует даже известная армейская поговорка: «Получив приказ, два раза перекури, прежде чем делать. А вдруг придет отмена?»

История о навозе и индюшке

Очень показательна одна история, которая полностью демонстрирует отношение наших деревенских жителей к скоропалительным договоренностям, к соблюдению сроков и вообще к течению времени.

Однажды мы приехали в деревню на майские праздники. Приезжаем мы в это время всегда с одной целью – подготовить дома и сад к летнему сезону. С первого по десятое мая нужно было перемыть и перечистить все, подключить снятый на зиму водопровод, прополоть и удобрить сад, а в те времена моя мама держала еще и небольшой огород вплоть до делянки картошки. Так что все десять дней семья вкалывает без сна и отдыха, каждый разрывается между множеством дел, а к вечеру все падают с ног без сил.

В тот раз одной из моих забот было с самого начала договориться с фермой, чтобы нам подвезли на огород небольшую порцию навоза для удобрения, поскольку в прошлом сезоне я почему-то не успела решить эту проблему. Зная, что договариваться надо заблаговременно, я отправилась на ферму буквально через час после приезда. Моркунов на мою просьбу сказал, что, конечно, привезем, какой разговор, даже выяснил, какой именно навоз нужен (конский прошлогодний, одна телега – тысяча рублей), и отправил меня с этой проблемой к некоему Олегу, который тогда управлял «животноводческим комплексом», был человеком милым, интеллигентным, даже в очках и с высшим образованием (ветеринар, кажется).

Весеннее цветение ивы. Майские праздники.

Олег принял меня с распростертыми объятьями, мы обсудили деревенские новости и мировую политику, потом я ему рассказала со всеми подробностями о навозе и о беседе с владельцем фермы, и он тоже кивал головой и говорил: «Ну, ясное дело, привезу, какой разговор!» Я объяснила со всеми деталями, что приехали мы только до десятого числа и что мне надо еще этот навоз успеть раскидать по саду и огороду, поэтому надо обязательно привезти его не позже, скажем, пятого числа, а то мы не успеем.

Олег все прекрасно понял, он вообще был не дурак. Он вместе со мной поохал, что огород и сад у нас большой и за пять дней такую площадь обработать полностью и все посадить трудно. Что некоторые культуры вообще сажать рановато, так как земля не прогрелась, обидно, что у горожан-дачников всегда на майские праздники такой спрессованный график и все такое прочее. В конце концов я ушла в совершенном убеждении, что он все понимает, сочувствует и что навоз привезет не позднее пятого мая.

День идет за днем в этой майской круговерти, и наконец я обнаруживаю, что уже наступил вечер шестого числа, а навоза как не было, так и нет. Мама уже начинает ворчать: «Где твой обещанный навоз? Не можешь договориться – так бери ведро и иди, собирай по деревне…» Я бросилась на ферму. Вижу – Олег сидит на крылечке, нежась в лучах вечернего солнышка.

– Олег, где навоз-то обещанный, шестое число уже?!

– А, привет-привет! Будет навоз, будет, привезу. Как только индюшка высидит индюшат.

Я так и села от неожиданности:

– Какая индюшка, – говорю, – при чем тут индюшка, Олег, ты что, издеваешься?

– Ну как при чем? Все дело в индюшке. Она у меня сидит на яйцах, и уже слышно, как индюшата пищат. Должны вот-вот вылупиться. Я думал, что третьего дня вылупятся, а они все никак!

– Ну и что, почему ты навоз-то не везешь? Что мне твои индюшата?

– Ну как же! Я не могу от нее отойти. Я должен сидеть и ждать, пока они вылупятся, потому что индюшка – дура и может на них наступить. Я должен сразу схватить и вытащить индюшонка и положить его в отдельную коробку.

Тут я начала понимать, что препятствие, возникшее передо мной, очень серьезное и просто наскоком его не возьмешь. Действительно, как быть с индюшатами?

Подумав немного, я решила атаковать с фланга:

– Олег, а кто-нибудь другой не может посидеть с индюшкой часок, пока ты мне навоз привезешь?

– Нет, ты что! Никто не может. Индюшка шипит, и они все ее боятся…

Вот так вот, понятно? Когда индюшата вылупятся, тогда и привезу!

Весна, весна! Как воздух чист, как ясен небосклон!

Это не со зла совсем такой подход, просто деревня живет в ритме природы. Природа же не делает ничего «к пятому или десятому числу». И деревенские жители привыкли следовать ее ритму: «когда земля прогреется», «когда пройдут дожди», «когда вылупятся индюшата». И городской человек со своими короткими отпусками с первого по десятое никак не укладывается в этот ритм, и синхронизировать его мировосприятие с деревенской неторопливостью действительно очень трудно.

Кстати, Олег навоз действительно привез на следующий день к вечеру. Индюшата, слава Богу, вылупились-таки.

Можно спросить: а что же он врал, что привезет к пятому? Он что, обманщик? Нет, он просто, во-первых, действительно привык считать, что на два-три дня опоздать – это вообще не значит опоздать, во-вторых, просто не смотрел на календарь и не знал, какое точно число на дворе, и в-третьих – кто же знал, что индюшата так долго не будут вылупляться?

Наши деревенские люди вообще очень честные. Чем дальше от Москвы, тем порядочнее люди, как правило. Дома мы запираем, только когда уезжаем совсем надолго. А, например, если идем в лес гулять, просто вставляем в проушины для замка палочку в знак того, что хозяев нет дома. На озере оставляем дорогие моторы на лодках, и, тьфу-тьфу-тьфу, их воруют очень редко. В нашей деревне был только один случай: в самую «перестройку», когда было очень плохо у людей с деньгами, угнали сразу несколько лодок с моторами. Была пара случаев, когда работяги с похмелья утаскивали пару бутылок водки у соседа, и как-то раз кто-то срезал замок с чужой «бензиновой будки» и отлил из канистры бензин – видно, для лодочного мотора.

Правда, на том берегу (в Задольском и Подорожье) лодки с моторами воруют довольно часто и однажды ограбили сарай, где у некоего Сан Саныча, пожилого и уважаемого человека, хранилось сразу несколько чужих моторов. Люди с другого берега оставляли у него моторы осенью, перед отъездом в Москву, чтобы не тащить их с собой, на хранение до следующего лета. Так вот, у бедняги отравили собаку и ночью, подогнав грузовик, увезли все до одного моторы. Бедный Сан Саныч от горя, что не оправдал доверия, даже серьезно заболел, хотя ни один владелец мотора не только не предъявил к нему претензий, но даже словом не упрекнул за случившееся.

Кроме того, иногда грабят дачи в пустых деревнях, где зимой не остается ни одного постоянного жителя. Таких деревень у нас много – Арапиха, Солнышкино. Как я уже упоминала, там бывают

зимой случаи, что просто подъезжают на снегоходах, вскрывают дом, вывозят все, включая мебель, и перебрасывают на другой берег, где на шоссе ждет грузовик.

Вот он, главный местный транспорт и главная здешняя ценность – лодка с мотором! «Дачники» перед отъездом в Москву.

Но это орудуют не наши деревенские, это разлагающее влияние городов. В прошлом году одну такую банду поймали и судили – люди были из райцентра, из Д.

Интересно, что в прошлом, до войны и до революции, когда деревни были очень густонаселенными, наше Булавино считалось главным очагом воровства на озере. Даже сейчас, если на озере пропадает поставленная на ночь рыбацкая сеть, то все уверены, что это дело рук жителей нашей деревни.

А первенство по буйству и дракам с давних пор принадлежит Росинушкам. Они во всякий праздник всегда высылали в соседние деревни специальные группы драчунов. У нас показывают до сих пор в середине деревни место, где перед войной в такой драке зарезали пятнадцатилетнего парнишку в праздник. Просто так, в глупой драке, за здорово живешь. При этом Гаврила, сын деда Прошки, который рассказывает эту историю, всегда добавляет, что, хотя самые «лихие» ребята якобы жили в Росинушках и у нас, из обеих деревень ни один человек в войну ордена не получил. А из других деревень получали, и это нам в укор.

Отдельного рассказа заслуживает наша деревенская строительная бригада. Возглавлял ее постоянно до последнего времени очень замечательный человек по имени дядя Вова, или Владимир Иванович. До перестройки он был инженером на машиностроительном заводе, но из-за перестройки завод закрылся, и пришлось переквалифицироваться. Человек он умный, талантливый, с творческой жилкой, и он освоил профессию архитектора-прораба деревенских домов и дач. Причем ему по плечу весьма незаурядные строения, сильно отличающиеся от обычных бревенчатых домиков.

Привез его в нашу деревню один из дачников по имени Петр Сергеич (о нем рассказ впереди), и дядя Вова несколько лет строил для него дом – один из самых красивых домов в нашей деревне (хотя, как утверждают многие, с неудачной планировкой). Но потом они разругались вдрызг, и дядя Вова перешел на работу к Моркунову, который взялся обеспечивать его заказами и помощниками вплоть до полной строительной бригады. Дядя Вова всегда от своих алкоголиков-рабочих держится особняком, не пьет с ними, по вечерам играет в шахматы, и живет не в рабочем общежитии, а в передней комнате у Даши на положении почти члена семьи. Зарабатывал он всегда очень прилично, например, в те времена, когда цыган-тракторист получал в месяц пять-шесть тысяч рублей, ставка дяди Вовы была пятнадцать тысяч, вне зависимости от того, есть заказы или нет. Но услуги дяди Вовы этих денег очень и очень стоили.

Он единственный на сто километров в округе мог сообразить, как делать состыковку нескольких крыш разных строений под совершенно невероятными углами таким образом, чтобы на стыках никогда не текло. Его строения никогда не заваливались, какой бы этажности и невообразимой конструкции они ни были, выглядели всегда как на картинке, держали тепло и были удобны для жизни.

Например, он сделал у нас в доме четырехскатную, довольно сложную крышу, очень красивую с виду. Когда сосед (Гаврила, сын деда Прошки) захотел повторить то же самое, его крыша под тяжестью толстого мокрого снега рухнула в первую же зиму, и он еще два раза ее переделывал, а у нас как стояла, так и стоит.

Всего дядя Вова построил или перестроил в нашей деревне более десяти зданий (сейчас пересчитаю: наш дом, Аленкин дом, большой дом Сергеича и маленький домик для его сына, часовню, дом Артема, дом Моркунова, гостиницу, рабочее общежитие, огромный, состоящий из нескольких зданий, скотный двор, дом из оцилиндрованного бревна на «цыганском» участке, еще пару домов для дачников).

По-моему, пора ставить ему памятник при жизни в нашей деревне – во многом именно его усилиями она превратилась в «самое быстроразвивающееся сельское поселение Н-ской области», как выразился вице-губернатор.

Дядя Вова жив-здоров по сей день, но сократил свою строительную деятельность в Булавино, хотя до сих пор есть заказы и его каждое лето зовут приехать в нашу деревню поработать. Несколько лет назад дяде Вове во время очередной стройки отрубило палец электрическим рубанком (устал в конце дня и потерял бдительность). Потом стало побаливать сердце, и он долго ездил по санаториям. А потом якобы завел себе даму сердца в Питере и теперь предпочитает что-то делать и переделывать у нее на даче. Очень может быть, потому что, несмотря на возраст (ему за шестьдесят), он очень даже неплохо выглядит, ведет себя весьма солидно и интеллигентно – любой даме перед ним нелегко устоять.

Дом Петра Сергеича (большой, рядом есть еще маленький домик с отдельным участком, записанный на его сына).

Печники – это отдельная каста среди строителей со своими причудами и «заскоками». Сейчас появляется все больше индивидуальных домов по всей стране, в моде камины и на печников большой спрос, поэтому цены за свои услуги они заламывают приличные, позволяя себе капризничать, как никакие другие строительные специалисты.

Первым в нашей деревне строил новый дом упомянутый

выше Петр Сергеевич, и он первым столкнулся с чудачествами печников.

Он привез печника откуда-то из Питера с заданием: сложить в доме камин и печку. Кирпич был завезен заранее (целая проблема в наших условиях), залежи глины находятся в двух шагах от деревни. Печник назвал срок и цену, словом, все было готово к работе. И тут Сергеич, несмотря на свою опытность, допустил роковую ошибку.

В первый день по приезде он дал печнику возможность отдохнуть от дороги, покупаться и половить рыбу. И печника как подменили.

День проходит, другой проходит, а печник за работу не берется и не берется. То сидит с удочкой, то спит в холодке, то в деревне с мужиками лясы точит. Сергеич раз напомнил, два напомнил, на третий раз начал ругаться. Тот отругивается, потом и вовсе куда-то ушел – ну никак работать не начинает. Сергеич его отыскал и попробовал заново по-хорошему: «Ты скажи мне, брат, чего тебе для работы не хватает? Может, водки? Так я съезжу в магазин, привезу, ты только начинай работать, дорогой!» – «Нет, – отвечает печник. – Водки мне не надо. А работать я никак не могу. У меня куражу для работы нет!»

Сергеич обалдел: «Чего тебе не хватает, повтори!» Тот отвечает снова: «Куражу не хватает, без него не могу!»

Прошло ни много ни мало две недели. Печник не работает, ругается и хочет уехать. Просит переправить его на тот берег. Сергеич не везет, потому что печника нового трудно найти, да и где гарантия, что не случится то же самое, сил уже потрачено столько, что лучше бы заставить его все-таки сложить печку. Печник стал ходить по соседям, просить о перевозе на «тот берег». Сергеич бегает за ним и всех упрашивает, чтобы не соглашались. Печник угрожает: «Не повезешь – пешком уйду через лес!» – но все-таки не уходит, пока лень топать шесть километров по грязи до Криново.

Сергеич чует – дело плохо. Бросился на ту сторону озера, на почту – звонить сыну в Питер, чтобы ехал помогать. Тот приехал. Сын у него здоровенный малый, из какого-то элитного военного подразделения (Сергеич и сам бывший военный, полковник в отставке). Итак, приехал сын и видит: отец и печник ругаются между собой на чем свет стоит, работа и не начиналась.

Вот оно – чистое поле, устрашившее печника.

Надо сказать, что сын проблему решил вмиг. Он взял печника за руку, вывел за околицу и показал на расстилающееся перед ними поле.

– Видишь поле? – спросил.

– Ну, вижу.

– Вот тут я тебя и закопаю.

– Чего-чего?

– Закопаю, говорю, в чистом поле! Ну что, есть теперь кураж для работы?

– Теперь есть! – отвечает печник.

Печка и камин были сложены в рекордные сроки, и с печником удалось расстаться. Кажется, его все-таки не закопали, а перевезли на ту сторону.

Когда дело дошло до кладки печки и камина у нас в доме, мы обратились к Моркунову за советом, как быть с печником. Ту старую историю все помнили и очень не хотели попасть в подобную же ситуацию. Моркунов присоветовал и даже привез из О. какого-то своего знакомого, за которого ручался, что «уж таких-то фортелей он выкидывать не будет, хотя тоже человек непростой».

Печник осмотрел место работы и назвал немаленькую цену (торговаться было нельзя), сообщил, сколько кирпича потребуется и когда у него есть время заняться нашей проблемой (через месяц), и уехал до этого момента в О., где у него были какие-то

другие заказы. Нам велел к указанному сроку доставить на берег кирпич.

С доставкой кирпича, ясное дело, у нас была большая проблема. Кирпича надо было три тысячи штук, то есть очень много (глубокий подвал требовал основательного фундамента, высокий второй этаж – длинных дымовых труб). На лодке не перевезешь. Моркунов предложил тащить через лес, по Криновской дороге, на своих тракторах. На заводе в Лесовичах кирпич продавался по четыре рубля штука, но они готовы были его довезти, естественно, только до Криново и отказывались разгружать без подъемного крана. Грузчики запросили за ручную разгрузку и погрузку на тракторную телегу по два рубля за кирпич плюс столько же за выгрузку в Булавино. Цена тем самым удвоилась. Однако криновские жители не захотели пропускать по своей дороге тяжело груженые тракторные телеги без денег, так как телеги, по их утверждению, портили им дороги. Наверное, действительно портили. Пришлось платить по пятьсот рублей с телеги «на ремонт дорог». Телег было, кажется, перевезено шесть штук.

Шестая телега получилась перегруженной, фактически с двойной порцией кирпичей, и намертво засела в болоте посреди леса. Трактор тоже утонул, так что его даже не удалось отцепить и вытащить. Пришлось бросить его в лесу и начинать чинить второй трактор, который стоял тогда сломанный.

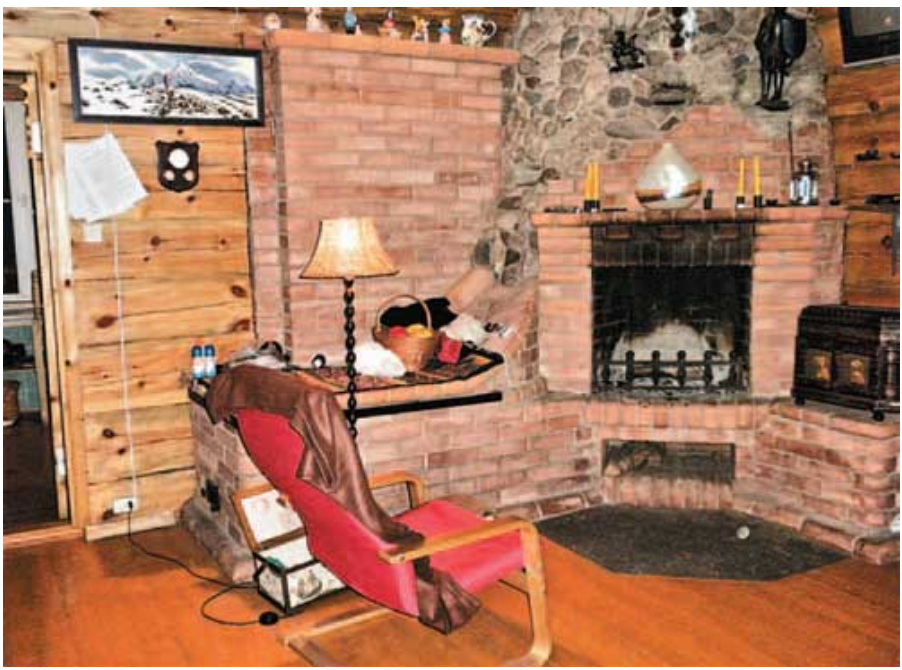
Тем временем уже прошел условленный месяц, и печник снова приехал в деревню. Узнав про ситуацию с кирпичом, он предложил начинать работать с тем что есть на месте в надежде, что пока он будет возиться, мы как-нибудь вытащим и доставим в деревню нашу последнюю застрявшую телегу.

Я стала объяснять ему, какие я хочу печки. Он со второй фразы меня перебил, сказал, что он уже понял, как и что делать, и пусть я лучше не лезу, а то он обидится и уедет. Я уже знала, что от печников можно ждать всякого, и сочла за лучшее не спорить. Единственное, о чем удалось заранее договориться, это о количестве отопительных устройств – печку на кухню с плитой для готовки и духовкой, камин в гостиную и простую печку в спальню.

Надо сказать, что теперь я понимаю, что правильно сделала, положившись на него. Печник действительно был мастером своего дела, у него разыгралась фантазия, и получилась не тривиальная пара «печка-камин», а настоящее произведение искусства, подобного которому я не видела нигде – ни в России, ни за границей, ни в старинных дворцах, ни в современных шикарных виллах.

Печку на кухне он через проем в стене объединил в одно целое с камином, встроив между ними широкую лежанку, как делают в русских печах, только пониже, высотой около метра. Когда топится кухонная печка, то можно пустить дым в эту лежанку, и она нагревается до очень приятной температуры, чтобы можно было «прогреть свой радикулит», как он выразился. Камин расположен в углу и стилизован под круглую башню замка с частью крепостной стены, а топка с каминной решеткой – это своеобразные ворота в башне. Когда печник дошел до середины высоты башни, кончился кирпич, а последняя телега так и стояла в лесу не вытащенная. Но он не растерялся, а сказал, что это даже хорошо, сейчас получится даже еще художественнее.

Он пустил в дело накопанный на поле «дикий» камень.



Камин в нашем доме.

И верхняя часть башни приобрела совершенно фантастический средневеково-романтический вид – с какими-то углублениями, нишами, имитацией частичных разрушений от времени. Позже я купила и поставила в эти углубления металлические фигурки рыцарей – защитников замка. А наверху «крепостной стены» у меня расставлены веселые глиняные дымковские игрушки – это горожане, вышедшие посмотреть с безопасной высоты на осаждающих замок врагов.

Тут, наконец, удалось притащить застрявшие кирпичи. Для

этого пришлось их сначала разгрузить на землю с переносом на сто метров, чтобы не утонули в болоте, потом вторым трактором вытащить первый, потом двумя тракторами вытащить телегу, потом по частям грузить на нее кирпичи и перевозить в деревню несколькими рейсами.

Когда в печи горят дрова и вьюга за окном…

И печки были достроены, нам на радость. Во что нам обошелся кирпич с учетом транспортировки и всех разгрузок-погрузок – просто страшно сказать. Вместо стартовой цены в четыре рубля за штуку он оказался по шестнадцать рублей – подорожал в четыре раза. Вот что такое недоступная деревня.

Но мы не жалеем ни капельки – очень уж красивые печки получились! Правда, теперь мы уже изобрели более удобный путь доставки тяжелых грузов: надо их везти в морозную зиму по льду озера на тракторе. Проблема с погрузкой-разгрузкой остается, но при такой перевозке хотя бы не будет проблем с вытаскиванием телег из болота!

Об индюках, курах, утках и гусях, собаках, кошках, а также о лошадях

Домашние животные в нашей деревне – очень важные и полноправные жители, с ними связано множество всяких историй. Как ясно из рассказа об индюшке, они иногда оказывают существенное влияние на жизнь деревни. С индюков и начнем.

До недавних пор в нашей деревне индюков не держали. Известная индюшка и ее семья были первым экспериментом Моркунова. Оказалось, что индюки очень интересные птицы, гораздо интереснее обычных кур. Та индюшка действительно была дурой и о потомстве совершенно не заботилась. Все бремя ответственности за семью принял на себя папа-индюк, который был очень умным и заботливым и вызывал у деревенских жителей большое уважение. Он охранял, кормил и собирал в кучку своих детей, не подпуская к ним разгильдяйку-мамашу. Он установил для детей расписание, когда кормиться, когда гулять, когда спать в тенечке или на солнышке, и пунктуально его соблюдал. Пока он был жив, не пропал и не заболел ни один индюшонок.

Несчастный погиб из-за лисы. Лисы и хорьки вообще регулярно навещают моркуновский птичий двор, потому что лес подступает к нему очень близко – прямо за забором из жердочек. И однажды лиса утащила именно папу-индюка.

После этого индюшиная семья была обречена. Бестолковая индюшка совершенно не могла управлять своим семейством, индюшата разбредались по кустам, куда попало, и каждый день кого-нибудь из них съедали. Когда закончились индюшата, лисы утащили и мамашу. Так бесславно закончился эксперимент с индюками.

Что касается кур, то они гораздо более живучие, хоть и с «куриными» мозгами. Во всяком случае, в деревне постоянно живет две-три семьи кур с роскошными петухами во главе. Их тоже таскают лисы и «орлы» (так в деревне называют ястребов).

Ястребов у нас два, они регулярно сидят на больших деревьях или летают над деревней и поджидают зазевавшуюся курицу.

Однажды в курятник зимой залез хорек и успел передушить чуть ли не половину кур, пока на шум не выскочили хозяева. Выяснилось, что хорек сделал подкоп под курятник. В подкопе был установлен капкан, и на следующий день с хорьком было покончено.

С курами связана еще одна история из деревенского прошлого. Раньше в деревне на берегу стояла церковь на горке у

Нининого дома и жил попик. Место на горке очень красивое, и, наверное, вид оттуда был замечательный. После революции попика арестовали и увезли. Деревенские не особо протестовали, даже наоборот, еще до того как его посадили в лодку, радостно бросились разбирать церковь на бревнышки – на курятники.

И тогда якобы поп крикнул им: «Раз так – у вас никогда в деревне куры нестись не будут!»

И проклятие исполнилось. Куры в деревне не неслись до тех пор, пока совсем не перевелись. Когда мы в семидесятые годы осваивались в деревне, ни одной курицы уже никто не держал – а чего их заводить, если известно заранее, что нестись не будут?

Ах, какие красавцы-петухи живут в нашей деревне!

Гуси-пенсионеры украшают собой пейзаж.

Однако после тридцатилетнего перерыва и появления в деревне фермы Моркуновы рискнули все-таки завести кур. Оказалось, что старинное проклятье больше не действует! Куры несутся и, несмотря на атаки лесных хищников, не вымирают, подобно индюкам, а наоборот, размножаются, и петухи будят по утрам деревню, как встарь, своим голосистым пением.

Гуси в деревне тоже есть, штук десять. Это любимцы Даши, их не разрешается забивать и есть. На язвительные вопросы работяг, для чего их тогда держать? – Даша с достоинством отвечает, что для украшения пейзажа и для того, чтобы они (гуси) вышли бы в конце жизни на заслуженную пенсию.

К этой причуде хозяйки все в конце концов привыкли и только, посмеиваясь, дразнят гусей «пенсионерами». Яиц гусиное стадо тоже почему-то не производит. Они как-то ухитряются нести их в воду озера, что ли, но только яиц никто не видит. Впрочем, в этом году одна гусыня в порядке исключения снесла и высидела два яйца, так что теперь по деревне ходят два новых потенциальных «пенсионера».

Эти гуси-пенсионеры каждую весну в сезон перелета птиц доставляют дополнительные хлопоты своим хозяевам, отправляясь в сезонную миграцию. Нет, далеко они не улетают, но в один прекрасный день начинают волноваться, хлопать крыльями, гоготать и, наконец, снявшись с места, как настоящие перелетные птицы, переплывают небольшой залив нашего озера и

мигрируют под обрывистый песчаный соседний берег, где впадает в озеро речушка Рогдайка.

Там, в русле Рогдайки, они забиваются в камыши и ждут, пока появится лодка, посланная Дашей на розыски. Кто-нибудь из рабочих фермы приплывает за ними, долго отлавливает их в камышах и торжественно возвращает в деревню, в меру своего остроумия комментируя при этом бессмысленное существование гусей в качестве «пенсионеров» вообще и их склонность к сезонным миграциям в частности.

Залив между деревней и рекой Рогдайкой, который каждую весну переплывают наши гуси, отправляясь в сезонную миграцию.

Интересно, что осенью гуси почему-то в путешествие на Рогдайку не отправляются.

А вот домашних уток в деревне нет. Вместо этого каждый год прилетает к ферме одна и та же пара диких крякв, которые каждый год выводят и выкармливают птенцов под неусыпной охраной Даши. Всем деревенским охотникам известно, что стрелять в уток у этого берега нельзя категорически, и никто не рискует нарушить этот запрет, хотя на других берегах в августе на вечерней зорьке ружейная пальба слышна вовсю.

Но «наши» утки отлично знают, что они в полной безопасности, и каждый год прилетают, снова и снова. Я

удивляюсь, почему их не становится больше? Ведь они каждый раз улетают с выводком птенцов. Как вид но, по какой-то причине к нам возвращается только родительская пара, а птенцы каждый раз летят в другие места.

Устье реки Рогдайки – романтическое место, заросшее камышом и кувшинками. Именно сюда плывут гуси весной. Осенью под этими березами бывает множество отличных белых грибов.

Деревенские кошки и собаки являются героями целой серии интересных историй.

Начнем с наших собственных кошек.

Я уже писала, как была найдена на острове маленькая серая кошечка по имени Котя. Она прожила у нас (вернее, у моей мамы Елены Викторовны) невероятно долго – девятнадцать лет, и под конец жизни стала невероятно мудрой. Например, она умела считать как минимум до семи. Нас тогда жило в квартире семь человек: мы с Сережей, двое наших старших детей, мои родители и мой брат. Когда вечером все приходили с работы, кошка нас пересчитывала, и если одного-двух не хватало, садилась перед входной дверью и ждала, чтобы пришли все семеро. Когда последний член семьи входил в квартиру, она тут же поднималась и шла в свое излюбленное место спать. Еще она умела по команде доставать лапкой с тумбочки специально положенный туда предмет и другими способами демонстрировала свой необычайный ум.

Кроме нее в нашем семействе долго жил белый кот булавинского происхождения, имевший несколько имен: Барсик, Снежок и другие. Он на них все равно не отзывался, а отзывался только на «кис-кис-кис».

К нам он попал так. Это был период, когда в нашей деревне не было ни одной коровы, так как деревенские старожилы поразъехались или умерли, а новая ферма еще не была организована. И чтобы добыть молоко для детей, приходилось ходить в соседнюю Арапиху – там еще была последняя корова.

Вот однажды, в конце августа, я увидела там, в Арапихе, необычайную по красоте картинку: два совершенно белых котенка играли на зеленой травке на краю ослепительно-голубого озера. Они подпрыгивали и вставали на задние лапки, чтобы поймать падавшие с березы и кружившиеся в воздухе первые желтые листочки.

Мое чувство прекрасного было так сильно задето, что я тут же попросила молочницу продать одного из котят, на что она сказала: «Бери так». И поведала мне, что это котята ее белой кошки, которую она все равно не пускает в дом за систематическое воровство продуктов прямо со стола, и что эти котята наверняка унаследовали пороки своей матери и тоже вырастут ворами, так что она их тоже в дом пускать не намерена. Вообще только рада будет, если я хоть одного заберу.

Моя дочка Аленка тогда была во втором классе и как раз должна была за лето выучить таблицу умножения. Дело продвигалось очень туго, особенно почему-то было тяжело запомнить, сколько будет шестью восемь. И вот когда я вернулась с молоком в Булавино, я сказала ей, что в следующий раз принесу для нее сюрприз, если она одолеет таблицу умножения на восемь. Действительно, когда проблемы с «шестью восемь» были позади, я снова пошла в Арапиху, захватив с собой пустую корзинку.

А это речка Рогдайка в лесу – узкий нешумный ручеек.

Вернулась я уже с котенком. Таким образом в нашем семействе появился Белый Кот.

Вором он вовсе не был, а был очень ласковым зверьком и ни разу в жизни никого из нас не царапнул, хотя часто поколачивал нашего щенка Капитана.

Когда он вырос, то превратился в первого красавца и силача в нашей деревне. Года два-три он удерживал призовое место, и все котята не только в Булавино, но и в соседнем Криново, были белыми. Это точно была заслуга именно нашего Барсика-Снежка, потому что житель нашей деревни Никанор несколько раз встречал его, идущего через лес в Криново или обратно (расстояние шесть километров, между прочим!). Это свое первенство он отстаивал в кровопролитных и очень шумных боях с другими котами, которые происходили обычно по ночам около нашего дома или в сарае наших соседей.

Сережа всегда очень нервничал, слыша шум таких сражений, и часто рвался поддержать нашего кота ружейным огнем из окна. Мне с большим трудом удавалось его убедить, что кот и сам прекрасно справится.

Кот действительно отлично справлялся несколько лет, а потом начал стареть, терять боевые качества. В деревне появился новый чемпион – здоровенный, чуть ли не с собаку размером, трехцветный кот Пушок, принадлежавший Нине и Никанору. После нескольких стычек стало ясно, что постаревший Белый Кот

против Пушка не тянет. Бои были тяжелые. Однажды соседские дети меня останавливают на улице и спрашивают: «А вы знаете, что у вашего Белого зуб сломан?» – «Нет, а вы-то откуда знаете?» – «А зуб вашего кота торчит в спинном хребте нашего Пушка!» Пушок стал все ближе и ближе продвигаться на нашу территорию, Белый оборонялся изо всех сил. Последние схватки проходили уже буквально у нас под крыльцом, нахальный Пушок даже дерзал залезать на наш чердак.

Однажды ночью визг, рычание и завывание под нашими окнами достигли такой силы, что не выдержала наша дочка Аленка, которой тогда было лет двенадцать, и, схватив палку, выбежала, чтобы задать проклятому Пушку жару. Однако шум вовсе не затих, а даже усилился. К ору котов присоединились вопли Аленки. Тут уже вскочил и выбежал на улицу Сережа, и к воплям сражающихся присоединился сначала его басистый рык, а потом какие-то ужасные удары – бабах! бубух! Как будто бы с размаху кидают бревна.

Я еще некоторое время выдерживала характер и делала вид, что сплю, но поскольку шум не умолкал и даже нарастал, то в конце концов тоже встала и пошла посмотреть, что происходит. Оказывается, разъяренный Пушок в боевом азарте не только не испугался выбежавшей Аленки, но даже сменил объект своих атак. Он оставил в покое израненного Белого Кота и начал кидаться на Аленку! Она стала отбиваться палкой и пару раз здорово ему врезала. Пушок забрался под крыльцо, но продолжал время от времени оттуда выпрыгивать и на Аленку наскакивать.

Именно эту картину застал выскочивший из дома отец и совершенно озверел от мысли, что враг нападает не только на Белого Кота, но и на его ребенка! В ярости он с рычанием начал разносить по бревнышкам крыльцо – в полной темноте! – чтобы добраться до засевшего под ним Пушка. Удары «Бабах! Бубух!», которые я слышала из дома, – это действительно был грохот бревен, которые он расшвыривал, как соломинки, в разные стороны.

Когда Пушок увидел, что на сцене появился еще один враг (то есть я), он все-таки почел за лучшее удрать. Кое-как успокоив жаждавшего мести Сережу и разыскав Белого Кота, мы по остаткам крыльца взобрались в дом. Белый был сильно изранен – весь бок разорван, хвост перекушен пополам. Он долго болел, и мы даже боялись, что он подохнет. На печку и с печки его приходилось переносить на руках и так же иногда выносить на улицу на солнышко. Но к концу лета он все-таки поправился, и мы уехали в Москву.

Через две недели после нашего отъезда Пушок без видимых

причин издох в бурьяне. Вся деревня по сей день уверена, что это мы его отравили. Клянусь, мы непричастны! Но никакие заверения не действуют. Еще долго к нам подходили разные деревенские жители и, укоризненно качая головами, говорили: «Что же вы Пушка отравили? Такой хороший кот был!» Нам так и не удалось оправдаться.

Белый Кот прожил еще много лет, под конец жизни стал раздражительным и капризным и умер, когда Аленка уже жила от нас отдельно и забрала его к себе.

После смерти Белого мы больше кошек не заводили. Но в деревне есть несколько – и у дачников, и на ферме, но никаких интересных историй я о них не знаю.

Для меня было новостью то, что кошки с фермы, оказывается, больше всего любят спать на спинах лошадей. Им там тепло, и сверху хорошо видно, если пробежит мышь. И лошадям это нравится – кошки приятно греют им спинку. Все деревенские, оказывается, об этой кошачьей повадке хорошо знают, это я была такая малограмотная.

Какая же деревня без собак! Собак держали всегда. У Нины и Никанора под крыльцом постоянно жили дворовые псы. Их всех звали по традиции Дозорами, и они считали своим долгом грозно облаивать каждого проходящего. Дети их даже боялись, хотя я не помню случая, чтобы какой-нибудь Дозор кого-либо укусил. Вообще-то, постоянно в Булавино жил только один очередной Дозор, но их часто (почти каждую зиму) постигала ужасная участь: зимой их съедали волки. Когда в деревне только один-два дома жилые, то волки смелеют и заходят в деревню. Как очередной Дозор ни прятался под крыльцом, его то ли выманивали, то ли вытаскивали оттуда, и однажды утром хозяева находили в снегу неподалеку от дома только голову и хвост бедной собаки.

Потом заводили новую собаку, но и она могла продержаться не больше одной-двух зим.

Сейчас собак в деревне множество. Миша Галкин, один из жителей нашей деревни, любит охоту и держит несколько настоящих охотничьих псов, свирепых и бесстрашных, натасканных залезать в норы за барсуками и лисами. Они живут в клетках, потому что если их выпустить в деревню, то от птичьего двора ничего не останется.

Моркунов тоже иногда ходит на охоту, и у них долго жила рыженькая, похожая на лису, лайка Мулька. Он с ней охотился и утверждал, что она была очень хорошая охотничья собака – легко находила след зверя, не теряла его и даже не боялась идти по медвежьему следу, чего большинство собак боится. Ее щенки

считались большой ценностью среди окрестных охотников, и Даша несколько раз распродавала их по весьма высокой цене.

Мулька умерла, но один из ее рыжих щенков, самый умный, которого больше всего полюбили хозяева, живет сейчас в Булавино и носит имя Ежик.

Кроме него у Даши есть еще дворовый пес Джек (помесь овчарки с какой-то другой породой). Он крупнее и сильнее Ежика, но из них двоих главным является Ежик, потому что он гораздо умнее.

Петр Сергеич, о котором я уже упоминала, тоже два раза держал в Булавино собак – настоящих, породистых немецких овчарок. Но обе овчарки были какими-то злобными до ненормальности, так что их даже браковали на выставках за неправильное поведение. То ли он нарочно таких злобных выбирал, то ли они озверели от жизни с таким хозяином, это неизвестно.

Овчарки неоднократно набрасывались на людей и сильно их кусали. Один их этих псов покусал нашего печника, слава Богу, уже после того, как он нам печку доделал. Бедняга печник, как говорят, долго болел и все грозился вернуться в деревню и застрелить этого пса. Здоровенные овчарки долго терроризировали всю деревню, пока не появились «фермерские» псы, которые научились действовать против грозного противника сплоченной группой. Вдвоем-втроем они легко заваливали грозную овчарку на землю, держа ее за горло и за пах, и тут уже хозяевам приходилось вмешиваться в собачью драку, чтобы не было смертоубийства.

Мы тоже много лет привозили в деревню нашу овчарку (а может быть, помесь) – пса по имени Капитан. Точно мы не знаем, какой он был породы, потому что маленьким щенком он пришел к дверям нашей московской квартиры откуда-то с улицы. У нас недалеко от дома в Москве находится милицейский собачий питомник: может быть, это был бракованный щенок оттуда. Мы его пожалели и взяли к себе.

Щенок вырос в здоровенного пса довольно угрюмого нрава. Сережа его очень любил, как мне кажется, больше, чем жену и детей, и всегда брал его с собой в деревню. Перевозить через озеро его приходилось в намордник, и при этом Сережа должен был его крепко держать, потому что иначе он норовил накинуться на лодочного рулевого.

В семье он по разу-другому укусил всех, кроме Витюхи, нашего младшего сына, с которым они вместе росли. Кусался, если не давали ему лаять на трактор (была у него такая манера), если задевали случайно его миску. Его за это наказывали, он

переживал (особенно если наказывал его любимый хозяин Сережа), но потом все равно кусался. Неуравновешенный был характер у пса.

Мы его все равно очень любили, и, когда он умер в возрасте одиннадцати лет, очень горевали.

Ну и наконец, нельзя не упомянуть о лошадях нашей деревни. Предводителем нашего табуна является великолепный черный тяжеловоз Барон.

Это рабочий конь, и в иной раз ему приходится нелегко. Например, в одно из первых лет существования фермы наши неопытные фермеры сделали ошибку в расчетах и накосили слишком мало сена для корма. Ошибка усугубилась тем, что комбикорм, который закупается для коров где-то на стороне, был куплен не вовремя, и его не успели или не смогли доставить в деревню своевременно. Да еще зима в том году была нехолодная, и долго-долго на озере не устанавливался прочный лед. В результате комбикорм лежал на «той стороне», а на «этой стороне» находились голодные двенадцать коров. Проехать по льду на тракторе и привезти сразу много комбикорма было никак невозможно – трактор бы просто продавил некрепкий лед и утонул.

Барон зимой на снегу.

Единственным транспортом, который мог пройти на ту сторону за кормом для коров, была подвода, в которую был запряжен наш Барон. И вот он ходил и ходил каждый день через озеро по глубокому снегу туда и обратно с этой подводой. Однако двенадцати коровам требуется действительно много корма, и того объема, который мог перевезти своими ежедневными рейсами бедняга Барон, не хватало.

К весне несколько коров сдохли от бескормицы, а от Барона к тому времени оставались только кожа да кости. Этот печальный эпизод чуть не подорвал всю фермерскую деятельность в самом начале.

Тем не менее со временем все наладилось, появился опыт, корма стали заготавливаться вовремя и с запасом, перевозка осуществляется теперь по-другому, а Барон опять разжирел и в основном отдыхает на привольных лугах. Остальные лошади время от времени катают постояльцев гостиницы и их детей, а

Барон избавлен и от этого, потому что он огромный и постояльцы его побаиваются.

Кроме Барона имеется в деревне несколько других лошадей. Одновременно с Бароном Моркунов купил кобылу Геру, да еще была наша собственная кобылка Афина, о которой я расскажу дальше. Прочие лошади – это потомство Барона и этих двух кобыл.

О кобылке Афине. Она – потомок исконно булавинской породы деревенских лошадей. В те времена, когда в деревне еще жили-поживали последние старожилы Нина и Никанор, у них была старая деревенская кляча по имени Малина, последний представитель деревенской скотины. Уже и коров они не держали, а Малина все жила. Никанор возил на ней сено, дрова, иногда ездил зимой в санях в соседнюю деревню за продуктами. Когда Нина стала уже совсем старой, он даже в собственную баню зимой возил ее на санях, чтобы старухе не пробираться по сугробам.

Барон работает – ворошит сено с Дашей.

Малина была участницей одной жутковатой истории, когда Никанор чуть не погиб. Дело было в ноябре месяце. Погода стояла довольно холодная, на разбитых осенних дорогах ледок уже начал сковывать обычные грандиозные лужи. Никанор запряг лошадь в волокушу и поехал на арапихинскую дорогу к стогу сена. Нина осталась дома. Ждет-пождет – нету Никанора. Осень, темнеет рано. Вот уж совсем стемнело. Начался дождь, воет ветер.

Никанора нет и нет. «Куда пропал, – думает Нина, – до Арапихи ехать всего четыре-пять километров, а стог и вовсе на полдороге стоит. Давно должен был вернуться, а его нет».

И вот уже совсем под вечер слышит она слабый стук в дверь. Открывает – на пороге Никанор, но в каком виде! Голый, весь в грязи, на ногах не стоит, сползает по притолоке на пол. Заледенел весь, еле дышит. Втащила она его в дом, стала отогревать, мыть, одевать, влила в рот водки, потом горячего чаю.

Он немного пришел в себя и рассказал страшную историю. Он успешно доехал на своей волокуше до стога, набрал сена и повернул обратно. На дороге была огромная лужа глубиной чуть ли не по колено. Чтобы не замочить сено, он попытался объехать лужу по обочине и не удержал подводу – она опрокинулась. При опрокидывании она придавила и его и лошадь, причем лошадь еще как-то попала головой на сухое место, а Никанора вывалило в самую середину лужи, и он почувствовал, что не может выбраться, зацепился за что-то одеждой.

Положение было ужасное. По этой дороге никто и летом-то не ездит, а в ноябре, под вечер, в дождь, ясно, что никакой помощи не дождешься. Температура около нуля, одежда промокла, и остаться лежать придавленным в этой луже означает прямиком отправиться на тот свет. Утром найдут окоченевшее тело. Надо как-то выбираться самому.

Он долго по-всякому пытался отцепиться и вылезти, и в конце концов стало ясно, что единственный способ – расстегнуть одежду и выползти из-под перевернутой подводы голышом, иначе конец. Так он и сделал – и побрел-пополз по дороге в сторону своей деревни, бросив в лесу подводу и лежащую под ней лошадь.

До деревни он добрался через пару часов, совершенно закоченев по дороге.

Нина уложила его спать, а сама села и стала думать: «А как же лошадь?» Ведь там, в лесу, на дороге, осталась лежать придавленная лошадь, в положении немногим лучше, чем был ее хозяин.

И Нина встала, оделась, взяла топор и фонарик и вышла в ноябрьскую ночь под дождь и ветер, чтобы спасти свою лошадь. Было ей в это время уже за шестьдесят пять. Она добралась до места катастрофы, долго рубила сломанную подводу топором при свете фонарика, кое-как сумела ее по частям откинуть в сторону и высвободить Малину. Помогла ей встать и повела в деревню.

Вот она, та самая убийственная лужа. Но фотография сделана в сухой 2010 год, летом, после неслыханной засухи. В ноябре, после осенних дождей, лужа выглядит гораздо более грозно.

Никанор потом долго болел и всегда с ужасом вспоминал эту историю.

Итак, в деревне жила старая лошадь Малина, которая уже очень давно не жеребилась, потому что не было в деревне жеребца. И вдруг однажды, откуда-то из другой деревни (кажется, из Покровья), кто-то приехал на коне и на несколько дней задержался в Булавино.

И тут оказалось, что Малина не такая уж старая, потому что через некоторое время она вдруг принесла маленького рыжего жеребенка.

Жеребенок родился прямо у нашего забора, мои дети бегали его гладить и кормить мамашу хлебом. Как сказал Никанор, это был первый жеребенок в деревне за последние двадцать лет. Однако держать его Никанор не собирался. Его логика была исключительно практической: пока жеребенка можно будет использовать в качестве рабочей силы, должно пройти два года, и все это время его надо кормить. На какие шиши? И вообще, зачем он ему нужен, у него ведь уже есть Малина.

Возрастом Никанор в то время был очень стар, видел плохо.

Нина уже умерла, и он собирался вскоре последовать за ней. Новая лошадь была ему решительно не нужна. Поэтому он собирался жеребенка в ближайшее время забить, а шкуру сдать скупщикам. Узнав об этом, детишки подняли вой, что, мол, жеребенка жалко.

Мне тоже было его жалко. И я отправилась к Никанору покупать лошадь. Никанор был очень рад такому решению проблемы и с удовольствием продал мне жеребенка за двести рублей, по цене шкуры. Ударив со мной по рукам и получив деньги, он поинтересовался, а как я собираюсь этого жеребенка содержать, когда наступит зима и я уеду в Москву?

Насчет этого у меня был некий план: Моркунов тогда уже завел свое фермерское хозяйство, и я собиралась сдать жеребенка «на постой» к нему. Я отправилась на ферму. Моркунов уже поджидал меня, сидя на крыльце.

«Что, говорят, ты лошадь купила? – встретил он меня вопросом. – А знаешь ли ты, почем нынче овес?» Выяснилось, что, по его мнению, жеребенок должен был съедать в день по три килограмма овса, не считая сена, и за этот овес мне следовало заплатить за год вперед, чтобы его можно было поставить на фермерскую конюшню. Мы с ним немного поторговались, потому что я доказывала, что три килограмма овса в день, наверное, съедает призовой жеребец, каждый день участвующий в скачках, а не маленький жеребенок.

Признаюсь, что это было с моей стороны совершенно голословное утверждение. На самом деле я не знала, сколько овса положено съедать лошади. В конце концов некий компромисс был найден, я заплатила за годовое содержание жеребенка три тысячи рублей (в пятнадцать раз дороже, чем стоил он сам), и его судьба была окончательно решена.

Из этого жеребенка и выросла лошадка Афина – невысокая, очень приветливая и милая, рыжей масти. Именно она оказалась «любимой женой» нашего Барона и каждый год приносила ему по жеребенку. Он очень ее любил, а остальные лошади не любили, кусали и били ее, когда им это удавалось.

Один раз я видела, как Барон стоял, привязанный к конюшне, а остальные лошади паслись за перелеском в поле. И вдруг Афина закричала: наверное, ее опять укусила Гера, она часто это делала. Барон рванулся так, что чуть не снес здание конюшни. Он бился и метался на привязи, рыл огромными копытами землю, пытался разбить бревенчатую стену, к которой был привязан. Одним словом, зрелище было совершенно жуткое. Он рвался к своим кобылам навести порядок и защитить свою любимую лошадку.

Афина родила нескольких жеребят, оплачивать содержание

которых я на этот раз отказалась, и их продали в конноспортивные школы. Оказывается, это большая проблема для конноспортивных школ – купить здоровых жеребят. Их мало, и их всюду выискивают. За нашими жеребятами приезжала специальная машина-коневозка из Москвы.

На Афине мои дети и я сама немного поучились ездить верхом, и она довольно много поработала, катая Дашиных постояльцев гостиницы. Потом Даша уговорила меня отдать ее знакомым, в «хорошие руки», в конноспортивную школу для детей, где была нужна именно маленькая лошадь, но не пони.

Даша ездила пару раз в эту школу и говорит, что Афина до сих пор там трудится и с ней хорошо обращаются.

Социально-экономический очерк жизни российской деревни в Н-ской губернии. История о двух таджиках

Итак, в момент «перестройки» население в деревне полностью сменилось, и вместо старых крестьянских семей здесь стали зимовать фермеры городского происхождения и группа их временных работников. Слава Богу, что это произошло, потому что иначе деревню бы постигла участь многих «неперспективных» деревень средней полосы, она осталась бы вообще без постоянного населения и подвергалась бы зимним разграблениям; не было бы молока и, вероятно, отключили бы электричество.

С электричеством проблемы и так периодически возникают. Например, столбы линии электропередачи были у нас деревянные, установленные после войны, где-то семьдесят лет назад. Столбы, естественно, в конце концов сгнили и начали валиться от более или менее сильного ветра.

Первый раз электричество пропало еще при Нине и Никаноре, когда после бури попадали столбы в лесу на достаточно большом участке. Электричества не было целых три года. Нина и Никанор время от времени ездили ругаться в райком в Д. (дело было еще при советской власти). Ездили туда иногда и другие жители Булавино, даже я один раз ездила. Встречали всех вежливо, обещали все починить, просили деревню не бросать, а «держать, как последнюю линию обороны».

Через три года действительно починили. Все это время мы готовили еду либо на печках в избах, либо, во время летней жары, на костре на улице, а освещали жилье керосиновыми лампами и свечками. Знаете ли вы, как нынче трудно купить керосиновую лампу или хотя бы запасное стекло к ней? Вот попробуйте как-нибудь!

Второй раз столбы попадали уже при «новой власти», когда в деревне функционировала ферма. Собственно, упал только один столб, да еще один покосился, но стало ясно, что старым деревянным столбам приходит конец. На райком больше надежды не было, и поэтому наша семья и моркуновская ферма приняли решение заменить деревенские столбы на бетонные за свой счет. После переговоров с районными электрическими службами выяснилось, что у них есть некий план по замене столбов: кажется, четыре километра линий электропередач в год они

должны обновлять в пределах района. При этом не указывалось, где именно надлежит в данном году произвести это обновление.

Были приложены некоторые усилия с нашей стороны, и местом очередного обновления линий в следующем году была избрана наша деревня. Сколько-то пришлось доплатить, чтобы новые столбы оказались именно бетонными, а не деревянными, было добавлено несколько новых столбов у тех домов, где их не хватало, а деревенский трансформатор был заменен на более мощный. После этого катастрофические многодневные отключения электричества прекратились, но после каждой грозы электричество отключают на несколько часов для мелкого ремонта.

С тех пор у меня осталось твердое убеждение, что в деревенском доме обязательно должна быть печка, да еще с конфорками, пригодными для готовки пищи. Кто знает, что может случиться, особенно в нашей стране?

Сейчас многие владельцы домов в деревне, включая Моркунова, кстати, считают, что при строительстве дома вполне достаточно установить электрические нагреватели, но я каждый раз вспоминаю тот трехлетний период без электричества, поэтому во всех наших домах установила нормальные печи.

Такое же отношение у меня и к дровам. Сердце мое спокойно только тогда, когда у каждого дома сложен запас дров на два-три года вперед или, если зимовать в деревне, хотя бы на одну зимовку. Остальные надо мной посмеиваются: что, мол, мировую войну собираешься в деревне пересидеть? Войну не войну, а запас карман не тянет. А может, и войну. Кто знает, как жизнь может повернуться. И в подвале у меня продукты (крупы, сахар, соль, тушенка, даже водка) тоже хранятся в немалом количестве – при экономном расходовании может и на год хватить. Спрятано все в «мышеустойчивые» металлические контейнеры и периодически обновляется. Опять же, удобно выезжать на летний, зимний отпуск. Едешь, а там все практически на месте, приготовлено, везешь с собой минимум.

Вот он, стратегический запас дров, который позволит нам пересидеть в деревне, как мы надеемся, пару революций и третью мировую войну.

Магазина-то у нас в деревне нет. Ближайший находится на противоположном берегу в Задольском, там же, где и почта. Теоретически, конечно, это не очень далеко, при наличии катера можно ездить хоть каждый день. Но, во-первых, все-таки это каждый раз три часа вычеркнуты из жизни, а во-вторых, бензина не напасешься. А если нет катера на ходу, то вообще труба. Вот все и стараются запас иметь на месте, чтобы поменьше ездить. Хлеб, например, довольно долго сохраняется свежим в морозильной камере, если его сначала завернуть в полиэтиленовый пакет. Одно время на озере функционировала «лодка-лавка» (по аналогии с автолавкой). Некий человек по имени Коля, тоже, кстати, как и Моркунов, бывший москвич, только что вышедший на пенсию и переехавший жить в деревню Подорожье, организовал передвижной магазинчик на базе своего катера. Он объезжал такие деревни, как наша, отрезанные от проезжих дорог и лишенные магазинов, и собирал с желающих списки, что им купить к следующему приезду. Было известно, что он подъезжает, например, в среду и пятницу, к четырем часам дня. К причалу в это время собиралась целая толпа, чтобы забрать то, что он привез, и дать ему записки «на следующий раз». Дополнительную наценку «за доставку на место» на все товары (по сравнению с магазином в Задольском) он делал в десять

процентов, и, видимо, это позволяло его бизнесу процветать.

К сожалению, Коля заболел и умер в прошлом году, и с тех пор жизнь «лодки-лавки» прекратилась. Все, как обычно, зависит от человека: если есть активный персонаж, желающий делать какое-то дело, то вокруг него все начинает вертеться и дышать живым дыханием. Если этот человек исчез – все, дело тут же заглохнет.

К сожалению, среди здешних жителей активных людей практически нет. Остатки старожилов – это в основном спившиеся алкоголики или доживающие свой век старики-инвалиды. Активность иногда проявляют переселенцы из города вроде Коли и Моркунова. На «той стороне» есть еще одно фермерское хозяйство, основанное таким же выходцем из города, оно специализируется на выращивании картошки и, как говорят, тоже процветает. Но больше никакой хозяйственной жизни.

В Н-ской области вообще плохо с работой. Все колхозы-совхозы поразвалились, производство встало. Одна из основных причин – полная нетрудоспособность местного населения, что, кстати, наглядно видно на примере проблем Моркунова с трактористами и доярками. Говорят, что недавно где-то рядом нашли какие-то необычайно ценные залежи чистейшего кварцевого песка и хотели открыть стекольное производство. Дело застопорилось из-за того, что не смогли набрать человек сто более или менее грамотного и непьющего персонала. Глядя на моркуновские мучения с подбором кадров, я вполне этому верю.

Интересно, что будет с селом Покровье – нашим административным центром (мы «приписаны» к Покровскому сельсовету). Раньше это была центральная усадьба нашего совхоза, и до последнего времени там существовало какое-никакое дойное стадо и хоть какая-то работа для местных алкоголиков. Вообще, село имеет вполне пристойный вид: хорошие дома, школа, каменный клуб, магазин, газ, водопровод, медицинская помощь, асфальтированные дороги, автобус до райцентра два раза в день. Половины тех бытовых сложностей, что имеются, например, в Булавино, нет и в помине. Однако хозяйство там полностью развалено (на сегодняшний день, во всяком случае).

Говорят, что совхоз выкупили какие-то «чеченцы» (во всяком случае, южные люди) и за один год «все развалили». Стадо передохло в новогодние праздники, потому что все напились, никто скотину не кормил и не поил. Тут, как мне кажется, виноваты вовсе не «чеченцы», а вполне русские местные работнички – не «чеченцы» же должны были поить и кормить несчастных коров.

Подробностей я не знаю. На мой недоумевающий вопрос: почему же так выпело, это же для новых хозяев прямой убыток? – местные жители отвечают, что «они нарочно так сделали, хотят все загубить, а землю продать». Тут уж позвольте усомниться. На что годна эта земля и кому ее продавать? Она годна только для сельского хозяйства, если найдутся хоть какие-то работники. Для промышленного развития, как мы видим, местное население непригодно. Туризм (в виде баз отдыха, подобных моркуновской) возможен в курортных местах, там, где есть озера. В Покровье, заметим, озера нет. Так что купить эту землю можно только с целью ведения сельского хозяйства, больше я просто не могу придумать никакого применения. А тогда «чеченцы» или им подобные и есть конечные покупатели. Значит, чтобы деньги не пропали, они должны будут как-то развивать это хозяйство. Наверное, привезут новых работников с юга, и постепенно эта территория поменяет состав своего населения. Альтернатива одна – превратиться в «пустыню» и зарасти тайгой. Больше вариантов я не вижу.

В «курортных местах», вблизи озер, деревни действительно понемногу превращаются в дачные поселки, обслуживающие Москву и Питер. Собственно, это очень важная социальная функция – предоставлять рекреационные возможности для жителей столиц, место для выращивания и воспитания в контакте с родной природой детей, частично даже для ведения небольшого подсобного хозяйства (чаще всего огородного) для некоторых семей.

Во время всякого рода экологических катаклизмов, например, когда вокруг Москвы горят леса и город наполняется дымом (как это было в 2010 году), нагрузка на здешние деревни огромная. Только в нашей маленькой деревушке в пиковые моменты собирается до тридцати-сорока детей разных возрастов и больше двухсот человек взрослых. При этом Моркунов со своим небольшим гостиничным хозяйством в день получал до пятидесяти звонков от все новых и новых желающих у него поселиться и вынужден был им отказывать – постояльцами было занято решительно все, вплоть до недостроенной бани и чердаков.

Там, где есть проезжая дорога (на «той стороне»), нагрузка еще больше. Там стоят постоянные дачи всей н-ской элиты и плюс к тому многих жителей Москвы и Питера. Цена на участки в хороших местах, у озера и в поселках с проезжей дорогой, весьма солидная – до двух тысяч долларов за сотку, практически как в ближнем Подмосковье. Участок с домом еще дороже. Например, в нашей деревне хороший участок с домом может быть продан,

например, за шестьдесят-семьдесят тысяч долларов. Правда, хороший новый бревенчатый дом на некотором отдалении от воды, как у наших «новозеландских» эмигрантов, второй год не могут продать за три миллиона (сто тысяч долларов по нынешнему курсу). А Петр Сергеич уже три-четыре года ищет покупателей на свой шикарный участок и большой дом за шесть миллионов (двести тысяч долларов) и, по общему мнению жителей деревни, не найдет, потому что перегнул палку.

Как говорят, наша Д-ская местная власть объявила, что одним из направлений экономического развития района должен стать «экологический туризм» – что-то вроде небольших частных баз отдыха, подобных той, что создал у себя Моркунов. Не знаю, насколько это правда. Но, в принципе, для приозерных районов это разумно, хотя требует, по нынешним вкусам «туристов», все-таки довольно приличных инвестиций и какого-никакого обслуживающего персонала, с которым, как известно, очень плохо.

Местным жителям это не очень нравится, они говорят: «Все загадят» – и решительно не хотят подвинуться, чтобы дать жизненное пространство другим.

Как мы знаем, моркуновское предприятие тоже было встречено некоторыми жителями деревни в штыки. Отчасти это понятно. Действительно, многочисленные приезжие легко могут загадить великолепное первозданное место. В Булавино пока очень чисто, надо отдать должное нашим фермерам, они тщательно убирают мусор и следят за своими постояльцами. Но уже когда едешь в магазин в Задольское, то после булавинской чистоты получаешь прямо-таки шок: окурки, осколки, банки везде. Могут загадить, это правда. На мой взгляд, если уж и правда развивать это экономическое направление в наших краях, то властям начинать надо именно с налаживания систематической уборки территории. Иначе край просто потеряет свою «экологически-туристическую» привлекательность, и на этом все и кончится. Хотя я очень уж сомневаюсь, что дело дойдет до каких-то активных действий.

Теперь о рабочей силе. На местное население в целом надежды нет. Губерния постепенно превращается в «пустыню» с точки зрения рабочей силы. Вымирают или спиваются последние старожилы, и, я думаю, через десять-пятнадцать лет не останется никого. Если есть тут кто-то молодой и непьющий, он любыми способами старается эту территорию покинуть. В сельском хозяйстве народ вообще категорически не хочет работать, даже если есть рабочие места с приличной по здешним понятиям зарплатой. Считается гораздо более желательным сидеть в

сельсовете секретаршей с зарплатой в шесть-восемь тысяч, чем получать пятнадцать тысяч на моркуновской ферме. Аргумент простой: «Там же пахать надо, да еще на чужого дядю». Впрочем, даже секретарша из сельсовета горестно жалуется на свою тяжелую жизнь: «Они думают: ишь, какая зарплата хорошая, а тут все время чего-то надо и надо делать, никакого покоя, и думать много приходится, и из района на тебя орут все время».

Поэтому если есть какая-то экономическая перспектива у здешних мест, то, скорее всего, ее реализация потребует массового привлечения мигрантов. В Д. уже есть несколько предприятий (в том числе одна ферма), где работают узбеки. Строительство для дачников осуществляют во многих случаях молдаване или украинцы, как и по всей стране. Наш Моркунов тоже делал попытку привлечь в качестве рабочей силы таджиков, но неудачную, правда. Об этой истории расскажу подробнее.

Когда в очередной раз ферма осталась без рабочих, Моркунов поехал в Москву и где-то на уличной «бирже труда» договорился с двумя таджиками о том, что они приедут на пару месяцев на покос. Один из таджиков был совсем мальчик, лет семнадцати, причем совсем не говорил по-русски. Видимо, в первый раз в жизни уехал из дома на заработки. Второй был постарше и кое-как мог связать по-русски пару слов. Собственно, он и договаривался о трудоустройстве за двоих, а второму просто переводил то, что ему удавалось понять. При этом они не были ни братьями, ни друзьями, просто познакомились в Москве на этой таджикской уличной «бирже труда».

Итак, договорились, сели к Моркунову в машину и поехали. И чем дальше они ехали от Москвы, тем страшнее им становилось. Видимо, они как-то не совсем поняли, куда ехать и на что это похоже. А тут куда-то завезли в глухие леса, людей практически не встречается.

Большой плес, через который надо переехать, чтобы попасть в Булавино. Видно, бедным таджикам он казался океаном, который отрезал им путь на родину.

Когда настал момент переправы через озеро, младший таджик начал плакать. Потом мы, обсуждая эту историю, подумали, что, наверное, действительно для них это все выглядело совершенно ужасно. Они же не привыкли к этим безлюдным лесным чащам, огромным озерам, где не видно противоположного берега. У них на родине совершенно другие пейзажи. Плюс неизвестное, чуждое население, языка которого они не понимают. Неизвестно, что с ними тут могут сделать и удастся ли отсюда выбраться, если что. Представьте себе русского мальчика семнадцати лет, которого завезли далеко-далеко по бездорожью в таджикские горы, в какой-то кишлак в богом забытой долине, и предлагают ему пару месяцев пасти там баранов! Действительно, можно испугаться. А вдруг назад не отпустят? Закинут в какой нибудь «зиндан» и заставят жернов крутить до конца своих дней за миску баланды в день, и ведь никто не поможет, и бывали такие случаи!

Проезжая дорога на «той стороне», по которой два раза в день проходит автобус до райцентра. Если пойти по ней, то рано или поздно можно вернуться к маме в Душанбе.

Видимо, наш мальчик-таджик живо представил себе что-нибудь подобное. Во всяком случае, в Булавино они прибыли совершенно деморализованными. Мальчик лег на пол в рабочем общежитии и плакал не переставая, а второй таджик на ломаном русском все просил перевезти их обратно на тот берег, а до Москвы они как-нибудь и сами доберутся. Напрасно мы их чуть ли не всей деревней утешали, что никто их тут не обидит и что здесь у нас нестрашно и «ментов нету» (они еще очень боялись милиции, поскольку у них не было миграционной регистрации). Старший таджик под конец немного успокоился и сказал, что в принципе он сам не очень боится и готов попробовать поработать, но не может же он бросить своего молодого товарища, ведь он один точно пропадет! А молодой все никак не успокаивался, плакал и бормотал, что хочет уйти пешком к маме в Душанбе. Я очень его жалела и представляла себе моего Митьку, уехавшего на заработки в Таджикистан и попавшего пасти баранов в глухой кишлак. Мы спрашивали, есть ли у них деньги на дорогу до Москвы. Сказали, что есть двести рублей на двоих. Я, помнится, даже предложила им задержаться на два дня и положить мне плиточную дорожку за пятьсот рублей, чтобы были хотя бы деньги на дорогу. Но молодой даже слушать ничего не хотел. В

конце концов Моркунов перевез их «на ту сторону» и показал, где находится автобусная остановка.

Интересно, что они до Москвы благополучно добрались. Мы узнали об этом следующим образом. У старшего оставался номер моркуновского мобильного телефона. И вот, примерно через пару недель, на этот телефон стали поступать звонки от каких-то таджиков, которые хотели договориться о работе на ферме. Ломаным русским языком Моркунову сообщали, что «я корова хорошо-хорошо умею! И сено косить сильно понимаю!» Наверное, наши таджики, доехав до Москвы, рассказали своим землякам о своих булавинских приключениях, и среди таджикских трудовых мигрантов нашлись желающие повторить эксперимент с работой на ферме. Но Моркунов уже к этому моменту как-то решил свою проблему с рабочей силой и отказался. Больше на нашей памяти он с таджиками не связывался.

О людях, которые живут в Булавино. История о человеческом упорстве

Итак, местное население в нашей деревне практически полностью заменилось на «дачников», то есть на жителей Москвы или Ленинграда, которые приезжают в деревню провести отпуск или, если это пенсионеры, на все лето – с мая по ноябрь.

Интересно, что это за люди и как они попали в нашу деревню?

В большинстве своем это бывшие «дикие туристы», которые в советские времена, когда покупка домов в деревне была фактически невозможна, регулярно ездили на наше озеро и разбивали палатки по берегам. Потом, когда покупка недвижимости или хотя бы полуофициальный «землеотвод» по договоренности с местной администрацией перестали быть чем-то недостижимым, самые упорные из них тем или иным способом обзавелись деревенским жильем. Если купить дом не удавалось, то они брали участок и строили дом сами.

К таким людям относится половина нашей деревни. Например, наши соседи по прозвищу «палаточники». Прозвищем они обязаны тому, что долго жили в палатке на участке, который был куплен ими после пожара, устроенного сумасшедшим сыном тети Оли. В этой семье три женщины – бабушка, ее дочка и внучка, и они смогли сами завершить постройку и обустройство дома после внезапной смерти деда, инициатора проекта. Они приезжают каждое лето и стали главными оппонентами фермерско-гостиничной деятельности Моркунова.

Так появились у нас и другие соседи, получившие «землеотвод» на территории деревни: Моркунов, семья Филатовых и семья Марии, Арнольд Викторович, который недавно продал свой участок и дом нашему Мите, а также семья, которая купила дом тети Нади. Да и наша семья устроилась здесь таким же способом – путем покупки и перестройки старых развалюх.

Здесь же оказались их родственники и друзья, которые, как правило, сначала навещали «новоселов» во время отпуска, а потом решались обосноваться в Булавино и сами. Например, так сюда попал Петр Сергеич, о котором я уже писала. Он был приятелем и сослуживцем Арнольда Викторовича. Приехал как-то к нему в гости и остался насовсем.

Вторая группа обитателей Булавино – это наследники «старожилов», их дети и внуки, которые давно уже перебрались в

город, однако сохраняют за собой родовые дома и привозят сюда на лето своих стариков. Таких семей гораздо меньше, фактически три дома: семья деда Прошки (сын Гаврила, его сестры, их дети), семьи из дома с «безупречными огородами» (там жили три сестры, дом и участок поделен между их семьями, и у всех троих прямо-таки идеальные огороды и цветники, самые лучшие в нашей деревне). Еще дочь Швецовых тетя Галя, которая приезжает каждое лето одна и внуки которой, вероятно, унаследуют дом.

Третья группа – это совсем новые дома, выросшие в чистом поле после «перестройки», когда стали выделять землю на более или менее коммерческой основе. Кроме того, есть несколько участков, принадлежавших работникам моркуновской фермы, но впоследствии ими проданных. Рабочим участки выделяются очень охотно, местная власть пытается таким образом обзавестись трудоспособным населением. Но в большинстве случаев эти люди увольняются и продают участок очередным дачникам. Например, часть «цыганского» участка таким образом перешла к одному из постояльцев гостиницы (к тому самому, который собрался эмигрировать в Новую Зеландию), а часть до сих пор отведена Моркуновым под общежитие для рабочих.

Есть еще дом, построенный Олегом, бывшим управляющим моркуновской фермы, небезызвестным участником истории с индюшкой и навозом. Однако он его, кажется, уже продал кому-то.

Среди «новых домов» есть весьма удивительные, например шестиугольный дом, построенный, как мне объяснили, главным ветеринаром московского конноспортивного Битцевского комплекса. В деревне ходят слухи, что он «личный конюх Путина». Неизвестно, сам ли он считает престижным так представляться или это выдумка деревенских жителей. Неизвестно также, действительно ли Путин держит своих коней в Битцевском комплексе и вообще, есть ли у Путина кони.

Дом действительно имеет необычную шестиугольную форму, а комнаты в нем треугольные, сходящиеся углами к середине дома. Секция, выходящая на озеро, представляет собой открытую веранду, с которой открывается совершенно изумительный вид на прекрасную тихую заводь.

Рядом стоит дом тоже очень необычный в своем роде. Там живут поборники технического прогресса, и он весь напичкан невиданными достижениями современной электроники и вообще всякой техникой. Якобы хозяева, намереваясь приехать, из Москвы посылают своему дому смс-сообщение, и дом сам начинает себя протапливать, автоматически накачивает из озера воду для хозяев и совершает к их приезду прочие приятные

чудеса.

Есть еще очень красивый и резной дом некой леди по прозвищу Экстрасенс.

Шестиугольный дом – жилище «личного конюха Путина». Сзади виден дом поборников технического прогресса.

Действительно ли хозяйка обладает экстрасенсорными способностями, мне неизвестно, и вообще, честно говоря, я о ней ничего не знаю, кроме того, что у нее красивый домик.

Рядом с музеем технического прогресса стоит дом приятелей моей дочери – Стиховых. Вернее, это не дом, а баня, сруб которой они купили вместе с участком несколько лет назад. Правда, баня была довольно большая. Поскольку ребята еще молодые и деньгами особыми пока не располагают, им пришлось рассчитывать только на собственные умелые руки. Они разделили баню на две части: в одной устроили собственно баню, а во второй – отличную жилую комнату с зимним водопроводом, отоплением и тоже со всякими техническими диковинками.

На меня произвела впечатление история о том, как Паша Стихов в одиночку соорудил себе зимний водопровод. Сначала он купил насос, который устанавливается прямо в доме, и, присоединив к нему длинный шланг, запустил конец шланга в озеро – благо берег совсем близко. Вода стала поступать, но в доме стало невозможно находиться, потому что насос довольно

сильно шумит. Вытащить насос куда-то наружу не представлялось возможным, потому что тогда бы его непременно сперли, как только хозяева отлучатся в Москву. Таскать его туда-сюда тоже никак нельзя, потому что он довольно тяжелый.

Пришлось переделывать. Поставить небольшой погружной насос в озеро – не проблема. Но с ним необходимо было тоже что-то сделать, во-первых, чтобы его тоже гарантированно не могли стащить, а во-вторых, чтобы обеспечить зимнее функционирование системы. Решено было опустить насос на дно озера как можно глубже и дальше от берега, чтобы максимально затруднить жизнь потенциальным ворам. При этом устанавливать насос прямо на дно нельзя, он может «заилиться» и перестанет работать. Был сооружен деревянный столик на ножках, и насос прикрепили к его середине. Предполагалось, что столик будет затоплен на глубине четырех-пяти метров и встанет на дне на ножки. Тем самым насос будет удален от илистого дна, и «заиливание» будет исключено. Однако веса насоса не хватало, чтобы столик пошел ко дну, когда его оттранспортировали на глубокое место (в тридцати пяти метрах от берега). Когда его опустили в воду с лодки, он начал плавать на поверхности, как плот. Пришлось нырять и привязывать к нему снизу мешки с песком – все больше и больше, до тех пор пока он прочно не встал на дно.

Тут выяснилось, что столик с насосом утонул, но теперь на поверхность всплыл прицепленный к нему шланг и тоже никак не тонет. Пришлось опять нырять и привязывать мешки с песком теперь по всей длине шланга. Наконец шланг тоже погрузился под воду, и осталось скрыть его от посторонних глаз и зимнего мороза в том месте, где он выходил из воды и вел к дому.

Для этой цели был вырыт целый ров, уходящий одним концом к озеру, глубиной в полтора метра, чтобы можно было опустить шланг на глубину ниже зимнего уровня промерзания почвы. Однако по-прежнему оставалась проблема с тем участком шланга у самого дома, где он все-таки должен был выйти из земли и зайти в дом для присоединения к внутреннему водопроводу. От воровства он уже был защищен: вряд ли какой-либо безумец предпримет чудовищные усилия по выкапыванию шланга из этого рва, чтобы с его помощью вытянуть из озера насос. Но этот участок был опасен с точки зрения зимнего промерзания. Обычно в деревнях для теплоизоляции используют солому и надеются на то, что мороз будет не очень сильный. Например, у Моркунова в доме так сделано. Но при температуре минус сорок, которая в наших местах не редкость, такие водопроводы все-таки промерзают, и приходится воду таскать из

проруби ведрами.

Однако упрямый Стихов ни за что не хотел даже два-три дня, пока стоит «минус сорок», бегать к проруби за водой. Входной участок шланга был обмотан каким-то электрическим суперкабелем со встроенными температурными датчиками. Он сам автоматически замеряет температуру на разных участках шланга и, как только она (температура) падает ниже точки замерзания воды, автоматически включается на подогрев. Вся эта чудовищная конструкция пока что (летом) исправно работает и подает в дом воду. Зимняя проверка покажет, насколько она надежна и была ли достигнута поставленная цель.

Вообще, деятельность Стиховых по благоустройству своего жилища вызывает большое уважение и демонстрирует наглядно, что и в молодом поколении наших деревенских жителей не иссякли упорство и изобретательность.

Эта конструкция из спаренных щитовых домиков получила название «Макдональдс Галкина» из-за того, что она похожа на эмблему известной фастфудовской фирмы. В переднем домике заканчивается внутренняя отделка. Как я понимаю, предполагается, что именно эти помещения будут сдаваться внаем «туристам».

О вызывающем уважение человеческом упорстве

свидетельствует также история Миши Галкина. Вообще-то, он родственник Моркунова, кажется, двоюродный брат.

Некоторое время тому назад он переехал на жительство в Булавино и устроился на моркуновскую ферму и в его же гостиницу управляющим. Однако довольно быстро выяснилось, что им вместе работать некомфортно, и Миша покинул хозяйство своего родственника. Он самостоятельно вознамерился создать похожий гостинично-сельскохозяйственный бизнес в нашей деревне и тем самым стать конкурентом Моркунова.

Ясно, что Моркунов от такой идеи был не в восторге, и это сильно подпортило их личные отношения. Хотя, с моей точки зрения, спрос на «гостиничные услуги» достаточно велик (во всяком случае, летом), и два Булавинских предпринимателя не будут сильно мешать друг другу. А с точки зрения общего функционирования нашей деревни очень хорошо иметь еще одно более или менее сильное хозяйство с постоянными жителями, помимо моркуновского.

Так или иначе, Миша начал двигаться по этому пути. К моменту расставания с Моркуновым он уже имел в деревне два участка и на одном из них начал строительство дома. Кроме того, был куплен, хотя и не доставлен в деревню, подержанный армейский грузовик. Миша достаточно быстро достроил себе дом с печкой и всем прочим необходимым оборудованием, чтобы можно было спокойно зимовать независимо от Моркунова, и приступил к возведению второго дома на другом участке: один дом сдавать «туристам», а в другом жить самому.

Но тут произошло несчастье. В середине зимы, в лютый мороз, его дом сгорел. По всей видимости, виновата была плохая электропроводка. Потом кто-то даже вспоминал, что у него где-то там искрило, но поленились переделывать.

Пожар произошел днем, причем хозяин с приятелем сидели и пили чай в передней комнате, когда заполыхала задняя. Они даже не сразу заметили, что у них пожар, им кто-то из деревенских крикнул, тогда только и всполошились. В результате они еле-еле успели выскочить на улицу в чем были, без денег и документов.

Это был, конечно, ужасный удар. Дом не был застрахован. Год ушел только на то, чтобы восстановить документы, раздобыть сколько-то денег и на втором участке построить сруб без окон, но с обогревателем, чтобы было, где провести зиму. Тем не менее человек не сдался, не отступил от своего намерения и продолжал упорно обустраиваться.

На сегодняшний день на месте пожарища стоят два новых щитовых домика, в одном из которых уже практически закончена отделка.

Кроме того, собственный дом Миши на другом участке достроен, оброс всякими вспомогательными строениями, и там появились куры и охотничьи собаки. Построена баня, без которой Миша очень мучился в первый год. Доставлен в деревню грузовик, который служит источником постоянного дохода: кому дрова привезти, кому песок. Кроме того, Миша принимает у деревенских жителей заказы на строительство и особенно на сложные технические работы, которые не поручишь каким-нибудь таджикам. Например, водопровод в нашем доме и у Аленки делал он, а также складывал сруб нашей новой бани. Печка и камин у Аленки – тоже его произведение.

Мы все надеемся, что через год-другой ему полностью удастся возродить свое порушенное пожаром хозяйство и продолжить дальнейшее развитие нашей деревенской экономики. Он поговаривает о разведении овец в перспективе, о создании кузницы, есть еще какие-то планы. При такой настойчивости вполне можно ожидать, что он это все осуществит.

В Булавино живет еще одна большая семейная группа – семья человека по прозвищу Генерал Вася. На самом деле он никакой не генерал, а бизнесмен из Москвы (кажется, занимается строительным бизнесом). Это Гаврила, сын деда Прошки, почему-то первое время величал его Генералом Васей.

Время прошло, и прозвище прилипло к человеку. Как мне кажется, история его семьи в чем-то похожа на нашу. Родители – научные сотрудники, биологи, кажется, работали в Московском университете. Он тоже, как предполагалось, окончив МГУ, будет работать в науке, однако после «перестройки» занялся бизнесом и добился там известного успеха. У него есть две сестры, биологи по образованию, но, по рассказам, одна из них бросила науку и занялась фермерством вместе со своим мужем, правда, не в нашей деревне, как Даша, а где-то в другом месте. В Булавино они обосновались, как и многие другие, после длительного периода жизни на берегах нашего озера в палатках. Ездить сюда начали еще их родители, приохотили детей к здешним местам и научили кататься на водных лыжах.

Потом купили старый дом на берегу, переделали его полностью, получили от местных властей пустой участок и построили отдельный домик для своих пожилых родителей.

С самим Генералом у нас знакомство шапочное, но его родители, Иван Вениаминович и Арина Сергеевна, – наши ближайшие соседи через дорогу. Они очень милые люди и, несмотря на глубоко пожилой возраст, очень активные – все время что-то мастерят у себя во дворе. Ивана Вениаминовича часто можно встретить на деревенской улице с какими-то

дощечками и ножовкой под мышкой. Недавно он, например, по собственному почину построил общественный мостик через самую большую деревенскую лужу. Арина Сергеевна, вроде меня, написала книгу воспоминаний о своей жизни.

Интересно, что у них в деревенском доме есть рояль и иногда слышны звуки музыки, кто-то на нем играет, и это очень удивительно и приятно. Я каждый раз вспоминаю сцену из «Детей капитана Гранта», когда путешественники услышали звуки рояля посреди австралийской пустыни и не поверили своим ушам. А потом оказалось, что действительно, один из тамошних фермеров умел играть на рояле и не поленился привезти себе из города инструмент на телеге, запряженной волами.

Слыша наш деревенский рояль, я каждый раз представляю себе, как его грузили для переправы через наше озеро на моторную лодку, и восхищаюсь твердостью и целеустремленностью и того австралийского фермера, и наших соседей по деревне.

Любопытно, что в Булавино высока концентрация людей, окончивших либо Московский, либо Ленинградский университет. Например, мои родители и мы с Сережей – физфак МГУ; Аленка с мужем и Стиховы – географический факультет МГУ; Митя с женой – экономический факультет МГУ; Галинка с мужем – матмех ЛГУ; дядя Роберт с женой – физфак МГУ; семейство Генерала Васи, включая родителей, и Моркунов – биофак МГУ; палаточница – мехмат МГУ; еще несколько домов в середине деревни – тоже выпускников МГУ, только я не помню, кто из них с физфака, а кто с мехмата. По числу домохозяйств концентрация университетской публики точно окажется около пятидесяти процентов. Прямо какая-то великая флуктуация.

Причем следует учесть, что каждая эта семейная группа попадала сюда независимо и раньше с другими семейными группами знакома не была.

В нашей деревне действительно оседает в основном некий определенный тип людей. Во-первых, люди должны быть неленивые и способные много делать своими руками. Во-вторых, они должны быть склонны к уединению и не нуждаться в регулярных шумных увеселениях. Я помню, что, когда жена одного из дачников-новоселов удивленно спросила у соседей: «А что, в этой деревне даже клуба нет, на танцы сходить или в кино?», все соседи единогласно решили, что эта семья здесь надолго не задержится. Так оно и выпело.

Кстати, практически все здешние жители не хотели бы, чтобы была отремонтирована и стала проезжей дорога на Криново, и регулярно опасливо спрашивают Моркунова, не собирается ли он

это делать (а он пока не собирается). Казалось бы, наконец-то появится возможность приезжать сюда на своих машинах. Ан нет, все предпочитают оставлять машины на «той стороне» и с разными неудобствами переправляться на лодках, только чтобы не нарушалась уединенность и отрезанность от мира нашей деревни. При этом все так же готовы игнорировать отсутствие медицинской помощи и магазина.

Из тех, кого я не упомянула, более или менее хорошо знаем мы Волосковых и Петра Сергеича, о котором я уже рассказывала раньше, как он воевал с печником при строительстве своего дома. Петр Сергеич – бывший военпред на каком-то ленинградском заводе. Сын успешно занимается бизнесом, каким именно, я не знаю точно, помню, что в начале «перестройки» он вел торговлю спиртом и спиртными напитками. Он, по-видимому, богатый человек, потому что купил себе дачу где-то за границей и ездит туда, а у нас практически не показывается. Отец его (то есть сам Сергеич) долго наведывался сюда каждый год со своей собакой. Это он построил оба дома – и себе, и сыну, и вообще был очень предан Булавино.

Пока он жил в деревне, ему нравилось ощущать себя здесь «первым парнем на деревне». Он дружил со всем районным начальством, во всяком случае, постоянно всем рассказывал о том, как близок он к местной элите. Кроме того, постоянно конфликтовал с Моркуновым – формально из-за того, что трактора портили дорогу у его (Сергеича) дома, а фактически просто рожами они друг другу не нравились.

В Булавино жила до самой своей смерти его покойная жена Марина, которую он очень любил и в честь которой именно в Булавино поставил частную часовню. На освящение часовни Сергеич привез множество священнослужителей, в том числе, как говорят, самого митрополита Н-ского. Целое событие было тогда в нашей деревне. Я, правда, не присутствовала. Но после освящения часовня была огорожена высоким забором и заперта на ключ, так что деревенские верующие пользоваться ею не могли.

Часовня, построенная Петром Сергеичем.

После исчезновения Сергеича из деревни Даша, человек верующий, смогла связаться с его сыном, и тот дал разрешение замок с часовни снять и пользоваться ею. Так что сейчас часовня открыта.

Пару лет назад Петр Сергеич вдруг пропал, как-то очень внезапно, буквально в один день: собрался и уехал из деревни, чтобы больше не появляться. Через некоторое время стало известно, что дом выставлен на продажу. Он просил за него сначала триста тысяч евро, теперь вроде бы снизил цену до шести миллионов рублей (это двести тысяч долларов), но продать пока не может. Непонятно, почему его исчезновение произошло так внезапно. Говорят, сейчас живет в Уфе. Может быть, какие-то бизнес-интересы, его собственные или сына?

Что касается Волосковых, то это тоже семья из московской интеллигенции. Дом был куплен еще родителями нынешней владелицы Маши, которые работали в системе Академии наук и даже каким-то образом пересекались по работе с моей родней. Правда, мы выяснили это только когда случайно встретились в Булавино. Сама Маша окончила мехмат и преподавала в Университете.

Эту семью преследуют разные несчастья по части здоровья. Дочь Маши, Олечка, которая лет на десять меня младше, была искалечена в роддоме и осталась парализованной. Мать за ней преданно ухаживает всю жизнь, носит ее на руках, смогла дать ей домашнее образование, научила полупарализованной рукой работать на компьютере. Они каждый год, вплоть до последнего

времени, приезжали в Булавино (Олечка на инвалидной коляске, для которой в доме сделан специальный пандус для въезда). Сын Маши тоже, к сожалению, нездоров – страдает психическими расстройствами. Тем не менее ему удалось найти отличную преданную жену, которая практически смогла его вылечить, – он потолстел, начал работать.

И надо же было такому случиться, что эта прекрасная женщина погибла в автомобильной катастрофе, и вдобавок тогда, когда сама Маша упала на эскалаторе в метро и сломала себе шейку бедра. Сын тут же снова попал в психушку, за Олечкой оказалось некому ухаживать… Короче, несчастная семья, что и говорить.

Все думали, что они продадут свой дом и не будут больше ездить в нашу деревню, однако они как-то выкарабкались и в этом году приехали снова, хоть и ненадолго.

Может быть, стоит упомянуть еще об одном доме, который стоит непосредственно рядом с домом Мити. Хотя я не знакома с нынешними хозяевами, но в прошлом с ним связаны такие бурные события, что неплохо бы и рассказать о них.

Дом был построен на выделенном пустом участке одним московским бизнесменом по фамилии Никитин (кажется, у него рекламный бизнес). Участок был маленький, неудачной трапециевидной формы, хоть и у самой воды. А дом хозяину хотелось большой, и в результате вышла трехэтажная «башня», которая выглядела довольно-таки непропорционально. Дом обнесли единственным в деревне забором в виде металлической решетки (у всех остальных стоит скромная сетка-рабица) и начали класть в нем камины и печи. И, видимо, неудачно что-то сделали с трубой. В один ужасный день осенью, когда в деревне уже было очень мало жителей, возник пожар. Как говорят, при пробной топке печи вспыхнула гибкая черепица на крыше.

Дом сгорел, как свечка. Дул сильный ветер, слава Богу, что в сторону озера, и только поэтому чудом не загорелись два соседних дома (в том числе и тот, который теперь купил Митя). Рабочие не пытались тушить горящее здание – невозможно было подступиться. Они сидели на крышах соседних домов и поливали водой эти крыши, чтобы не перекинулось пламя. Бог был милостив, и распространение огня действительно удалось предотвратить, однако от трехэтажной башни остались одни головешки.

Мало того, чуть ли не на следующий день в Москве был убит хозяин этого дома. В чем там было дело, не знаю, наверное, с кем-то что-то не поделил или перешел кому-то дорогу. Так или иначе, говорят, к его машине на улице подъехал мотоциклист и положил

на крышу машины взрывчатку. Взрыв был такой, что от машины и людей, которые в ней сидели, ничего не осталось.

После его гибели осталась вдова Татьяна, которая приняла решение участок не бросать, а восстановить дом. Это ей удалось. Теперь дом уже не трехэтажный в виде башни, а обычного размера, но так даже лучше, он гораздо красивее выглядит. Сейчас его еще достраивают рабочие-молдаване, и, вероятно, вдова будет приезжать сюда на лето. Тоже, кстати, пример человеческой твердости и упорства.

Остальных жителей деревни я практически не знаю, только на уровне шапочного знакомства. Поэтому от рассказов о них вынужденно воздерживаюсь. Всего я насчитала 48 жилых домов помимо хозяйственных построек, фермы и гостиницы.

По историческим данным, в 1909 году в деревне насчитывалось шестьдесят домовладений (дворов с постройками), из них жилых сорок два, и триста пятнадцать жителей. По количеству домовладений, как мы видим, деревня практически восстановилась, и, если посчитать еще и моркуновские гостиницы, ферму, рабочие общежития, галкинскую «макдональдсовскую» заготовку для будущей сдачи внаем, то как раз под шестьдесят «дворов с постройками» и получится. Однако если постоянными жителями считать только тех, кто в деревне зимует, то вместе с временными рабочими выйдет никак не больше десяти человек.

О лесах и грибах

Самая великая красота и ценность Булавино – это здешние леса, дремучие и неоглядные. Брошенные во время «перестройки» поля вокруг деревни с огромной скоростью зарастают молодым сосняком. На полях же, которые были заброшены еще раньше (после войны, например), стоит уже не молодой сосняк, а великолепный зрелый бор. Тайга с огромной скоростью одерживает верх над человеческим трудом, как только снижается хоть чуть-чуть плотность постоянного населения.

Может быть, это даже хорошо – должна же природа хоть где-то на земном шаре одерживать победу над человеком!

В связи с этим вспомнила я одну интересную вещь. Ее нам сообщил один наш приятель. Он раньше работал с нами, а потом ушел на Сыктывкарский целлюлозно-бумажный комбинат. Этот комбинат принадлежит одной известной австрийской фирме, у которой множество таких комбинатов по всему миру, в разных странах. Они владеют в этих странах участками леса, рубят там деревья и делают из них целлюлозу и бумагу.

Так вот, нагл сыктывкарский ЦБК самый прибыльный из всех, потому что Россия – единственная страна, где австрийцам не приходится тратиться на посадку деревьев заново! По всему миру их надо сажать руками, иначе сами не растут – от бассейна Амазонки до джунглей Африки! А у нас тайга растет сама: стоит только отвернуться на несколько лет – глядишь, на месте лесозаготовок уже глумит молодой лес ничуть не хуже старого! Если подумать, то это свойство – просто спасение для нашей планеты, где, как известно, площадь лесов неуклонно сокращается и вообще большие проблемы с экологией. Очень здорово, что такие самовосстанавливающиеся леса достались именно нашей стране.

Если посмотреть на снимок из космоса, который был уже приведен в начале моего рассказа, то видно, что наше озеро выглядит прямо как черное блюдце (некруглое, правда), положенное на зеленый мох. Этот мох как раз и есть леса.

Наша деревня расположена на полуострове, и, чтобы подробнее рассказать о местных лесах и грибных местах, я еще раз приведу здесь вырезанный из большого снимка фрагмент с нашим полуостровом.

На этой карте видны все основные маршруты вокруг Булавино. Деревни закрашены красноватым цветом, знаменитые грибные места – желтым. Дальше я попробую составить краткий «путеводитель» по этим маршрутам.

Прогулка на Долгие Полосы (Борки)

Долгие Полосы – на самом деле так назывались дальние поля за Марьиным ручьем. Их распахивали вплоть до девяностых годов, хотя комбайнам туда было очень трудно проехать.

Выглядело это так. В какой-то момент через нашу деревню проезжала цепочка комбайнов и грузовиков, эскортируемая двумя-тремя тракторами, которые предназначались для вытаскивания комбайнов из грязи, если что. Всю эту колонну техники присылали издалека, из центральной усадьбы совхоза в Покровье, расположенной в пятнадцати километрах от нас.

Мы все удивлялись: неужели урожай с этих полей стоит того, чтобы гонять целую колонну по отвратительным дорогам в такую даль! И однажды нам объяснили, что эти поля ценны тем, что они относительно чистые. На них мало набросано всякого металлолома и прочей дряни, и достаточно легко идет работа. А на полях, которые ближе к центральной усадьбе совхоза, скопилось уже столько всякого мусора, что и работать-то невозможно – надо комбайн останавливать каждые пять минут. Однако никто те поля чистить и приводить в порядок не хочет, пока остаются еще хоть какие-то незагаженные. И проще прислать колонну с тракторами сюда к нам.

После каждой уборочной страды на наших полях тоже остаются обломки сельскохозяйственной техники и другой мусор, кучи нераспределенных удобрений, которые отравляют почву на десятки метров вокруг, и прочая гадость. Таким образом и наши поля постепенно захламляются. Вот когда их тоже окончательно испортят, тогда и будут думать, что делать дальше.

В этой истории, как мне кажется, наглядно представлена вся картина советского сельского хозяйства, которое в последние годы советской власти никак не могло произвести достаточно зерна для страны – все время приходилось импортировать. Я помню выступление одного из наших «перестроечных» премьер-министров Николая Рыжкова по телевизору. Он тогда сказал, что мечтает о том дне, когда Россия прекратит импортировать зерно. А потом прошло несколько лет, и никто даже не обратил внимания, когда именно наступил этот момент. Глядь, а Россия уже то ли четвертый, то ли пятый игрок на мировом рынке экспорта зерна и быстро продвигается к первому месту, которое было у нее во времена Российской империи.

Интересно, что при этом производство зерна в наших северных низкоурожайных регионах практически прекратилось. Если я правильно понимаю, все зерно для страны дают, как и

встарь, южные регионы. Впрочем, здешний руководитель совхоза, с которым мы как-то беседовали, когда он вместе со своей автоколонной проезжал через нашу деревню, сказал нам, что при Империи здесь никогда и не сеяли зерно – невыгодно. Здесь всегда было выгодно разводить скот и сажать лен. Этим и жили (якобы). Надо бы проверить эти сведения по каким-нибудь историческим источникам.

Итак, когда мы приехали в Булавино, на Долгих Полосах еще сажали то овес, то пшеницу. Однако потом, когда поля были брошены и стали зарастать мелкими соснами, мы сами назвали это место Борки (в смысле «маленький будущий бор»). Сейчас, как мы увидим, эти «борки» уже сильно подросли.

Чтобы добраться до грибных и живописных мест, надо или плыть на лодке, или сначала пройти два-три километра по грязной лесной дороге через болотистый ольшаник.

Грязная дорога через ольшаники занимает около тридцати-сорока минут. После этого выходишь на небольшую горку, с которой уже открывается вид на бывшие поля. Сейчас они покрыты частым мелким перелеском, состоящим из молодых сосенок, елочек и березок.

Вот в этом месте дорогу пересекал лесной ручей. Бобры сделали запруду, и ручей сильно обмелел. Зато слева от дороги, за бобровой плотиной, образовался целый прудик.

Вообще дорога идет среди болот и ручьев, и луж по дороге встречается множество.

В сезон это великолепное грибное место, сюда съезжаются на лодках жители всех окрестных деревень. Даже с «той стороны» приезжают. Если год удачный (а таких большинство), то крупные, слишком взрослые грибы не берут – только молоденькие, чтобы шляпка была не более пяти-семи сантиметров в диаметре. И еще отрезают у них ножки, чтобы плотнее ложились в корзину и не пачкались землей.

Растут здесь среди молодых сосен и березок подосиновики и маслята, а по краю поля – белые и подберезовики. На сыроежки вообще никто внимания не обращает – они только крошатся и занимают место в корзинке.

Бобровая плотина у дороги. За плотиной – небольшой прудик, образовавшийся в русле лесного ручейка.

Побродив два часа по этим перелескам, легко можно набрать полную корзинку шляпок от молодых первосортных грибов. Весит такая плотно упакованная корзина килограммов десять-двенадцать, и тащить ее домой сорок минут по грязной дороге довольно тяжело. Поэтому и приезжают все на лодках. Лодка уставляется корзинками с грибным урожаем, сколько влезет, и можно заводить мотор. Потом так и говорят: плавал вчера в

Борки, привез две лодки грибов.

Лодки причаливают обычно к низкому берегу, в заводях, заросших тростником и кувшинками. Вылезать приходится на пологий, слегка топкий бережок, но и на нем тоже, как правило, полным-полно грибов. Мало того, именно тут по большей части можно обнаружить выводки белых, хотя и на середине поля они попадаются, особенно, как замечено, на тех участках, где одновременно есть и елки, и березки. Вокруг сосенок чаще встречаются маслята.

На некоторых прогалинках среди елок цветет роскошный иван-чай. Правда, в этих местах грибов не найти, но иван-чай выше человеческого роста придает особый колорит этим местам.

В старые времена поля на Долгих Полосах были окружены взрослым сосновым лесом, который сейчас превратился в великолепный старый бор. Сразу видно, где кончалось раньше поле. Там молоденькие перелески сменяются огромными мачтовыми соснами и елями, верхушки которых уходят в самое небо. По краю они перемежаются рябинами, кое-где – еще сохранившимися березами.

Выход на Долгие Полосы. Участки молодой лесной поросли перемежаются с небольшими открытыми солнечными лужайками с некошеной травой. Эти места в сезон заполнены целыми вереницами маслят и молоденьких подосиновиков.

Грибной урожай из Борков – гора шляпок от молоденьких маслят и подосиновиков. 20 августа 2000 года.

Вот место, где обычно пристают лодки, приехавшие для сбора грибов, – тихая, поросшая камышом заводь.

Иван-чай достигает здесь гигантского размера – выше человеческого роста.

Большие сосны и рябина – там, где раньше был край поля.

Аленка среди молодых сосенок – здесь раньше были пахотные поля.

Для контраста – веселый молодой лес с мягким моховым ковром под ногами. Иногда весь этот моховой ковер покрыт бесконечными цепочками маслят.

В принципе, сначала молодые березки и хвойные деревья вместе заселяют бывшее поле, но потом сосны и ели как-то вытесняют березы, и во взрослом лесу берез уже совсем мало. Это, конечно, относится к сухим песчаным местам и горкам, а в низинах и по краю озера растет множество старых берез.

Долгие Полосы расположены на одном из берегов большого залива, образовавшегося в русле Марьиного ручья и именуемого у местных Марьиным заливом, или попросту Марьинкой. Собственно, этот залив и отделяет их от деревни Булавино. Длинная лесная дорога через болотистый ольшаник как раз огибает этот залив. Если бы его не было, от нашей деревни до Борков было бы десять минут ходу. Залив имеет очень узкую горловину, шириной метров пятнадцать, не больше, и с обеих сторон – и со стороны деревни, и со стороны Борков – ограничен длинными мысами, поросшими березняком и осиной, которые тоже считаются грибными местами. Кроме того, там очень красиво. Прекрасный вид открывается оттуда на большой озерный плес с одной стороны, и на романтический лесной залив – с другой стороны.

Залив знаменит также утками и великолепной рыбной ловлей. В нем нерестятся по весне местные щуки, и деревенское население потихоньку браконьерствует – держит в заливе

полузатопленные лодки и весной ставит там сети, хоть это и запрещено. Одно время власти даже пытались отслеживать браконьеров с помощью патрульного вертолета, но не очень успешно. Во всяком случае, мне рассказывали о весенних уловах в Марьином заливе – по сорок-пятьдесят щук за раз. У некоторых местных жителей по весне вся веранда увешана вялеными щуками, выловленными таким браконьерским способом. Хорошо, что население в деревнях по весне небольшое, и существенного ущерба рыбным запасам озера они фактически нанести не могут.

Устроить краткий привал на самом мысу очень приятно. Ветерок продувает насквозь узкую полоску леса и сдувает комаров. Можно долго следить за игрой ряби на воде, которую создают волны с большого плеса, врывающиеся через узкую горловину в тихие воды залива.

На самом мысу растут старые березы и невысокая трава, образующая под ними приятную лужайку. Хорошо сидеть, привалившись к стволу старой березы, и невнятно-приятные мысли о чем-то хорошем и спокойном приходят в голову.

Возвращаться с мыса (если вы хотите идти домой пешком, а не плыть на лодке) проще всего по высокой песчаной гряде, которая начинается вблизи берега и заканчивается на самой дороге. Вся эта гряда поросла старыми, огромными соснами, под ногами мох и черничные кустики, так что идти довольно легко. По самому гребню даже тянется весьма отчетливая тропинка.

У самой горловины залива. Красивая рябь на воде образуется волнами, входящими в тихую воду залива через горловину с большого плеса.

Привал под большими березами на самом мысу.

Ну конечно, нельзя удержаться от соблазна залезть на такое дерево и почувствовать себя настоящей ведьмой.

Тамошние старые кривые сосны представляются детской фантазии колдовскими, а для взрослых кажутся удивительной игрой природы, непонятно как образовавшейся. В каждом из здешних лесов есть две-три такие сосны. Странно только то, что они, как правило, не разбросаны по всему сосняку, а растут почему-то рядом. Что заставляет обычно прямые деревья в определенном месте вдруг искривляться? Прямо загадка какая-то.

Итак, прогулка на Долгие Полосы окончена. Предстоит обратный путь по уже знакомой дороге через ольшаник. Лет через двадцать молодой лес в Борках, вероятно, превратится в могучий бор, как и другие старые боры вокруг. Наверное, станет меньше грибов – они всегда предпочитают молодые леса. Но еще долго окрестные жители будут осенью отчаливать отсюда на лодках, полных отборных грибов, или просто так приезжать сюда погулять в погожий нежаркий день.

Прогулка на маленькое лесное озеро

Маленькое лесное озеро находится недалеко от Долгих Полос – надо просто свернуть с дороги и взять левее. Оно, неизвестно почему, носит нежное и странное имя – Лампушки.

Там гнездится пропасть диких уток, и деревенские жители ходят туда на охоту.

Пострелять они ходят обычно в вечерних сумерках в августе или рано поутру. В первые дни после открытия охотничьего сезона из леса временами доносится такая пальба, что можно подумать, война идет.

На самом деле, честно говоря, наши деревенские охотники не отличаются особой меткостью. Но все-таки иногда бывает, что приходят с добычей.

Озерко совсем небольшое, с заболоченными берегами. В этих прибрежных камышах и селятся утки. На противоположной стороне начинается могучий старый бор, выходящий к Долгим Полосам.

Радостный охотник с добычей. Правда, у него нет хорошей охотничьей собаки, поэтому плавать за уткой пришлось самому.

Утку можно очень вкусно приготовить в кастрюльке с толстыми стенками, с брусникой и кислыми, полудикими деревенскими яблоками. Но когда ее ощиплют, она оказывается такой маленькой, что кажется чуть ли не воробьем. Чтобы два-три человека могли наесться досыта, нужен, как мне кажется, чуть ли не десяток уток, а таких трофеев наши деревенские охотники никогда не смогут добыть.

Прогулка в Сивково

В Сивково раньше стоял барский дом помещиков Суторминых (из рода Толстых; этой семье в свое время пожаловала здешние земли царица Елизавета Петровна). В книге Ю. Соловьевой «Деревня Булавино Н-ской области» упомянут Н. Ф. Сутормин. Однако после революции дом так разгромили, что сейчас от него остался только длинный полуразвалившийся фундамент и несколько кустов сирени. Тем не менее помещик был, видно, не дурак, и для постройки дома выбрал в свое время одно из самых красивых мест на озере – невысокий берег напротив группы островов с прекрасным отлогим песчаным дном.

Поэтому сходить в Сивково обязательно стоит, хотя дорога непростая и даже страшноватая. Если про лес в Борках можно сказать, что он светлый и радостный, то дорога в Арапиху и Сивково – мрачная, а лес производит впечатление глухого колдовского приюта для всякой нечисти. Дорога в Арапиху ответвляется от сивковской в середине леса, неподалеку от огромного черничного болота. Я много раз проходила по ней одна, когда шла за молоком в Арапиху, и очень часто мне бывало сильно не по себе. Именно здесь я как-то увидела семейство филинов, сидевших на дороге и не улетевших, когда я прошла мимо них. Они меня ни капли не боялись – здесь была их территория, и бояться должна была я. Они только сидели неподвижно в полном молчании, и их «лица» с огромными круглыми глазами плавно поворачивались вслед за мной чуть ли не на триста шестьдесят градусов…

Именно на этой дороге моя мама как-то встретила двух медвежат, сидящих на дереве, и благоразумно удрала, не дожидаясь, пока появится их мамаша, которая куда-то отлучилась. Именно на этой дороге чуть не погиб Никанор, когда у него осенью перевернулась телега. Короче, место жуткое и колдовское, хотя именно здесь вдоль дороги тянутся огромные черничники и малиновые заросли.

Дорога через ольшаник.

Начинается дорога, впрочем, очень весело – с прекрасного широкого поля, где когда-то сеяли лен (мы еще застали это время), а теперь находятся моркуновские покосы.

После прекрасных широких полей, однако, начинается топкая дорога через ольшаник, знаменитая своими огромными лужами. Кое-где сделаны гати, но в большинстве мест пешеходу приходится пробираться по обочине.

Довольно долго дорога идет по ольшанику, который сначала перемежается полянками, а потом превращается в непролазную чащу.

Однако километра через два дорога выбирается из низины на песчаные холмы, и ольшаник сменяется ельником – высоченным, темным и страшным. Это именно то место, где сидели на дороге филины. Кажется, что солнце никогда не заглядывает в узкую щель между двумя стенами черных елей.

Дремучий лес. Нижние ветки у елей все сухие из-за недостатка света, кое-где с них космами свисает седой мох. Хотя деревья стоят далеко друг от друга, в лесу царит постоянный сумрак, потому что сверху плотно, во много слоев, ветви смыкаются стемной хвоей. Вдали тоже не видно ни малейшего просвета – только новые и новые переплетения стволов и веток.

Иногда кажется, что за деревьями мелькнул просвет, даже видно что-то вроде зеленой травы. Но это не поляна – это приоткрываются непролазные арапихинские болота. Впрочем, на этих болотах есть огромные черничники и заросли клюквы. Надо только быть осторожным – уж очень легко заблудиться. Когда целый день ползаешь на четвереньках по мху, собирая и собирая бесконечное количество ягод, то можно запросто спутать направление. Распрямишься наконец и чувствуешь, что решительно не знаешь, где дорога, с которой вроде бы и сошел-то совсем недавно, и далеко старался не отходить. Особенно плохо, если стоит пасмурный день и не видно солнца, тогда вообще непонятно, куда идти. Начинаешь прислушиваться, не слышно ли моторов с озера, чтобы сориентироваться. Но в лесу тишина – озеро далеко, и моторов не слышно. Скверная ситуация.

Однако, если не сворачивать в болота, а идти по дороге, то скоро попадаешь на развилку, где надо выбрать: налево пойдешь

– будет Арапиха, направо – Сивково.

Это красивое место, довольно светлое, и обе дороги здесь пока еще весьма широкие. Если пойти на Арапиху, то дорога будет широкой до самого конца, потому что, как ни крути, в Арапихе тоже живут люди, и один-два раза в год по дороге проходит трактор.

Просвет за деревьями – это не поляна, а непролазное болото.

Лесная развилка: налево – Арапиха, направо – Сивково.

А вот в Сивково давно никто не живет. Иногда там отводят делянки для порубки леса, и поэтому дорога еще не окончательно заросла. Но легко может статься, что трактор не ходил по ней последние год-два, а за это время случилось несколько сильных бурь, дорогу завалило упавшими деревьями, да и лесная поросль за пару лет тоже взяла свое. Поэтому дорога на Сивково довольно быстро сужается.

Вот дорогу в первый раз перегородило поваленное бурей дерево. Оно такое толстое, что перешагнуть невозможно, приходится обходить.

Дальше бурелом все непролазнее и страшнее.

Папоротники становятся все гуще и выше, они заполняют просветы между деревьями целиком, достигают высоты человеческого роста и практически скрывают от глаз тропинку.

Поваленное дерево поперек тропинки.

Папоротник почти совсем закрыл тропинку.

Горка Бабы Яги. Поваленные деревья лежат как обглоданные кости. Избушка на курьих ножках, окруженная частоколом с насаженными черепами, прячется за гребнем холма.

Чувствуешь себя как в доисторическом лесу – папоротник заполонил весь мир, того и гляди, начнут появляться динозавры.

Вдруг папоротник исчезает, и под деревьями опять только мох и хвоя. Но лес сдвигается вокруг тропинки совсем тесно, и вспоминаются всякие истории о леших и прочей нечисти. В одном месте есть холм совершенно жуткого вида, на котором, я уверена, живет Баба Яга.

Но постепенно дорога опять светлеет, уже не страшно присесть у тропинки на зеленом мху или на полусгнившем бревне. Солнышко начинает пробиваться сквозь чащу и окрашивает все вокруг в веселые тона. Здесь прекрасные черничники, в сезон дающие богатый урожай.

А здесь уже – царство солнца, свежего ветерка и луговых цветов. Вдали виднеется озеро.

И вот наконец лес начинает расступаться и вдруг превращается в череду живописных лужаек. Слышен гул лодочного мотора – озеро рядом! Мы практически допели!

Мы вышли на берег Сивково. Под ногами – некошеная трава, сюда трактора с косилками не доходят. Заросли иван-чая отмечают место развалин старого барского дома, от которого сохранился только фундамент.

Вообще-то барский дом был построен в прекрасном месте – пологий берег переходит в прекрасный песчаный пляж и в ровное, без камней, дно. Наверное, в те времена тут была выкошенная ровная лужайка, окруженная садом или парком. Здесь до сих пор можно найти остатки одичавшей сирени. Я брала отсюда ее саженцы для своего сада.

Иван-чай среди остатков фундамента барской усадьбы.

И здесь тихо склоняют свои ветви рябины и березы. Хочется думать, что они росли издавна здесь, окружая уединенный дом, хотя, если присмотреться, становится ясно, что они слишком молоды для этого.

С берега открывается отличный вид на большой плес с несколькими островами.

На берегу, в сиянии погожего осеннего дня, фотографируется счастливая парочка. Впереди – возвращение через сказочный жутковатый лес к своему мирному домику в деревне Булавино.

Прогулка на Рогдайку

Рогдайка – ближайшее место, куда мы ходим за грибами. Это прекрасный светлый лес, в котором уютно в любую погоду, расположенный совсем недалеко от нашего дома.

Начинается прогулка с прохода по прекрасным перелескам, которые, как и в Борках, выросли на месте заброшенных пахотных полей. Но эти перелески моложе, чем Борки, а еще в них регулярно пасется скот с нашей фермы, поэтому тут лесная поросль реже и ниже и практически нет высокой травы.

Сразу после поля с молодыми сосенками надо перейти по мостику через речку Рогдайку, давшую название лесу. Около мостика это совсем узенький лесной ручеек. В сухое лето вода еле-еле покрывает дно, хотя во время весеннего разлива она поднимается так высоко, что даже заливает мостик и бежит поверх него.

Поле с молодыми сосенками перед Рогдайкой.

Прекрасный рогдайский бор на берегу озера. Песчаная почва заросла мхом и вереском, брусникой и черникой. Здесь, кстати, неплохой черничник, хотя и не очень большой. Среди мха растут великолепные, крепкие боровики с бугристыми темно-коричневыми шляпками, похожие сверху на круглые камешки, спрятанные во мху.

После речки идет короткий участок довольно грязной дороги через низину, заросшую ольхой и малиной, но если быстро повернуть налево, окажешься на тропинке, ведущей к прекрасному зрелому бору.

Как грибное и ягодное место, Рогдайка имеет один недостаток. На берегу каждое лето ставит палатки целая группа туристов, которые живут там все лето и, естественно, собирают грибы и ягоды. Интересно, что эти люди, которых все называют Топовы, тоже имеют дом в нашей деревне, но никогда, даже в самые дождливые годы, им не пользуются, предпочитая жить в палатках на Рогдайке. Дом в деревне им нужен только для того, чтобы не везти каждый год свои палатки, байдарки и прочее тяжелое имущество в Москву. Они складывают это все в своем домике на зиму, а весной или ранним летом приезжают, забирают все из домика и опять разбивают лагерь на рогдайском берегу. По вечерам с деревенского берега хорошо виден свет костра, который они жгут на Рогдайке.

Кстати, Топовы – это имя родоначальников этой семьи. Уже выросли их дети и внуки, много раз поменялись все фамилии, но их по-прежнему в деревне считают Топовыми. И все члены этого клана хранят верность палаткам на рогдайском берегу, и никакими коврижками их не заманишь в деревню, в теплый и сухой дом с электричеством и печкой.

Что касается влияния Топовых на количество ягод и грибов, то оно заметно только в начале сезона или в неурожайные годы, когда в лесах грибного изобилия не найдешь. Обычно же они, конечно, не могут собрать все, и даже не могут существенно уменьшить количество тутошних грибов и ягод, потому что Рогдайка – очень урожайное место.

Самое красивое место на Рогдайке – это устье речки, впадающей в озеро, и крутой, поросший старыми соснами холм у этого устья.

Озеро все время подмывает своими волнами песчаный обрывистый берег холма, и каждый год несколько сосен, растущих ближе всего к краю, падают в воду. С обрывистого берега свисают пучки корней подмытых деревьев. Некоторым детям очень нравится карабкаться по таким обрывам, цепляясь за эти корни, но родители обычно не разрешают. Во-первых, если свалишься в воду, то довольно легко утонуть, потому что здесь большая глубина начинается у самого берега. Во-вторых, такие развлечения еще больше усиливают эрозию берега, и все боятся, что рано или поздно этот прекрасный холм исчезнет.

Сосны на холме. Склон холма – сплошной брусничник.

Вид на залив в ветреную погоду очень тревожный, угрюмый. Вспоминаются строчки из песни: «Нелюдимо наше море, день и ночь шумит оно…».

Виды с вершины холма открываются просто великолепные. С одной стороны расстилается во всю ширь наш Булавинский плес. На противоположном берегу видна наша деревня. Правда, на фото ее загораживают ветки левого куста.

По контрасту, с другой стороны холма расположена идиллическая тихая заводь разлившейся перед озером Рогдайки.

Рядом с речкой находится ближайшее к нам клюквенное болото. Оно небольшое, но, бывало, мы с мужем легко собирали на нем по ведру клюквы – благо болото совсем неподалеку от деревни. Правда, это было до того, как у нас дети попели в школу, когда мы имели возможность остаться в деревне на первые дни сентября. И то клюква была бело-розовая, неспелая. Все-таки это осенняя ягода, собирать ее надо даже не в начале сентября, а в конце, или даже в октябре.

Устье Рогдайки – любимое место рыбы и рыбаков, спокойное в любую погоду.

Самые большие клюквенные болота у нас далеко, за Криново. Они огромные, там можно собрать не два ведра, а столько, сколько хватит сил. Но уж больно далеко идти. Я ходила всего один раз. Идти надо километров десять в одну сторону – сначала до Криново шесть километров по грязной дороге, а потом еще примерно час по лесным буреломам.

И вот начинается болото. Часа три-четыре ты ползаешь по нему на карачках. Во всяком случае, у меня больше сил не хватило. Три-четыре часа сбора клюквы в хорошем месте, где все кочки буквально красны от крупной ягоды, – это по два ведра на человека. Потом идешь домой и тащишь на себе все, что смог собрать. Конечно, ведро с клюквой не такое тяжелое, как ведро с водой, но, учитывая, что ты уже отмахал с утра десять километров по пересеченной местности, а потом три часа елозил на коленках по болоту… Короче говоря, тот наш знаменитый поход за клюквой кончился тем, что единственный раз в моей жизни я упала на дороге без сил, не дойдя километра два до Булавино. Просто ноги подогнулись и все. Упала и лежу, встать не могу, хоть убейте. Подбежал Сережа, мой муж, сначала стал меня ругать, потом смеяться, потом забеспокоился, потому что видит: и вправду сейчас придется бросить клюкву и тащить меня…

Вид на березовые острова.

Ну потом, конечно, встала и пошла дальше. Просто пришлось минут сорок отдохнуть. Больше я на криновские болота за клюквой ни ногой – ну ее к черту!

Если же спуститься с холма и идти вдоль берега, то попадешь в низинку, заросшую осиной и березняком, напротив которой лежат несколько маленьких березовых островов. Эти островки – месторождение белых грибов, подосиновиков и подберезовиков, но перебраться туда можно только на лодке, чем и пользуются Топовы, у которых, в отличие от прочих грибников, всегда под рукой байдарка.

Острова немного защищают прибрежные воды от ветров и волн, идущих с открытого плеса, и у берега образуются замечательные заливчики, заросшие желтыми кувшинками и белыми лилиями.

Если двигаться дальше вдоль воды, то дорогу пересечет узкий, но довольно глубокий овраг, образовавшийся в русле небольшого лесного ручейка. По его краям стоят великолепные пушистые ели. Это тоже знаменитое место, где можно найти сразу целый выводок белых грибов.

Заводь с кувшинками. Кроме желтых кувшинок, которые видны на фото, там в свое время расцветают белые лилии, какие-то розовые и фиолетовые водяные цветы в виде кисточек и еще множество других растений.

На берегах таких заводей селятся бобры, которых множество в наших краях. Они строят свои хатки из хвороста, подгрызают и валят довольно крупные деревья, строят плотины на лесных ручейках. Бобровая хатка у самой кромки воды. Бывают хатки гораздо большего размера. Самая большая, которую я видела, была как раз на Рогдайке и достигала полутора метров в высоту.

После оврага попадаешь на длинный мыс, глубоко вдающийся в воды озера и заросший поверху бором, а у самой воды, как водится, березняком и осиной. На этом мысу обычно устраивают свои стоянки местные рыбаки.

В принципе, это почти конец красивого рогдайского бора. Дальше местность выравнивается, и до самого Криново тянутся болотистые низины, заросшие ольхой. Есть только парочка интересных заповедных бережков, куда местные грибники втайне друг от друга плавают на лодках за белыми грибами. Впрочем, вероятно, они зря соблюдают секретность, потому что, как правило, выясняется, что все плавают в одни и те же места. И эти места к концу сезона истоптаны так, как будто там гуляло стадо слонов, и всюду валяются обрезки от грибных ножек или даже целые грибы, разрезанные пополам и выброшенные, потому что оказались червивыми.

Что касается Рогдайки, то ее дальний конец знаменит своими огромными муравейниками и странными кривыми соснами, которые опять почему-то все растут только в одном месте.

Возвращаться в деревню надо по узенькой лесной тропинке, которая идет по гребню цепочки песчаных горок и во всякое время хорошо протоптана, потому что из-за близости к деревне люди часто посещают эти красивые места.

Тропинка в бору, по которой надо возвращаться домой.

Но, несмотря на это, на самой тропинке много раз мы находили целые семьи темно-коричневых крепких «рогдайских» боровиков! К этому моменту и так уже корзинка полна, и вдруг начинают попадаться такие великолепные, крепкие, хрустящие от свежести грибы, что просто немыслимо пройти мимо! Много раз мы приходили с Рогдайки в Булавино, таща, кроме корзинок, завязанные в виде мешков майки или куртки, набитые доверху отборными грибами! Жаль, в этом году (2010-м) царила летом рекордная жара под сорок градусов, и все грибы, наверное, вырастут только осенью, так что я не успею за время отпуска сфотографировать это удивительное зрелище.

Прогулка вдоль берега

Это тоже короткий маршрут, обычно приносящий прекрасные урожаи грибов. Фактически прибрежная полоска кустов с вкраплением кое-где островков леса, начинающаяся прямо за стоящими на берегу банями, – наш деревенский «грибной огород», куда можно сбегать на полчасика, чтобы украсить семейный ужин сковородочкой жареных грибов.

С одной стороны узкая полоска, о которой идет речь, ограничена кромкой воды, с другой – покосами наших фермеров. Заканчивается «огород» на том мысу, который отделяет Марьин залив от деревни, прямо напротив Борков.

Когда идешь вдоль берега по дорожке посреди луга, то через эти кусты видно озеро и остров Грибовик, который находится на водном пути от нас на «ту сторону».

Скошенные луга. Полоска кустов справа и есть «грибной огород» нашей деревни. Прямо за ним начинается вода – заросли не имеют и трех метров в ширину.

За прибрежными кустами видна гладь озера и остров Грибовик.

Прямо напротив Грибовика от берега отходит широкая и длинная песчаная коса, которая под водой соединяется с островом отмелью. Когда мы только появились в деревне, коса была составной частью деревенских покосов, и ее ежегодно выкашивал Пал Саныч Швецов – готовил на зиму сено для своей коровы. Он следил, чтобы его покос не зарастал кустами, и сразу же вырубал всякий проклюнувшийся кустик.

После смерти Пал Саныча этот участок перестали выкашивать. Совхозу это все было не нужно – площадь маленькая, косогор, трактору не развернуться. А после перестройки местная власть слишком долго «чикалась», и, когда стала, наконец, отдавать сельскохозяйственные угодья около Булавина в аренду (арендовал их Моркунов, естественно), уже на этих бывших покосах, как и на бывших полях, поднялся такой рослый лесок, что вырубить его теперь – целое мероприятие.

В этой высокой траве под молодыми осинами на косе десятками прячутся молодые подосиновики. Деревенские жители после дождя бегут к этому месту наперегонки – тот, кто пришел на нетронутое место, может набрать большую корзинку одних молоденьких шляпок в ста метрах от деревни, не говоря уже о попадающихся крупных белых грибах.

Моркунов не стал ничего вырубать и косит там, где по какой-то причине лес вырасти не успел. Поэтому прибрежные заросли становятся каждый год все гуще и выше, а на косе образовался приличный лесной «островок», в основном из елок и осин.

В старые времена здесь был ровно выкошенный участок без единого кустика и с прекрасным пляжем. Мы приплывали сюда на лодке с подстилками разного рода и кое-какой снедью – это было лучшее место, чтобы позагорать и искупаться.

Дальше идет глубокий овраг, который лучше обойти по полю, по дороге. Впрочем, если не полениться и залезть в самую осоку и ивовые кусты, которыми зарос этот овраг, то иной раз там, на дне, в, казалось бы, совершенно неподходящем месте можно найти десяток белых прямо посреди зарослей осоки, где вроде бы и поганки не должны расти.

Прибрежная дорога в обход оврага.

За оврагом по берегу некоторое время тянутся заросли высоченного иван-чая, в которых можно скрыться с головой. Следом начинается участок, заросший молодыми сосенками, близко к которым подступают высокие ели, что очень похоже на типичный пейзаж Борков.

Берег внизу очень крутой, обрывистый, кое-где осыпается в озеро песок, и в этом песчаном обрыве иногда почему-то тоже вырастают, вопреки всяким правилам, белые грибы. Их приходится с риском свалиться в воду выковыривать из песка пальцами.

Пройдя через довольно обширный и густой прибрежный ельник, попадаешь в светлый мелкий березнячок, который, как правило, просто утыкан подберезовиками.

На поле выросли молодые сосенки, а по краю стоят огромные темные ели. Эти ели были большими еще во времена моего детства, когда поле было распахано под овес, а по краю шли покосы Пал Саныча. Как и положено, под елками и соснами в изобилии водятся маслята, а иногда даже рыжики. Кстати, странно, но у нас очень плохо растут рыжики, при том, что в окрестностях полно елок и сосен. И опенки попадаются почему-то только на «той стороне». Чем-то им наша сторона не нравится!

Если пойти глубже в сторону поля, там, на косогоре, со старых времен притулился «лесной островок», который никогда не распахивали, потому что косогор такой крутой, что трактор завалился бы на бок. Поэтому деревья на островке очень старые и могучие, например одна великолепная береза – на мой взгляд, царица всех окрестных берез.

После лесного островка сразу выходишь на край Марьина залива. На противоположной стороне, за узким проливом, виден край Борков.

Обрывистый берег, поросший соснами.

Грибное место – молодой березняк, раздолье подберезовиков.

Огромная старая береза на косогоре.

«Лесной островок» на крутом косогоре.

Косогор такой крутой, что кое-где грунт осыпается. Весь этот лесной островок изобилует самыми разными грибами – от сыроежек до белых.

Как и на противоположной стороне, здесь озеро от залива отделяет узкий вытянутый мыс, на котором растут молодые осинки и березки и, разумеется, белые и подосиновики.

Здесь, кстати, находится и огромное месторождение волнушек. Если удачно попасть, пока они еще молоденькие, то с огромным удовольствием набираешь в один присест целую корзинку ровненьких, кругленьких, хрустящих розоватых «пятачков».

Этот мысок для меня – памятное место детства. Когда мне было шестнадцать, я надумала сама себе устроить испытание на самостоятельность. Я решила, что убегу от родителей в лес на один день и там переночую в самодельном шалаше у костра. При этом предполагалось, что никакой еды я с собой не возьму, а буду питаться тем, что добуду сама: рыбой, которую я должна буду наловить, и грибами, которые соберу. С собой разрешалось взять только крючки для удочки, соль, спички и топор.

Я благоразумно ограничила свой эксперимент одними сутками и убегать намеревалась не очень далеко: а вдруг что-

нибудь пойдет не так? Местом самостоятельной лесной ночевки был выбран именно этот мысок.

В последнюю минуту к моей затее присоединилась моя двоюродная сестра Галинка (на год младше меня), и мы убежали вдвоем, оставив родителям записку с объяснением нашей затеи.

В целом затея удалась – сутки в лесу мы продержались.

Вид на Марьин залив. На противоположной стороне залива виден лес Долгих Полос.

Мыс имеет крутую песчаную гряду посередине. Она спускается с двух сторон к воде неровными уступами, заросшими ближе к полю большими соснами, а у воды – молодыми осинками и березками.

Вот на этом месте, под большой березой, в свое время стоял мой шалаш.

У меня осталось несколько очень ярких воспоминаний. Во-первых, как ругались мои родители и особенно родители Галинки. Во-вторых, чувство дикого голода. Грибы мы действительно нашли быстро (подосиновики, как сейчас помню), но встал вопрос: как их готовить? Ведь, по правилам игры, мы не взяли с собой какой-либо кастрюльки или сковородки. Пришлось их жарить, нанизав на прутик, над костром. Они при этом, разумеется, наполовину сгорели, наполовину остались сырыми. Но мы их и так слопали за милую душу. Помню, что мы нашли в кустах ржавую консервную банку и долго обсуждали, можно ли помыть ее хорошенько в озере и приспособить для варки грибного супа. В конце концов сошлись на том, что нельзя – это будет нарушение правил. Так ведь можно было бы и кастрюльку с собой взять! От супа пришлось отказаться. Потом еще была попытка наловить рыбу. Сначала долго искали червяков для наживки. Это не так-то просто. В лесу трудно найти дождевых червяков, там ведь почва довольно тощая, не как в удобренном огороде. Да и лопат у нас не было.

В конце концов все-таки что-то нашли. Соорудили самодельную удочку из палки, сидим и ловим. А рыба проклятая не клюет! Живот подвело так, что выть хочется. Это вам не банальная неудача на рыбалке, тут решался вопрос: мы хоть что-

нибудь питательное за день вообще съедим или нет? Помню, в какой-то момент мы всерьез обдумывали вопрос о том, чтобы за неимением рыбы пожарить и съесть наживку самим.

Наконец – ура! Рыба клюнула! Поймались две-три плотвички длиной меньше ладони и были проглочены нами в полусыром-полуобугленном виде.

Сквозь волнистые туманы пробирается луна.

Восход над озером. Стоит собачий холод, дует очень свежий ветерок, и наконец-то можно вернуться домой.

Третье воспоминание – о нашей ночевке. Был дикий холод, сквозь ночной туман светила луна. Шалаш продувался насквозь. Еловые ветки, которые мы нарубили себе в качестве подстилки, кололись и были ужасно твердыми, и сквозь них чувствовалась холодная земля. Куртки, которыми мы пытались укрыться, не грели совершенно. Мы не выдержали, добрались в темноте до ближайшего стога и натаскали себе сена, хотя и знали, что тетя Нина, владелица стога, будет страшно ругаться, когда это увидит.

Кроме того, в кустах что-то все время шуршало. О том, что это голодные волки, мы старались не думать. Но помню, что мы все время обсуждали с Галинкой легенды о том, как спящим в поле путникам под рубашку заползают змеи, чтобы погреться, и пытались придумать метод, как этого избежать. Не помню, какие у нас были по этому поводу идеи. В конце концов мы заснули.

Дальняя часть Марьина залива, заросшая камышом и плавно переходящая в прилегающее болото.

Проснулись мы, стуча зубами от холода, голодные, как собаки, в пять часов утра. Только начинался рассвет – краешек солнца показался за озером. Мое последнее впечатление от этой эпопеи, которое я помню до сих пор, – изумительное по красоте утро, ослепительность наступающего дня и чувство неомраченного счастья от красоты мира и от того, что скоро можно будет с честью вернуться домой. Вероятно, голод очень способствовал тому, чтобы возвращение рисовалось нам в радужных красках.

Итак, мы вернулись, согрелись наконец и удивили родителей тем, сколько могут съесть две девчонки и как долго они могут проспать.

Интересно, что у нас с Галинкой были многочисленные последователи.

Первыми после нас «убежали в лес» мой четырнадцатилетний брат с приятелем, только они устроились еще ближе, прямо за деревенской околицей. Потом, насколько я помню, «убегали» по очереди все мои двоюродные братья и сестры, а также мои старшие дети, взяв с собой младшего – Витюшку. Подробности их «побегов» я помню не так отчетливо, как свои собственные приключения, но сейчас мне кажется, что большинство из них все-таки брали с собой котелки и одеяла, а некоторые даже палатки. Надеюсь, что это не испортило им удовольствия.

Устье Марьина залива, вид с булавинского берега.

Закончить я хочу еще несколькими фотографиями Марьина залива – очень красивого места, наводящего меня на романтические воспоминания о моем детстве.

Прогулка в Солнышкино и Арапиху

Это довольно длинное путешествие. Предполагается, что из Булавино доходишь по почти заросшей лесной дороге до деревни Солнышкино, оттуда – до деревни Арапиха, а после уже возвращаешься в Булавино. По прямой расстояние около двенадцати километров, но если учесть, что лесные дороги никогда не идут прямо, то выходят все пятнадцать километров.

Начинается солнышкинская дорога позади фермы, с покосов и выпасов, усеянных невысокими кустами и молодыми деревьями. В сезон здесь, как и в Борках, можно собирать маслята, а в низинах – подосиновики. А вообще, дорога славна огромным количеством боровиков, которые почему-то имеют свойство расти прямо на тропинке под ногами.

Постепенно кусты сдвигаются все гуще, дорога уходит в низину, появляется вездесущая ольха и малинник.

Вход в лес по солнышкинской дороге очень неприятный. Болотистая тропинка почти заросла. Малиновые заросли, комары, какая-то черемуха поперек дороги.

Года два назад Сережа с друзьями взяли топоры и потратили пару дней на то, чтобы прорубить проход, прямо как в гвинейских джунглях, где, по слухам, в лес без мачете не попасть. В этом году мы увидели, что поперек тропинки в огромном количестве навалены какие-то кусты и стволы деревьев – результаты прошлогодней порубки, но уже поднялась новая поросль и по дороге опять трудно идти.

При этом действительно прямо под ногами в этом мусорном лесу повсюду торчат шляпки белых грибов. Здесь очень легко заблудиться, потому что, чуть не наступив на дороге на белый гриб, люди обычно бросаются шарить по окрестным кустам, чтобы найти еще. А обратно на тропинку вернуться уже не могут. Ее просто не найти. Она такая заросшая, что кое-как по ней можно двигаться, если твердо знаешь, что ты на ней стоишь и смотришь ВДОЛЬ нее. Тогда видны какие-то поломанные ветки, примятая трава вдоль тропинки, и еле-еле можно определить ее направление. А если ты вышел из леса сбоку и смотришь ПОПЕРЕК тропинки, то ты, скорее всего, не заметишь ее.

Начало солнышкинской дороги.

Здесь можно намучиться даже с навигатором GPS, мы с мамой пробовали. Прибор будет указывать направление на точку старта – Булавино, а между тобой и точкой старта, например, оказалось непроходимое болото, и вот приходится по каким-то непролазным буреломам его обходить, в результате чего забредаешь еще глубже в чащу.

И вообще бурелома очень много.

Под ногами – месиво из грязи. Самая грязная часть дороги производит такое сильное впечатление, что я ее сфотографировала.

Группа входит в ужасный лес. Ольха и малинник. Начало дремучих зарослей.

Вывороченное дерево с норой под корнями.

Бурелом рядом с дорогой. Очень неприятно, если вы потеряли тропинку, а GPS указывает вам путь через такую местность.

Самая грязная часть дороги.

Солнышкинский бор – один из самых красивых в здешних местах.

Но как только заболоченная низина кончается и дорога берет вверх, лес становится красивым и более проходимым. Где-то здесь сходятся три лесные дороги – одна ведет из Солнышкино в Криново, другая – в Арапиху, а третья наша, Булавинская. Однако этот лесной перекресток тоже не очень легко обнаружить. Вообще, солнышкинская дорога – это место, где даже опытный человек обязательно хоть пару раз потеряет нужное направление.

Лес за этим перекрестком еще более чистый и светлый, появляются дополнительные тропинки по сторонам – их протоптали грибники из Солнышкино, которые ходят сюда на промысел. Дальше перекрестка они не суются, и понятно почему.

Из такого прекрасного бора, который растет у деревни Солнышкино, совершенно не хочется лезть в болото и бурелом, да и незачем.

Привал на берегу после перехода через Ужасный лес и Солнышкинский бор.

Скоро дорога выходит на берег озера.

По берегу растет пушистый зеленый мох, черника и ели. Интересно, что здесь водятся «ложные белые» – розоватые несъедобные грибы, во всем остальном похожие на боровики. Почему-то около Булавино, например на Рогдайке, их никогда не встретишь, хотя ландшафт очень похож.

Вдоль берега выходишь на совсем открытое пространство – Солнышкинский плес.

Здесь красивый высокий берег, и впадает в озеро Солнышки некая речка.

Само Солнышкино находится на другом берегу речки. Вероятно, тут есть какая-то переправа – ведь жители Солнышкина, очевидно, как-то выходят в эту часть леса и на дороги. Но мы переправу не стали искать.

Обрывистый берег у устья Солнышкинской речки. Наша группа отдыхает перед обратной дорогой.

На противоположном берегу речки видны крыши деревни Солнышкино.

Устье речки напоминает устье Рогдайки и сильно заросло осокой и тростником.

Солнышкино – маленькая деревня без постоянного населения и без электричества. Всего несколько домов, живут только «дачники». Коров нет. Раньше электричество, конечно, было, но в какой-то момент очередная буря повалила столбы, и их не восстановили. Постоянные жители, разумеется, в деревне без электричества не селятся. Это та самая участь, от которой общими усилиями удалось спасти наше Булавино.

«Дачники» живут летом – кто с электрогенератором, кто просто с печкой и керосиновой лампой. Зимой дома в пустой деревне иной раз грабят – подъезжают на снегоходах, ломают дверь и вывозят все подчистую, включая мебель, по льду на другой берег, где ждет грузовик. Такая высокоорганизованная банда по ограблению дачных домов орудовала несколько лет подряд, но, кажется, в прошлом году их наконец поймали, судили в Д. и посадили.

От солнышкинского берега недалеко до Арапихи, расположенной на этом же краю полуострова.

Но до нее по берегу не пройти, надо вернуться по дороге до лесной развилки и идти оттуда.

После развилки дорога опять приближается к берегу и идет

по прекрасному сосняку.

Ближе к деревне сосны сменяются полями и перелесками, как обычно. Сюда дотягиваются руки наших неутомимых фермеров – Моркунов присылает тракторы косить траву.

Постоянных жителей и, соответственно, коров в деревне нет. Последней местной жительницей была некая баба Маша, державшая в свое время и коров и коня. Я ходила к ней за молоком через лес, когда в Булавино молока уже было не достать. Она подарила нам белого котенка. Иногда она приезжала в Булавино по каким-то своим делам, лихо восседая на своем коне. Если Нинины коровы устраивали потраву соседских огородов в Булавино, то Нина обычно сваливала вину на арапихинского коня, который «видать, опять вырвался и прискакал».

С бабой Машей и ее маленьким внуком случилась трагическая история. Это был мальчик трех или четырех лет, которого родители почему-то отдали на воспитание бабке в деревню. Он жил там все лето и даже оставался с ней зимовать в единственном жилом (зимой) арапихинском доме.

Бабка, конечно, за ним не очень внимательно следила. Однажды, когда он только-только научился ходить и не очень твердо держался еще на ножках, он играл у воды около лодки. Может быть, он даже слез в воду, потому что дно озера у Арапихи совсем мелкое и в глубину уходит довольно далеко от берега.

Великолепный сосновый лес на берегу около Арапихи.

И вот его сбила с ног волна от прошедшего по озеру катера. Он упал на самом мелководье, но, поскольку был еще маленький, не смог подняться и начал тонуть. Слава Богу, это быстро заметили, и, когда его вытащили, он был еще жив, но в себя уже никак не приходил.

Надо сказать, местные жители дальше действовали совершенно великолепно. С огромной скоростью была разыскана и снаряжена моторная лодка, которая повезла бесчувственного ребенка на «ту сторону» в Задольское. В Задольском мгновенно нашелся доброволец с автомобилем, который помчался с ребенком в Д. Одновременно с почты в Задольском, где был единственный на всю округу телефон (это было до эпохи мобильной связи), начали названивать в Д-скую больницу. Д-ская больница, осознав, что, может быть, не справится с таким тяжелым случаем, позвонила в Н. и вызвала санитарный вертолет.

В результате, когда машина с ребенком дошла до Д., на поле уже приземлился этот самый санитарный вертолет, и ребенка по воздуху перебросили в Н., в областную больницу. По словам бабы Маши, «в Н. в больнице врачи за ребенком не ходили, а бегом бегали». По-видимому, все было сделано своевременно, вся операция по переправке в больницу заняла чуть больше полутора часов. Ребенка спасли и через некоторое время вернули бабушке.

Однако, к сожалению, это еще не конец ужасной истории. Зимой у бабы Маши телилась корова, она была занята в хлеву и опять не уследила за малышом. Он играл на улице. Когда бабушка освободилась и вышла, мальчика нигде не было видно. По следам на снегу она дошла до проруби. В проруби виднелась только курточка – ребенок плавал лицом вниз…

Она сама рассказывала мне эту историю. Всю зиму и лето несчастная баба Маша снова и снова рассказывала ее разным людям, как видно, пытаясь излить свое горе. И в конце истории добавляла совершенно жуткое свое умозаключение: «Видно, понравился мой внучок озерному царю. Видно, звал он его из озера все время…»

Что касается взаимопомощи и организованной работы по спасению человеческой жизни, то иногда на нашем озере можно наблюдать самые удивительные картины. Откуда что берется! И готовность помочь, и сообразительность, и полное отсутствие лени – как будто это не те же самые люди, которых с места не сдвинешь, чтобы телегу навоза привезти.

Например, совсем недавно в очень тяжелое положение попали наши фермеры. У них взбесился бык и забодал своего

пастуха. Я уже говорила, что быки почему-то у нас водятся лютые.

Поранил бык пастуха очень сильно – рог пробил легкое, было сломано несколько костей, и человек начал буквально умирать на руках у моей сестры Даши. Положение осложнялось тем, что стояла ранняя весна, на озере еще не сошел лед, и плыть на лодке было нельзя. С другой стороны, проехать, даже пройти по льду тоже еще было невозможно, лед был совсем тонкий и не выдерживал никакого серьезного веса.

Казалось, выхода нет. Вдобавок Моркунова не было в деревне, и Даша со своим раненым оказалась совсем одна.

Из этой отчаянной ситуации был найден нетривиальный выход. Оказывается, у одного из «дачников», живущих на «той стороне», в сарае было заперто судно на воздушной подушке, которое могло пройти по тонкому льду. Даша как-то смогла это выяснить с помощью звонков местным жителям и даже раздобыла мобильный телефон хозяина судна. Ему позвонили. Он находился вовсе не на своей даче, а на работе в Н. Но не колебался ни секунды – бросил все дела, прыгнул в машину и через два часа уже отпирал свой сарай с волшебным транспортным средством. Еще через двадцать минут раненого, уже теряющего сознание, погрузили на машину отзывчивого хозяина и повезли в Н.

Человека успели спасти, хотя он остался инвалидом.

Итак, от Арапихи мы двигаемся в сторону Булавино по той дороге, которая в лесу сливается с дорогой на Сивково.

Мы идем среди высоких елей, справа простираются знаменитые черничные болота, но мы уже отмахали почти пятнадцать километров, и нам, честно говоря, не до черники. Дети уже еле идут, их приходится тащить за руку. Да и взрослые, кто постарше, начинают отставать от основной группы.

Все радуются, что нам не пришло в голову возвращаться из Солнышкино через Криново, а можно было, там есть проход через леса. Тогда было бы не пятнадцать, а все двадцать километров пути, если не больше. Кто-то вспоминает, что один раз в прошлые годы по какой-то причине пришлось так идти и после этого прямо-таки еле живы остались.

Возвращение домой. Уставших детей уже приходится тащить «на буксире»– за руку.

Есть еще несколько интересных маршрутов около нашей деревни – на плотину, на противоположный берег и другие. Но в этом году больше сходить не удалось.